

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УДК 327

№ гос. регистрации AAAA-A78-718101290002-7

Инв. №

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по НИР
ФГБОУ ВО «Сахалинский
государственный университет»
В.В. Моисеев
«10.12.2018 г.

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

«МИЛИТАРИСТСКИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН АТР»
(итоговый)

Руководитель темы
д-р ист. наук, профессор
кафедры Российской и
всеобщей истории СахГУ

подпись, дата

10.12.2018

Н.В. Потапова

Нормоконтролёр
канд. пед. наук

подпись, дата

10.12.2018

Д.А. Бородулин

ЮЖНО-САХАЛИНСК. 2018

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы
д-р ист. наук, профессор
кафедры Российской и
всеобщей истории СахГУ

Н.В. Потапова

РЕФЕРАТ

Отчёт 128 стр., 94 источника.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, милитаризация, военно-экономический потенциал, международные отношения, конфликт, угроза, Российская Федерация, США, Япония, Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика, Китайская Народная Республика.

Отчёт составлен по результатам НИР, выполняемой в соответствии с договором № 28/2/18/5 от 1 августа 2018 г. и техническим заданием на проведение научно-исследовательской работы для федерального казенного учреждения "Объединенное стратегическое командование Восточного военного округа"

Тема: Милитаристский вектор современной политики стран АТР.

Объект исследования: международные отношения в АТР.

Цель работы: оценка на основе анализа материалов открытой печати и классификация по степени динамики потенциальных угроз для РФ военно-политических программ, реализуемых ведущими странами региона.

Методы проведения работы:

1. выявление источников по теме (открытая печать);
2. выявление исследований по теме (открытая печать);
3. анализ полученных данных;

Результаты работы: Аналитический доклад.

Новизна: Комплексное исследование актуальных процессов милитаризации в странах – основных игроках Азиатско-Тихоокеанского региона, несущих в себе угрозы для Российской Федерации предпринимается впервые.

Практическая значимость работы: Результаты работы могут быть использованы для: преподавания дисциплин, связанных с историей и современным состоянием международных отношений и военной историей Азиатско-тихоокеанского региона, написания научных статей, монографий, учебных пособий, учебников, диссертаций, выпускных квалификационных работ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТРАН – ИГРОКОВ В АТР.....	7
1.1. Современный военно-экономический потенциал КНР.....	7
1.2. Современный военно-экономический потенциал Японии.....	18
1.3. Современный военно-экономический потенциал Республики Корея.....	23
1.4. Современный военно-экономический потенциал КНДР.....	29
1.5. Современный военно-экономический потенциал США.....	40
2. ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ПРОЦЕССОВ МИЛИТАРИЗАЦИИ В СТРАНАХ АТР НА 2018 ГОД.....	46
2.1. Динамика процессов милитаризации в КНР на 2018 год.....	46
2.2. Динамика процессов милитаризации в Японии на 2018 год.....	55
2.3. Динамика процессов милитаризации в Республике Корея на 2018 год.....	64
2.4. Динамика процессов милитаризации в КНДР на 2018 год.....	74
2.5. Динамика процессов милитаризации в США на 2018 год.....	79
3. ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ВЕРОЯТНЫХ УГРОЗ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТОРОНЫ СТРАН – ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВНИКОВ РОССИИ В АТР.....	91
3.1. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны КНР.....	91
3.2. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны Японии.....	97
3.3. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны Республики Корея.....	100
3.4. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны КНДР.....	104
3.5. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны США.....	106
3.6. Общая характеристика военно-политической ситуации в АТР и положения в регионе России.....	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	116
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	120

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Актуальность обусловлена усилением милитаризации в странах АТР, в том числе, в ранее нейтральных и дружественных. В регионе, где, как минимум, в пяти странах размещено собственное или стороннее ядерное оружие, проживает до трети населения мира, и многие локальные конфликты, имея этническую и исторически обусловленную окраску, могут достаточно быстро приобрести глобальный характер. Очевидное усиление вооруженных сил КНР, традиционная антироссийская политика со стороны США, растущая милитаризация Японии и сохранение ее требований о возвращении ряда островов Курильской гряды и пересмотра территориального размежевания по итогам Второй мировой войны, следование Японии и Южной Кореи в фарватере политики США, а также ракетно-ядерная программа КНДР актуализируют тему исследования.

Характер исследования: прикладной.

Сроки исполнения: начало – 01.08.2018 г., окончание 20.12. 2018 г.

Перечень организаций, заинтересованных в результатах исследования по теме: федеральное казенное учреждение "Объединенное стратегическое командование восточного военного округа", ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»

Объект: международные отношения в АТР.

Предмет: процессы милитаризации в странах АТР

Цель работы: оценка на основе анализа материалов открытой печати и классификация по степени динамики потенциальных угроз для РФ военно-политических программ, реализуемых ведущими странами региона.

Задачи исследования:

- Анализ современного военно-экономического потенциала и определение основных стран – игроков в АТР.
- Оценка динамики процессов милитаризации в таковых странах на 2018 г.
- Оценка динамики вероятных угроз для РФ со стороны стран – потенциальных противников России в АТР.

Методы проведения работы:

4. выявление источников по теме (открытая печать);
5. выявление исследований по теме (открытая печать);
6. анализ полученных данных;

Результаты: Аналитический доклад

Практическая значимость и формы и область применения полученных результатов: Результаты работы могут быть использованы для преподавания дисциплин, связанных с историей и современным состоянием международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе, написания научных статей, монографий, учебных пособий, учебников, диссертаций, выпускных квалификационных работ.

Научная новизна исследования: Комплексное исследование актуальных процессов милитаризации в странах – основных геополитических игроках Азиатско-Тихоокеанского региона, несущих в себе потенциальные угрозы для Российской Федерации предпринимается впервые

1. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТРАН – ИГРОКОВ В АТР

Во втором десятилетии XXI века в мире, как на глобальном, так и на региональном уровне продолжают происходить серьезные сдвиги в балансе сил, появились новые и усилились старые угрозы и вызовы миру и стабильности. Особенно отчетливо это просматривается в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), и прежде всего в Северо-Восточной Азии (СВА), где на глазах растет международная напряженность, усиливается гонка вооружений и в любой момент может вспыхнуть военный конфликт, в частности, в связи с многочисленными территориальными спорами, а также с борьбой за лидерство в регионе, что дает основание говорить, что в этой части планеты холодная война так и не закончилась. В этих условиях страны АТР вынуждены коренным образом пересматривать свои основополагающие подходы к обеспечению собственной безопасности, обновлять соответствующие документы или создавать новые. Согласно теории комплекса региональной безопасности, предложенной ведущими современными теоретиками в области международных отношений Барри Бузаном и Оле Уэвером, наибольшее значение для географически оформленных регионов имеют угрозы, исходящие изнутри. Между входящими в него странами, как правило, существует устойчивая взаимозависимость по вопросам безопасности, а следовательно, он может восприниматься как подсистема или мини-система, для которой применимы традиционные для теории международных отношений категории "баланса сил", "полярности", "комплексной взаимозависимости", "альянсов" и др. [13]. АТР – субрегион, где выделяются следующие, кроме Российской Федерации доминантные геополитические игроки: США, Япония, Южная Корея или Республика Корея (РК), Северная Корея или Корейская народная демократическая республика (КНДР) и Китай или Китайская народная республика (КНР). Военный потенциал государств опирается на демографический, экономический, технологический, научный, политический, идеологический фундаменты, поэтому в данном разделе мы дадим общую характеристику наиболее значимых параметров состояния государств, определяющих его военно-экономический потенциал.

1.1. Современный военно-экономический потенциал КНР

В последние 20 лет главным глобальным явлением стал экономический и военный прогресс Китая. Мобилизационный потенциал НОАК велик, что связано с тем, что численность населения Китая сегодня около 1,3 млрд. человек. Хотя на службу по

призыву отбираются лучшие, все равно процент граждан, прошедших регулярную военную службу в рядах Народно-освободительной армии Китая (НОАК), очень велик. К 2015 году на китайский ВПК работало 24 предприятия атомной отрасли, 12 компаний ракетно-космической отрасли, девять авиазаводов, 14 фабрик по производству бронетехники, 20 предприятий по сборке артиллерийской техники, более 200 заводов по производству боеприпасов и 23 крупные верфи [82]. За это время оборонный бюджет КНР вырос с 15 млрд. долларов до более чем 200 млрд.[19]. Благодаря большим денежным вливаниям произошло качественное улучшение китайской армии.

Главным событием военной жизни КНР в последние годы стала военная реформа. В ноябре 2015 г. Си Цзиньпин представил широкой общественности важнейшие элементы реформы НОАК, планирующейся завершиться к 2020 г. 31 декабря 2015 года в Китае состоялась торжественная церемония, давшая старт реформированию армии. Первым шагом на пути к обновленной армии стало формирование Ракетных войск НОАК и Войск стратегической поддержки НОАК. В ходе церемонии председатель КНР Си Цзиньпин вручил представителям войск флаги новых видов вооруженных сил. Глава КНР отметил ключевую роль вновь созданных Ракетных войск в обеспечении национальной безопасности, а также поставил задачу расширять возможность по ядерному сдерживанию и укреплять силы по нанесению точных ударов на средних и больших дальностях [43].

Сухопутные силы. Самым значимым изменением, предусмотренным реформой НОАК стало сокращение количества военных округов с семи, со штабами в Шэньяе, Пекине, Ланьчжоу, Цзинане, Нанкине, Гуанчжоу и Чэнду, до пяти, отныне именуемых «зонами боевого командования», – Восточную, Южную, Западную, Северную и Центральную. 1 февраля 2016 г. официальный представитель Министерства обороны Ян Юйцзюнь в ходе пресс-конференции заявил, что «формирование зон боевого командования и создание объединенной системы командования являются стратегическим решением ЦК Компартии Китая и Центрального военного совета КНР, направленным на достижение китайской мечты о сильной армии»[7]. В НОАК были созданы отдельные штабы для всех сухопутных армий, имеющих теперь больше полномочий. Реформа предусматривает модернизацию наземных сил для создания современной армии, способной сражаться и побеждать одновременно в нескольких региональных войнах, используя сухопутные войска в качестве главной ударной силы.

Исследователи отмечают, что, несмотря на то что, КНР в последние годы стала более информационно открытой, сведения по НОАК в значительной степени засекречены. Общедоступна лишь информация о названиях зон боевого командования и нумерация армий, частей, соединений и приблизительная численная оценка войск. В сухопутные

войска КНР входят следующие рода войск: пехота, бронетанковые войска, артиллерия, войсковая ПВО, воздушно-десантные, инженерные, химические, разведывательные, связи и автомобильные войска, пограничные войска.

По информации из открытых источников на вооружении сухопутных войск НОАК стоят:

1. танки – 9150 единиц [82] (2200 Тип-59, 550 Тип-59П, 650 Тип 59D, 300 Тип-79, 500 Тип-88, 1000 Тип-96, 1000 Тип-96А, 40 Тип-98А, 500 Тип- 99, 100 Тип-99А). Эксперты считают, что доля устаревших машин в танковом парке Китая хотя и велика, но при столь значительном количестве танков даже старые машины будут иметь боевую ценность хотя бы потому, что сегодня у подавляющего большинства вооруженных сил стран мира, включая соседей и потенциальных противников Китая, не хватит противотанковых средств для поражения такого количества танков [19].

2. боевые броневые машины (ББМ) – 6600 единиц;

3. самоходные гаубицы – 1200 единиц;

4. минометы – около 10000 единиц;

5. реактивные системы залпового огня (РСЗО) – 4000 единиц (1770 – по другим данным);

6. пусковые установки (ПУ) тактических ракет – около 1500 единиц;

7. буксируемая артиллерия – 6246 единиц;

8. зенитные орудия – 1531 единиц;

9. противотанковые средства различных модификаций – примерно 8000 единиц [82].

В целом главным достоинством сухопутных войск КНР является их массовость. Ни одна армия мира на данный момент не обладает личным составом численностью около 1,3 млн., 18 армейскими корпусами и резервом, превышающим 3 млн. человек [19].

Военно-воздушные силы. Военно-воздушные силы КНР по количеству технических единиц находятся на первом месте в Азии и на третьем месте в мире (после США и России). КНР обладает 2100 боевыми самолетами, из которых 1700 – это истребители, а 400 – бомбардировщики, и 475 транспортными самолетами [82]. ВВС Китая стремительно сокращают отставание от западных стран. Активно внедряются самолеты 4-го поколения (сейчас их около 600). Хотя до сих пор значительную долю занимают старые машины 2-го и 3-го поколений, исходя из темпов обновления авиапарка, можно утверждать, что в скором времени большинство самолетов ВВС КНР будут самолетами 4-го поколения. В то же время 1 ноября 2016 г. китайский истребитель 5-го поколения предстал перед публикой в рамках авиакосмического салона Airshow China- 2016 [28].

По плану Чэнду J-20 должен поступить в ряды китайских ВВС в ходе реформ НОАК 2015-2020 гг. Другое китайское «детище» 5-го поколения – истребитель Шэньян J-31 – уже находится в производстве, и китайские руководители явно надеются, благодаря этой технологической новинке, потеснить США с их F-35 с зарождающегося рынка истребителей 5-го поколения. Не обходятся без внимания Китая и российские самолеты. На вооружении ВВС КНР уже стоят две версии СУ-30 общей численностью 97 единиц, две версии СУ-27 численностью 75 машин, а также советские транспортники ИЛ-18, ИЛ-76, ИЛ-78, ТУ-154[19]. Более того, в ноябре 2015 г. было подписано соглашение с Россией о поставке 24 многофункциональных истребителей СУ-35 стоимостью почти 2 млрд. долларов[4]. Основным бомбардировщиком ВВС КНР является Сянь Н-6 (130 единиц)-лицензионная копия советского реактивного бомбардировщика Ту-16. Использование самолета, первая модификация которого была создана в 1952 г., демонстрирует необходимость обновления китайской армии.

Военно-морские силы (ВМС). За последние 15 лет программа модернизации ВМС Китая способствовала выпуску более технологичных и гибких сил быстрого морского действия. Военно-морскому флоту НОАК сейчас принадлежит самое большое количество судов в Азии, более 300 надводных кораблей, подводных лодок, десантных кораблей и патрульных судов. Китай стремительно отказывается от устаревших боевых единиц в пользу более крупных, многоцелевых кораблей, оснащенных передовыми противокорабельными, зенитными и противолодочными вооружениями и датчиками. В ВМС КНР продолжается постепенный переход от доктрины обороны близлежащих морских территорий к патрулированию «дальних морей». НОАК возлагает большие надежды на модернизацию и обновление свои подлодок, располагая пятью атомными подводными лодками (подводные лодки проекта 093 «Шань»), четырьмя подводными атомными лодками с баллистическими ракетами (подводные лодки проекта 094 «Цзинь», подводная лодка проекта 092 «Ся») и 53 дизельными подводными лодками (ДЭПЛ пр. 041 «Юань»; ДЭПЛ пр. 636; ДЭПЛ пр. 877ЭКМ; ДЭПЛ пр. 039 «Сун»; ДЭПЛ пр. 033 «Ромео») С 2008 г. ВМС Китая наращивают количество кораблей различного класса, включая эскадренные миноносцы с управляемым ракетным оружием и фрегаты УРО. В период с 2014 г. четыре эскадренных миноносца типа 052D вступили в строй, доведя численность эскадренных миноносцев УРО в НОАК до 35 кораблей [91].

Увеличение присутствия КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях требует создания современных кораблей небольшого размера, модернизированных к противолодочной обороне и постоянному патрулированию близлежащих морей. Данным требованиям отвечают корветы типа 056, которые Китай производит с 2012 г. В море

вышло около 30 единиц, еще столько же запланировано выпустить. Кроме корветов, КНР имеет более 80 ракетных катеров проекта 022 (катамаранов с противокорабельным ударным вооружением), предназначенных для операций в близлежащих морских территориях. Инвестиции Китая в производство своих десантных кораблей говорят о целях развития экспедиционных высадок морского десанта и активном участии ВМС КНР в борьбе против пиратов. С 2005 г. в Китае было построено четыре крупных универсальных десантных корабля проекта 071, которые дают гораздо большие возможности для удаленных морских операций, чем старые десантные корабли.

В составе китайских ВМС есть авианосец «Ляонин», бывший советский авианосец «Рига», приобретенный у Украины за 25 млн. долларов в апреле 1998 г. Но даже полностью вооруженный данный авианосец не в состоянии конкурировать с авианосцами США класса Нимиц. «Ляонин» скорее является пробой ВМС Китая в эксплуатации авианосца, и, вероятно, продолжит играть важную роль в подготовке пилотов и тактических разработках, которые будут использоваться на следующих типах авианосцев.

Стратегические ракетные силы. Стратегические ракетные силы КНР до 31 декабря 2015 г. входили в состав Второго артиллерийского корпуса. С 2016 г. он стал именоваться «Ракетными войсками Народно-освободительной армии Китая» [78]. Сегодня стратегическими военными силами разрабатываются и тестируются несколько новых классов наступательных ракет, формируются дополнительные ракетные установки; модернизируются старые ракетные комплексы; осуществляется разработка методов противодействия противоракетной обороны. На вооружении НОАК состоит до 90 межконтинентальных баллистических ракет, из них 66 сухопутного базирования и 24 морского; 118 баллистических ракет средней дальности; 204 баллистических ракет малой дальности. Точное количество ядерных зарядов Китая подвергается сомнению. Американские эксперты говорят о 240 боеголовках, из которых приблизительно 175 находятся на дежурстве и 65 в резерве. Это ставит китайские ядерные силы на четвертое место в мире [19]. Численность личного состава корпуса предположительно исчисляется 90-120 тыс. человек. Ракетные силы КНР состоят из 60 наземно-мобильных твердотопливных комплексов DF-21 (аналог советской системы РСД-10 «Пионер») и 30-ти МБР DF-31/31A (аналог российской системы РС-12 «Тополь»).

Пекин официально заявляет о проведении политики «неприменения первым» ядерного оружия. Несмотря на многочисленные слухи и сообщения, что Китай может отказаться от проведения такой политики, Пентагон сделал заявление о том, что, хотя и есть «некоторые неясности по поводу условий, когда Китай мог бы изменить ранее

данным обещаниям, ... но нет никаких предпосылок чтобы предполагать, что китайское руководство готово на такие резкие и неоправданные шаги» [19].

Силы стратегической поддержки. В конце декабря 2015 года в составе НОАК были образованы Силы стратегической поддержки (ССП), также встречается определение: «Войска стратегической поддержки». Прошло вот уже два года, но о данном венном формировании по-прежнему известно крайне мало, Пекин держит информацию о ССП в секрете. Известно, что на Силы стратегической поддержки возложены задачи ведения разведки, в том числе космической, а также осуществление действий в киберпространстве, однако детальной информации о структуре и задачах данных войск нет. Силы стратегической поддержки являются самым молодым из родов войск китайской армии. ССП НОАК были сформированы с целью получения превосходства над потенциальными противниками в космическом и киберпространстве. Главными их задачами называют: организацию и ведение космической разведки; сбор, анализ и обработку информации, поступающей от разведывательных спутников, а также средств радиолокационной и оптоэлектронной разведки; управление радионавигационной спутниковой системой национальной разработки, известной под названием «Байдоу», а также системой стратегического раннего предупреждения и контроля космического пространства; проведением различных операций в киберпространстве. Так назначение ССП видят авторы «Зарубежного военного обозрения». Стоит отметить, что Пекин неоднократно подчеркивал тот факт, что потенциальную угрозу для страны представляет распространение все более сложных точных, дальнобойных, умных и беспилотных видов вооружений, в том числе вооружений, построенных с элементами технологии «стелс». В Китае говорят о том, что космическое пространство и киберпространство превращаются в области будущих решающих сражений. Помимо этого в Пекине указывают на то, что процесс интеграции информационных технологий в ход ведения боевых действий («информатизация») постоянно ускоряется. В этом контексте создание ССП является ответом на вызовы нового времени. Деятельность Сил стратегической поддержки НОАК засекречена. В то же время, решение китайского правительства объединить 4 или 5 военных ведомств в единую структуру, которая выступает сегодня на одном уровне с флотом и ВВС страны, говорит о том, что Пекин очень серьезно относится к возможности ведения некинетических войн. В КНР некинетическое оружие считают своим «козырем», а ССП той силой, которая поможет традиционно более слабым стратегическим силам и армии Китая одолеть такого могучего соперника, как американская армия, считает военный журналист Билл Герц в своей статье «Новые силы стратегической поддержки НОАК остаются загадкой», опубликованной в издании «Asia Times». Силы

стратегической поддержки китайских вооруженных сил олицетворяют собой ту структуру, которая объединяет в себе очень важные с точки зрения Пекина стратегические возможности – превосходство в киберпространстве, космосе, в сфере электроники, разведки и информации. Данные силы напрямую подчиняются Военному совету ЦК КПК, а не генеральному штабу НОАК. При этом неизвестно каким именно образом соотносятся ССП и региональные командования китайской армии, а также какая именно роль отводится им в случае военного конфликта[44].

Согласно мнению специалистов ЦНАБ – Центра новой американской безопасности, Пекин с помощью Сил стратегической поддержки сможет гораздо активнее использовать высокие военные технологии – от возможностей искусственного интеллекта до передовых видов оружия – в сфере электронной борьбы и киберпространства. В отчете, подготовленном специалистами ЦНАБ, говорится следующее: «Силы стратегической поддержки НОАК предназначены для повышения боеспособности страны в киберпространстве, а проводимые Китаем исследования в области машинного обучения и «больших данных» (Big data) помогут получить преимущества в будущем». В широком смысле о «больших данных» говорят как социально-экономическом феномене, который напрямую связан с появлением технических возможностей осуществлять анализ огромных массивов данных, и вытекающих из этого трансформационных последствий. В ЦНАБ считают, что исследователи из Университета информационных технологий, сотрудничающие с ССП НОАК, используют возможности искусственного интеллекта для защиты от масштабных кибератак[44].

Китайские специалисты работают над тем, чтобы использовать машинное обучение и искусственный интеллект в «когнитивной электронной борьбе» – способности авиации и других систем вооружений при их входе в зону боевых действий быстро распознавать все имеющиеся электронные угрозы и эффективно защищаться от них. Также китайские вооруженные силы финансируют работы, которые позволят в дальнейшем оперативно и эффективно отслеживать любые радиотехнические сигналы. Большинство западных аналитиков, наблюдающих за увеличивающейся военной мощью КНР, чаще всего упоминают ССП и предупреждают о том, что о данных войсках известно крайне мало. Самая подробная информация о Силах стратегической поддержки была представлена в ежегодном отчете комиссии по вопросам оценки военных и экономических отношений США и КНР. Сообщается, что с момента своего возникновения в декабре 2015 года ССП стали проводить операции НОАК в космосе, киберпространстве, а также в сфере информации и электроники. Генеральный штаб НОАК был реорганизован в ходе реформ 2015 года, после этого в

состав ССП вошли службы радио- и радиотехнической разведки (Третий департамент генштаба НОАК), а также служба радиоэлектронной борьбы (Четвертый департамент генштаба НОАК). Согласно подготовленному отчету, служба военной разведки (Второй департамент генштаба НОАК) также была включена в состав ССП. Военная разведка Китая собирает, обрабатывает и анализирует данные, осуществляет военную разведку и проводит спецоперации. По всей видимости, в настоящее время ССП занимаются военной разведкой и наблюдением, тесно сотрудничая со всеми видами вооруженных сил Китая, а также дополнительно занимаются вопросами «информационной» войны. Представители американской разведки считают, что Второй и Третий департаменты генштаба НОАК причастны к кибератакам на американские компании и правительственные учреждения. Еще в мае 2014 года Минюст США выдвинул обвинение против 5 хакеров НОАК, которые были связаны с Третьим департаментом. Считается также, что ССП участвуют в создании передовых образцов вооружений, среди которых может быть направленное энергетическое оружие. В возможной кибервойне они смогут проводить разведывательные, оборонительные и наступательные операции, активно вмешиваясь в работу сетей вероятного противника. [44]

К наступательным возможностям ССП аналитики относят возможность использования противоспутниковых ракет трех типов, а также направленное энергетическое оружие наземного базирования. Считается, что у китайской армии имеются спутники, которые в состоянии сблизится со спутниками противника и нанести им повреждения. КНР провела 6 испытаний подобных спутников. Главная задача ССП, по мнению американской стороны, схожа с концепцией ограничения и воспреещения доступа и маневра, данные силы сосредоточатся на оказании поддержки китайским войскам в борьбе с противником (главным образом с американской армией) вблизи территории КНР и китайского побережья. При этом члены американской комиссии по вопросам оценки военных и экономических отношений США и КНР, сходятся во мнении, что созданные ССП повышают военную мощь Пекина и позволяют стране более эффективно противостоять США в Индио-Тихоокеанском регионе [44].

По мнению американского аналитика Дина Чэна, появление в составе НОАК Сил стратегической поддержки отражает стремление Пекина обрести «информационное господство», которое, как считают в китайском военном руководстве, будет необходимо для победы в войнах будущего. Джеймс Фанелл капитан первого ранга ВМС США в отставке, ранее возглавлявший разведку Тихоокеанского флота США, отмечает, что о деятельности ССП все еще известно крайне мало, а вся их работа окутана тайной. «Си Цзиньпин создал Силы стратегической поддержки НОАК уже два года назад, сегодня они

поддерживают некинетические оборонительные и наступательные операции НОАК, находясь при этом в тени, – отмечает Фанелл. – Спутники для спектральных исследований, новый радар с синтезированной апертурой, все это позволяет КНР эффективнее контролировать морские территории... Боеспособность китайской армии растет с каждым днем, и ССП в этом активно помогают» [44].

Распад Советского Союза существенно изменил приоритеты китайской большой стратегии. Так как теперь Китаю не угрожает вторжение первоклассной сухопутной армии со стороны континента, фокус внимания стратегического планирования был смещен в сторону моря. В этом фокусе – Тайвань и США. На современном этапе Китай фактически обратился к национальному варианту «стратегии не прямых действий». В рамках такой стратегии сила, чаще всего, оказывается подчинена дипломатии, причем используется она обычно для сдерживания противника, а не его сокрушения. Не имея возможности быстро сформировать океанский флот, который смог бы соперничать с американским, КНР сделала ставку на иные системы вооружений [44].

В частности создание не побережье мощной системы противовоздушной обороны, создание многочисленного «москитного» флота ближней океанской зоны, разработка и развертывание многочисленных крылатых и баллистических ракет в неядерном снаряжении, позволяют Китаю держать под ударом почти все базы США в западной части Тихого океана и значительно препятствовать действиям флота США в омывающих Тайвань акваториях. В рамках ставки на иные системы вооружений представляется полностью оправданным и создание Сил стратегической поддержки, роль которых в мире, где информация, контроль над ней и ее распространение становятся все более важными [44].

Их создание укладывается и в планы Китая в рамках 13-й пятилетки (2016-2020 годы) стать мощной кибердержавой. Китай в рамках нового пятилетнего плана намерен увеличить свои технические возможности контроля над киберпространством, а также продвигать многостороннюю, прозрачную и демократичную международную систему по управлению интернетом. Помимо этого КНР «усилит борьбу с врагами в суверенном онлайн-пространстве и увеличит контроль над общественными настроениями в сети интернет» [44].

Реформы НОАК, по словам китайских военных историков, рассчитанные на период до 2049 года, уделяют огромное внимание информатизации. Основная цель реформ – создание информатизированных вооруженных сил, которые будут в состоянии эффективно действовать в военных конфликтах с применением информационных технологий. Основным содержанием модернизации НОАК на современном этапе их

существования являются информатизация и компьютеризация вооруженных сил, усиления их боевых возможностей за счет улучшения взаимодействия всех видов войск во время проведения совместных операций. Конечную цель проводимых военных реформ китайское руководство видит в создании таких вооруженных сил, которые будут эффективно осуществлять задачи ядерного сдерживания, успешно действовать в современных высокотехнологичных войнах (локального масштаба) и успешно проводить антитеррористические операции [44].

Китайские и иностранные военные аналитики сегодня сходятся во мнении о том, что тремя основными направлениями деятельности, по которым будут действовать ССП, станут космическое направление (обеспечение космической разведки, навигации и спутниковой связи), электронное направление (радиоэлектронная борьба, постановка помех, нарушение работы и снижение эффективности систем управления и средств связи вероятного противника, а также защита своих собственных войск от аналогичных действий со стороны противника) и киберпространство (проведение атак на компьютерные сети противника, а также оборона собственных национальных сетевых ресурсов). Силы стратегической поддержки НОАК объединили большинство частей и подразделений, которые ранее работали над решением подобных задач в составе сухопутных войск, ВМС и ВВС страны, а также различных управлений расформированного в рамках проводимой реформы Генерального штаба НОАК. Отмечается, что отдельной задачей ССП станет информационное обеспечение политического и военного руководства Китая в мирное и военное время [44].

Военно-космические программы Китая. Отдельно стоит сказать о космических программах Китая: Для Китайской Народной Республики освоение космоса является одним из средств обеспечения национальной безопасности. Как и многие страны, космическую деятельность Китай начал с военной ракетной программы. Первые космодромы – Цзюцюань и Тайюань – в большей степени являлись военными полигонами для испытания баллистических ракет. За период 1950-1970-х гг. были реализованы такие проекты, как Дунфэн-2, Дунфэн-4. Важнейшим событием стал пуск в 1970 г. первой китайской ракеты-носителя со спутником на борту «Дунфан Хун-1», или «Алеет Восток». С 1980-х гг. начинается взаимодействие с другими государствами, увеличивается количество инвестиций в китайскую науку. С января 1997 г. по декабрь 2012 г. в КНР был осуществлен 131 пуск ракет Чанчжэн «Великий поход» со спутниками на борту, из которых лишь один закончился потерей спутника и еще один – выводом ИСЗ на нерасчетную орбиту.

В 1992 г. начинается взаимодействие с Россией. С 2006 г. цели космической программы не меняются: «изучение внешнего пространства, расширение знаний о Земле и Вселенной; мирное использование космоса в интересах развития цивилизации и социального прогресса на благо всего человечества; удовлетворение потребностей экономического строительства, научно-технического прогресса, государственной безопасности и социального прогресса, повышение уровня научных знаний всего населения, защита государственных прав и интересов, усиление совокупной мощи и государства» [22].

Чтобы не зависеть от зарубежных технологий, Китай в 2000 г. приступил к разработке собственной навигационной системы «Бэйдоу». К 2020 г. КНР рассчитывает создать такую систему, которая сможет предоставлять услуги спутниковой навигации и наземного позиционирования пользователям со всего мира. Система «Бэйдоу» представляет собой аналог американского GPS и российского ГЛОНАСС. Она сможет предоставлять услуги позиционирования, навигации, точного времени, топографии, телекоммуникации и предупреждения о стихийных бедствиях [22]. Кроме научной составляющей космической программы существует и военный аспект. В данной области особенную роль играют два направления: развитие космических информационных систем и испытания противоспутниковых и противоракетных технологий. Относительно испытаний противоспутниковых и противоракетных технологий, Китай в 2010-2013 гг. проводил ракетные испытания, которые МИД КНР охарактеризовал как «исследования в области технологий противоракетной обороны и перехват ракеты на среднем участке полета». Основные направления космической программы Китая подразумевают планы, рассчитанные на независимость от других стран, на укрепление своего положения не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. Тем не менее, в основном китайская космическая наука все же имеет догоняющий характер. Что касается военно-технического направления, КНР все чаще проводит ракетные испытания, которые в свою очередь воспринимаются многими странами как угроза. Испытания противоспутниковых (в 2010 г.) и противоракетных (в 2013 г.) технологий и развитие космических информационных систем также усложняют ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти испытания обусловлены военно-политической ситуацией в регионе (создание системы ПРО в Азии, продажа Соединенными Штатами оружия Тайваню). Китай вынужден наращивать свой военный потенциал. В будущем число конфликтов может увеличиться. Аналитиков Индии тревожит «расширение общих территорий», в которые входят киберпространство, открытый космос, а также Мировой океан. Эти общие территории могут стать областями применения ядерного оружия [22].

Итак, КНР на современном этапе, активно проводя реформы НОАК, модернизирует и необходимый для милитаризации экономический и научный потенциал, демонстрируя своим потенциальным соперникам качественный и количественный рост всех структур НОАК.

1.2. Современный военно-экономический потенциал Японии

Принятый в 1947 году основной закон Японии чётко регламентирует запрет на создание армии. В Конституции провозглашается, что в стране «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны». Также Японии запрещается вести любые боевые действия наступательного характера. Несмотря на законодательные ограничения, существующие с 1954 года, существуют Силы самообороны Японии, которые подразделяются на Сухопутные войска, ВВС и ВМС. Власти Японии не считают Силы самообороны страны профессиональной армией.

Япония с приходом к власти премьер-министра Синдзо Абэ в конце 2012 года взяла курс на повышение роли страны в международных делах и усиление военного компонента в системе обеспечения национальной безопасности. Абэ выражает намерение пересмотреть трактовку мирной Конституции страны, чтобы разрешить японским вооруженным силам участвовать в боевых действиях совместно с другими странами, и прежде всего США, в ситуациях, не связанных непосредственно с обороной Японских островов. Японское правительство к настоящему времени уже отменило добровольный отказ от экспорта вооружений.

В декабре 2013 года правительство Японии приняло ряд программных документов, определяющих государственную политику в области обеспечения национальной безопасности. Среди них – Основные направления программы национальной обороны и Пятилетняя программа обороны на 2014-2018 годы. Суть документов – увеличение военной мощи страны, как в количественном, так и качественном отношении. В период премьерства Синдзо Абэ впервые была принята Стратегия национальной безопасности. Этот базовый документ очерчивает национальные интересы и цели Японии на мировой арене, определяет вызовы, с которыми сталкивается страна, и описывает комплекс военных, дипломатических, экономических, технологических и прочих мер в самых различных областях, нацеленных на обеспечение интересов страны в сфере международной безопасности. Стратегия реализуется под руководством Совета национальной безопасности – новой структуры, созданной в декабре 2013 года.

Лозунг выдвинут на фоне беспокойства других стран, главным образом соседей в Восточной Азии, по поводу того, что курс Абэ на пересмотр оценок Второй мировой войны, избавление от ограничений послевоенной мирной Конституции и превращение Японии в «нормальное государство» на самом деле означает возрождение японского милитаризма. Сам Абэ считает, что ведет дело к ликвидации обременительного для Японии наследия минувшей войны.

Что касается жизненно важного для Японии Азиатско-Тихоокеанского региона, то Стратегия национальной безопасности расставляет оценки в сфере региональной безопасности и региональных вызовов. Документ подчеркивает, что сдвиг в глобальном балансе сил повысил важность АТР в международном сообществе. При этом Северо-Восточная Азия – это средоточие акторов, включающее страны с крупномасштабными вооруженными силами, некоторые из которых обладают ядерным оружием или ведут его разработку. Во-вторых, авторы Стратегии утверждают, что напряженность в регионе возрастает из-за увеличившегося потенциала оружия массового уничтожения Северной Кореи, включающего ядерное оружие и баллистические ракеты, вкупе с ее провокационными действиями. Кроме того, они ставят задачу решения проблемы японцев, похищенных северокорейскими спецслужбами. Японских аналитиков беспокоит быстрый подъем КНР и ее возросшая активность в различных сферах. Они отмечают, что Китай ускоренно наращивает свой военный потенциал с помощью увеличивающегося военного бюджета без его достаточной прозрачности.

Одновременно, при всем стремлении к большей самостоятельности во внешней политике нынешнего руководства Токио и даже несмотря на все отчетливее просматривающиеся расхождения с Вашингтоном по ряду важных международных проблем, в Стратегии национальной безопасности подчеркивается, что японо-американский союз является краеугольным камнем безопасности Японии. Этот союз в течение более 60 лет обеспечивал мир и безопасность не только в Японии, но и во всем АТР, а в последние годы он, как считают авторы Стратегии, «играл еще более критическую роль для мира, стабильности и процветания в международном сообществе». Для дальнейшего укрепления японо-американского союза Япония будет добиваться следующих двух целей. Во-первых, всемерно укреплять японо-американское сотрудничество в сфере безопасности, а также в военной сфере (в том числе в ПРО, морской деятельности, космосе, киберпространстве и др.) Во-вторых, обеспечить

стабильное присутствие американских Вооруженных сил в Японии. Помимо укрепления японо-американского альянса Япония намерена выстраивать отношения доверия и сотрудничества с другими партнерами АТР, а также за его пределами, приоритет отдается странам, с которыми, как пишется в Стратегии, она «разделяет общие ценности и стратегические интересы».

К странам-партнерам Японии, кроме США, в первую очередь относится Республика Корея. С ней японские стратеги планируют укреплять сотрудничества в сфере безопасности. Они призывают также усилить трехстороннее сотрудничество между Японией, США и Южной Кореей. На второе место Стратегия ставит Австралию. С ней в дополнение к расширению экономического сотрудничества Токио намерен укреплять стратегическое партнерство в сфере безопасности. Кроме того, здесь ставится задача использовать трехсторонний формат Япония-США-Австралия. Далее идут страны АСЕАН. С ними Япония, основываясь на традиционном партнерстве, собирается и далее углублять и развивать отношения сотрудничества во всех секторах. В том числе она намерена поддерживать усилия этих стран в формулировании кодекса поведения в отношении проблемы Южно-Китайского моря. Наконец, с Индией Токио планирует укреплять отношения в широком наборе областей, включая безопасность на море, базируясь на двустороннем стратегическом и глобальном партнерстве. Помимо «общих ценностей и стратегических интересов» важнейшим фактором, побудившим японских стратегов свести указанные страны в одну группу, является желание Токио организовать «сдерживание Китая» на коллективной основе.

Вслед за этой группой в Стратегии национальной безопасности Японии перечисляются проблемные партнеры. На первом месте оказывается Китай. В пункте под названием «Строя стабильные отношения с Китаем» Стратегия намечает следующие направления взаимодействия с этим важнейшим партнером по региону:

- построить и укрепить взаимовыгодные отношения, базирующиеся на общих стратегических интересах во всех областях, в широком диапазоне от средне- до долгосрочной перспективы;
- побуждать Китай играть ответственную и конструктивную роль в обеспечении регионального мира. Разработать механизмы предотвращения непредвиденных ситуаций;

– желать Китаю проявлять сдержанность и продолжать отвечать в твердой, но спокойной манере на китайские попытки изменить с помощью силы статус-кво в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

На второе место по степени проблематичности в АТР Стратегия ставит Северную Корею. В ее адрес выдвигается задача всеобъемлющего решения ядерной и ракетной проблем, а также вопроса о похищенных японцах.

Замыкает проблемную группу стран Россия, в отношении которой Стратегия преследует две цели: во-первых, развитие сотрудничества во всех сферах, включая безопасность и энергетику, во-вторых, проведение активных переговоров по проблеме принадлежности северных территорий (Южных Курил) и заключения мирного договора.

В целом Стратегия национальной безопасности Японии нацелена на комплексное решение неотложных проблем и задач, стоящих перед страной в АТР, в контексте политики «активного пацифизма», провозглашенного Синдзо Абэ [84].

На сегодняшний день, за оборону и отстаивание независимости страны отвечают «Силы Самообороны Японии». Военные силы делятся на:

- 1) Сухопутные
- 2) Военно-воздушные
- 3) Военно-морские

Согласно 9 статье Конституции Японии, страна отказывается от войны, как формы ведения внешней политики, а сами ССЯ придерживаются ряда установок: ненападение, не использование ядерного вооружения, контроль общественности за их деятельностью и сотрудничество с США.

На данный момент, Силы Самообороны Японии имеют в своем распоряжении более 250.000 человек личного состава и 8 тысяч в резерве. Из них:

- 1) 151,8 тыс. человек – сухопутные войска
- 2) 46,6 тыс. человек – военно-воздушные силы
- 3) 45.6 тыс. человек – военно-морские силы.

На данный момент, на вооружении Японии стоит 679 танков, более 3 тыс. бронемашин, 800 различных артиллерийских систем, свыше 350 ЗРК, четыре авианосца, 36 эсминцев, 17 подлодок, более 700 вертолётов и 1 тыс. самолётов. [20].

С 2009 г. "силы самообороны" по мощи занимали шестое место в мире и второе — в регионе (после китайской армии), располагали самым современным вооружением и техникой на суше, на море и в воздухе [79]. В рейтинге Global

Firepower 2018 г. Япония занимает 8-ю строчку, уступая США, РФ, Китаю, Индии, Франции, Великобритании и Южной Корее [20].

Огромный вклад в поставки вооружения и развитие Сил самообороны внесли Соединённые Штаты, рассматривавшие японские войска как противовес мощи вооружённым силам СССР/России и КНР. США помогали Японии построить систему противоракетной обороны. В 1994 г. американская компания «Локхид» и японский концерн «Мицубиси» заключили соглашение о взаимодействии при создании систем заатмосферного перехвата THAAD. Вашингтон поставляет японской стороне зенитно-ракетные комплексы Patriot и эсминцы с противоракетными системами SM-3 [20]. В апреле 2015 г. Япония и США представили пересмотренный вариант принципов по взаимной обороне (*Mutual Defense Guidelines*), направленный на повышение уровня оперативного взаимодействия ССО и ВС США, совместное развитие технологий, углубление взаимодействия в области ПРО, кибербезопасности и исследования космоса. Там упоминается о возможности защиты "прилегающих к Японии островов", а также защиты морских торговых путей, равно как и об ограниченном участии [13].

В апреле 2018 года в структуре Сил самообороны появилось первое с 1945 года амфибийное подразделение, на которое возложены функции морской пехоты (высадка десанта и удержание позиций до подхода основных сил). На вооружении нового армейского формирования находятся конвертопланы V-22 Osprey, вертолётоносцы типа «Хюга» и «Исэ», самолёты пятого поколения F-35B и десантные гусеничные машины AAV-7. Согласно финансовому отчёту Минобороны Японии за 2018 год, ведомство уделяет большое внимание закупкам зенитных ракетных комплексов (ЗРК), различных сухопутных вооружений и модернизации морской и палубной авиации [20].

Современные аналитики прогнозируют не только дальнейший рост военного бюджета Японии. По их мнению, расходы могут возрасти, в том числе из-за декларируемых Токио опасений по поводу космоса и киберпространства. Ещё одной важной тенденцией третьего срока Абэ, как полагают эксперты, станет постепенный отказ от приобретения оружия у США. В настоящее время Япония является эксплуатантом широкого перечня американской военной продукции и участвует в программе покупки F-35. Абэ предполагает сделать из Японии самодостаточную в военном отношении страну. Один из первых шагов — совместная с Raytheon разработка противоракеты SM-3 Block IIА. США становятся источником технологий, которые Токио в перспективе сможет освоить для нужд армии, значительно сократив зависимость от заокеанского импорта. [20].

Минобороны Японии оценило военный бюджет на 2019 фискальный год в 5,3 трлн иен, что составляет почти \$48 млрд. Если он будет одобрен, то станет рекордным за последние 70 лет. Рост расходов на вооружённые силы связан в том числе с планами по закупке американского оружия. Несмотря на прогресс по корейскому урегулированию, Токио намерен приобрести противоракетные комплексы Aegis Ashore. По мнению экспертов, Япония всё больше вкладывается в армию, чтобы иметь возможность противостоять Китаю и КНДР [20].

Таким образом, военно-экономический потенциал Японии в соответствии её новыми стратегическими задачами и при поддержке американских поставок оружия, технологий не смотря на то, что остаётся «оборонительным» по форме, даёт все возможности для активной милитаризации Японии.

1.3. Современный военно-экономический потенциал Республики Кореи

Военно-политическая история и современность Республики Корея предопределяется прежде всего постоянной военной угрозой со стороны ближайшего соседа – Северной Кореи. В связи с этим некоторые параметры экономического потенциала имеет смысл давать в сравнении.

Население Южной Кореи – 48,87 млн. чел., Северной Кореи – 24,5 млн. чел. По оценкам, опубликованным в открытой печати, мобилизационные ресурсы Южной Кореи составляют 14,2 млн. чел. (в т.ч. 9 млн. годных к военной службе), а Северной Кореи – 6,2 млн. чел. (в т.ч. 3,7 млн. годных к военной службе). Если по численности населения Юг превосходит Север в 2 раза, то по мобилизационному ресурсу в целом в 2,29 раза, а по годным военной службе уже в 2,43 раза [67].

Долгая история нападения соседей-агрессоров и продолжающаяся по сей день конфронтация с КНДР, побуждают Республику Корею тратить огромные средства из бюджета (до 15%) на содержание вооружённых сил и сохранять в стране обязательную воинскую повинность для мужчин. Согласно конституции, все южнокорейские мужчины обязаны служить в армии. При этом призывной возраст составляет от 18 до 35 лет. В военное время воинская повинность обязательна для мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Продолжительность службы по призыву составляет от 21 месяца (сухопутные войска и корпус морской пехоты) до 23 месяцев (ВМС) и до 24 месяцев (ВВС) [85].

По численности действующих войск армия Южной Кореи считается седьмой в мире. По информации экспертов на 2015 год, в вооружённых силах Республики Корея несут службу около 630 тысяч человек. Численность резервистов, по разным оценкам, составляет от 2,97 миллиона до 4,5 миллиона человек. По величине военных расходов

армия Южной Кореи в 2014 году занимала 10-е место в мире с показателем в 36,7 миллиарда долларов США (данные Стокгольмского института исследования проблем мира). По количеству военнослужащих на душу населения Южная Корея занимает второе место в мире после своего северного соседа — КНДР.

Армия Южной Кореи практически в два раза уступает по численности армии КНДР, но по своим мобилизационным ресурсам она ничем не уступает северному соседу. На стороне Республики Корея более чем двукратное превосходство в численности населения, вооруженные силы хоть и меньше по численности, но вооружены гораздо более современными образцами вооружений и боевой техники [85].

Экономические возможности двух Корей сегодня просто несопоставимы. Если брать номинальный ВВП за 2010 г., то у Юга он больше в 35,2 раза, сейчас ВВП Республики Корея превосходит ВВП КНДР более чем в 100 раз. Доходы бюджета Южной Кореи примерно в 30-40 раз превышают соответствующий показатель КНДР, рассчитанный по самым оптимистичным оценкам, если же брать пессимистические оценки, то разрыв достигает 80-100 раз. Аналогичная картина и по расходам. Расходы государственного бюджета Южной Кореи примерно в 8-10 раз превышают оценочный объем всего годового ВВП КНДР. Золотовалютные резервы Южной Кореи превышают весь годовой ВВП КНДР в 7,5-11 раз [85, 67].

Если сравнивать транспортную инфраструктуру, важную с точки зрения стратегических возможностей, то Сеул опирается на более плотную и гибкую транспортную сеть. Уступая по размерам территории, Южная Корея значительно превосходит Северную по плотности аэродромной, автодорожной и железнодорожной сетей: в 1,75, 4,87 и 1,2 раза, соответственно. Южная Корея также располагает мощной портовой инфраструктурой, на порядки превышающей пропускные возможности портов КНДР. В то время как Южная Корея контролирует один из крупнейших торговых флотов мира, аналогичные показатели у Севера практически ничтожны [67].

Разрыв в технологическом потенциале лучше всего характеризует такой пример: одна только компания Samsung потратила на исследования сумму большую, чем все государственные расходы КНДР. Отставание такой важной отрасли, как станкостроение, у КНДР от Республики Корея, по оценкам западных экспертов и опубликованным интервью перебежчиков с инженерным и научным образованием, составляет около 25-27 лет, возможности по производству элементной базы электроники отстают примерно на 30 лет, в области базового приборостроения отставание от 15 до 40 лет в зависимости от направления и т.д. [67].

Политический вес Сеула лучше всего показывает его экономическая значимость даже для дружественных Пхеньяну стран. Ключевой партнер КНДР - это Китай. По данным за 2011 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Южной Кореей достиг уровня в 245 млрд. долл. Объем же торговли Китая с Северной Кореей за 11 месяцев 2011 г. достиг лишь 4,673 млрд. долл. Итого, Юг Китаю в 52,5 раза «дороже», чем Север [67].

Военный потенциал Южной Кореи так же внушителен. Южнокорейская армия включает в себя сухопутные войска, ВМС, включая Корпус морской пехоты, и ВВС. Большинство имеющихся сил развернуты вблизи Корейской демилитаризованной зоны. Верховным главнокомандующим выступает президент страны, общее руководство вооруженными силами осуществляет министр обороны. Стратегическое планирование и оперативное руководство вооруженными силами Южной Кореи по американскому образцу осуществляет Комитет начальников штабов, который играет роль Генштаба. Есть в Республике Корея и Министерство обороны, однако оно, по сути, является гражданской организацией, которая ответственна за бюджет вооруженных сил, кадровые вопросы и снабжение. Помимо этого, в Южной Корее имеется независимая морская пограничная охрана и части гражданской обороны [85].

Одной из особенностей возможного военного конфликта с КНДР, а именно Северная Корея является самым очевидным и вероятным противником вооруженных сил Южной Кореи, является то, что при наступлении с севера вооруженным силам Республики Корея просто некуда будет отступать. Территория страны очень мала, к тому же недалеко от границы расположен 10-миллионный Сеул. Понимая свое техническое отставание, КНДР строит свою стратегию на основе ассиметричных действий и политики нанесения противнику неприемлемого ущерба. Вдоль границы развернуто около 20 тысяч артиллерийских систем и установок РСЗО Северной Кореи, которые могут достать и Сеул [85].

В связи с этим за последние 20 лет в Южной Корее были созданы первоклассные вооруженные силы, которые в состоянии успешно противостоять армии практически любого государства. Практически по всем показателям вооруженные силы данной страны входят сегодня в десятку сильнейших армий мира, особенно с учетом очень высокого уровня боевой подготовке. Также вооруженные силы имеют крепкий тыл в виде мощной производственной базы. Сегодня в производстве находится огромное количество современных видов вооружений и боевой техники, которая находится на очень высоком уровне развития. Это и баллистические и крылатые ракеты «Хيونму», и танки K2, и БМП K21, и САУ K9, а также учебно-боевые реактивные самолеты T-50, и боевые корабли

различных классов. Совместно с Российской Федерацией ведется создание корейской ЗРС большой дальности [85].

Сухопутные войска Южной Кореи. В сухопутных войсках служит больше всего южнокорейских военнослужащих. По данным на 2014 год численность сухопутных войск составляет 495 тысяч человек. При этом в Южной Корее думают над тем, чтобы существенно сократить численность своих сухопутных войск. В планах уменьшить количество дивизий с 47 (развернутых/резервных) до 28, а количество военнослужащих с 495 до 387 тысяч человек.

Сухопутные войска делятся на силы центрального подчинения (Комитету начальников штабов), две полевых армии (ПА) и одно оперативное командование (бывшая ПА). Силы центрального подчинения состоят из шести командований: Ракетное командование; Командование воздушных операций (две бригады армейской авиации); Командование спецопераций (6 воздушно-десантных бригад и батальон спецназа); Командование обороны столицы (две резервные дивизии, две дивизии территориальной обороны, бригады связи и химической защиты); Логистическое командование и Учебное командование.

1-я Полевая армия состоит из трех армейских корпусов (2-й, 3-й, 8-й АК), а также различных частей армейского подчинения. Всего в ее составе насчитывается 8 пехотных и одна механизированная дивизия, а также бронетанковая, механизированная, две инженерных, три артиллерийских, четыре бригады связи и два полка спецназа.

2-е оперативное командование (бывшая 2-я ПА) включает в себя 7 дивизий территориальной обороны, а также две бригады спецназа.

3-я Полевая армия состоит из пяти корпусов (1-й, 5-й, 6-й, 7-й АК и корпус обороны столицы), а также различных частей армейского подчинения. Всего в составе данной армии насчитывается 11 пехотных (в том числе одна резервная) и 5 механизированных дивизий, а также одна ПВО, три бронетанковые, пять артиллерийских, пять связи и четыре инженерных бригады и четыре полка спецназа. В настоящее время в армии Южной Кореи насчитывается от 2400 до 2500 танков, около 2700 различных бронированных боевых машин, 5800 артиллерийских систем, включая более 1900 самоходных артиллерийских установок, 60 ракетных комплексов и около 600 вертолетов [85].

Основу танкового парка страны составляют современные машины — ОБТ K1, который был создан под сильным впечатлением от американского танка M1 «Абрамс», фактически является его корейским вариантом. Всего имеется около 1027 танков K1 (подобны первому варианту M1, оснащены 105-мм орудием) и 484 танка K1A1/2 (которые

подобны значительно усовершенствованным M1A1/A2, отличаются наличием 120-мм орудия). Помимо этого в стране создан перспективный ОБТ К2 «Черная пантера», всего имеется не менее 3-х таких танков, в перспективе должно быть получено еще 297 таких машин. Также в войсках все еще находится около 880 модернизированных американских танков M48 Patton различных версий, которые являются сильно устаревшими и до 33 танков Т-80У (поставлены в счет долга) и двух Т80УК.

Помимо этого, имеется довольно внушительный арсенал современных БМП и БТР, в том числе до 70 БМП-3. Основу парка составляют примерно 1700 собственных БМП К200 и не менее 125 наиболее совершенных К21, которые сами корейцы считают одними из лучших в мире. Этих БМП, вооруженных 40-мм автоматической пушкой, планируется построить более 460 единиц. Помимо этого на вооружении находится до 420 американских БТР M113, до 300 шведских Bv 206, 200 собственных КМ-900 (лицензионные копии итальянского «Фиат-6614») и около 30 российских БТР-80А [85].

В настоящее время основу самоходной артиллерии вооруженных сил Южной Кореи составляют собственные 155-мм САУ К9, которых построено около 900 штук, в перспективе их будет более 1,1 тысячи. Помимо этого имеется 1180 155-мм САУ К55А1, которые являются копией американской САУ M109А2. Также в планах получить до 800 САУ EVO-105, которые создаются путем установки американской гаубицы M101 на базе грузового автомобиля повышенной проходимости. Реактивная артиллерия представлена 156 корейскими РСЗО К136/А1 калибра 130-мм и 60 американских MLRS M270/А1 калибра 227-мм, которые могут использоваться как пусковые установки для американских тактических ракет АТАСМС. Войсковая ПВО имеет в своем составе до 120 новейших корейских ЗРК К-SAM «Чунма», а также более тысячи различных ПЗРК (производства США, Франции, Великобритании и России). Помимо этого имеется до 700 собственных ЗСУ, построенных на базе БМП К200 и около 200 зенитных орудий. В армейской авиации имеется до 90 американских ударных вертолетов АН-1F/J «Кобра» и до 500 транспортных и многоцелевых вертолетов разных типов [85].

В ответ на активное развитие ракетной программы КНДР в Сеуле также развивают собственные ракетные силы. В настоящее время на вооружении сухопутных войск Южной Кореи находится не менее 30 тактических ракет «Хюнму-1» мобильного базирования (дальность стрельбы — 180 км) и до 100 ракет «Хюнму-2А» шахтного базирования (дальность стрельбы — 300 км). Предполагается, что на вооружение ВС Республики Корея в будущем поступят ракеты «Хюнму», дальность полеты которых составит уже 500-1500 км. [85].

Военно-морские силы Южной Кореи. В составе военно-морских сил Республики Корея служит около 70 000 человек, в том числе 29 тысяч человек в составе Корпуса морской пехоты (по данным на 2015 год). В эксплуатации находится 180 кораблей, в том числе 15 подводных лодок, 130 надводных боевых кораблей и патрульных катеров, 10 десантных судов, до 20 вспомогательных судов. В морской авиации насчитывается около 70 самолетов и вертолетов. На вооружении Корпуса морской пехоты находится до 400 боевых систем на гусеничном ходу, включая САУ. ВМС Республики Корея организационно делятся на три флота: 1-й (Восточный), 2-й (Западный) и 3-й (Южный). Помимо флотов имеется Боевое командование, которое включает в себя 5-ю флотилию разнородных сил, 9-ю флотилию подводных лодок и бригаду спецназа.

Подводный флот Южной Кореи состоит из 15 дизель-электрических подлодок. Среди них 13 немецких подводных лодок — 9 проекта 209/1200 и 4 новейших проекта 214/1700 (будет построено еще 5). Помимо этого в составе флота имеется две диверсионных сверхмалых подводных лодки типа «Долгорае».

Ударным костяком надводных сил флота являются 12 эсминцев — все собственной постройки. Среди них 3 эсминца типа «Сэджон Тэван», 6 типа «Чхунмугон Ли Сунсин», 3 типа «Квангэтхо». Самыми современными из них являются эсминцы «Сэджон Тэван», которые также являются самыми мощными в мире надводными неавианосными боевыми кораблями. Данные корабли имеют систему «Иджис» и оснащены установками вертикального пуска с широкой номенклатурой вооружений. Все имеющиеся на их борту ракеты, кроме ЗУР «Стандарт» (США), собственной разработки, хотя и созданы в сотрудничестве с США. Наиболее мощным их оружием являются крылатые ракеты морского базирования «Хюнму-3» (сравнимы по характеристикам с «Томагавком»), обладающие дальностью полета в 1,5 тысячи километров. Ракеты «Хюнму-3» формально входят в то же семейство, что и сухопутные «Хюнму-1» и «Хюнму-2», но лишь формально. Так как сухопутные являются баллистическими ракетами, а морские — крылатыми.

Фрегаты типа «Улсан» (имеется 8 единиц) считаются сравнительно устаревшими кораблями. Им на замену строятся фрегаты типа «Инчхон» (3 в составе флота, будет построено не менее 18), которые также будут вооружены КРМБ «Хюнму-3». Помимо этого в составе флота имеется 19 корветов типа «Пхохан», вооруженных противокорабельными ракетами [85].

Военно-воздушные силы Южной Кореи. В ВВС Республики Корея служит около 65 тысяч военнослужащих. На вооружении ВВС находится около 450 боевых самолетов, главным образом американского производства. ВВС страны организационно делится на 7

командований: Оперативное; Южное и Северное боевое, два командования ПВО; логистическое и учебно-тренировочное.

Самыми современными боевыми самолетами в составе ВВС Южной Кореи являются 60 истребителей F-15K, 117 многоцелевых F-16C и 51 двухместный F-16D. Помимо этого имеется 20 легких многоцелевых боевых самолетов FA-50 собственного производства (заказано еще 40 машин), представляют собой боевой вариант реактивного учебного самолета T-50 Golden Eagle. Помимо них на вооружении ВВС имеется существенное количество устаревших американских истребителей — 69 F-4 Phantom II и 151 Northrop F-5, при этом реальная боеспособность данных истребителей представляется весьма сомнительной. Хотя тут имеет значение, с чем сравнивать, ведь на вооружении ВВС КНДР все еще находятся китайские копии советского истребителя МиГ-17 [85].

Действия боевой авиации Южной Кореи в состоянии координировать 4 самолета ДРЛО Boeing 737 AEW&C, помимо этого имеется 8 английских самолетов разведки и наблюдения RC-800s, построенных на базе Hawker 800. Военно-транспортная авиация представлена 16 американскими самолетами Lockheed C-130 и 18 испанскими CN-235M, а также двумя самолетами для перевозки высшего командного состава Boeing 737 и Boeing 747.

В настоящее время основным учебным самолетом южнокорейских ВВС постепенно становится T-50 Golden Eagle собственной разработки. В ВВС уже имеется 22 таких самолета (всего заказано 63 машины). Все они должны будут заменить в ВВС используемые в учебных целях американские Northrop F-5F. Семейство самолетов T-50, включая легкий многоцелевой боевой самолет FA-50, имеет хорошие перспективы, в том числе и экспортные. В планах Республики Корея также значится приобретение у США 40 истребителей пятого поколения F-35A [85].

Итак, состояние постоянной военной угрозы со стороны ближайшего соседа и необходимости боевой готовности в комплексе с высокоразвитым научно-промышленным сектором и значительными финансовыми возможностями создают условия перманентной милитаризации, необходимой для поддержания обороноспособности Республики Корея.

1.4. Современный военно-экономический потенциал КНДР

КНДР — очень закрытая страна, иностранцы редко посещают ее, сведения о состоянии экономики засекречены. Еще сложнее получить информацию о состоянии армии Северной Кореи, ее численности и вооружении. При этом вопрос о военном потенциале КНДР занимает одно из главных мест в мировой повестке.

Северная Корея, одна из наиболее централизованных и наименее открытых экономик в мире, сталкивается с хроническими экономическими проблемами. Деспотический военный режим в значительной степени сопротивлялся реформам, хотя он терпел некоторое частное предпринимательство, чтобы генерировать рост и повышать его шансы на политическое выживание. Промышленный капитал почти не ремонтируется после многих лет недостаточного инвестирования, нехватки запасных частей и плохого обслуживания. Частые сбои, связанные с погодой, усугубляют существующие системные проблемы в сельском хозяйстве, в том числе отсутствие пахотных земель, практика коллективного земледелия и плохое качество почвы. Почти все имущество принадлежит государству. Правительственный контроль распространяется даже на имущество собственности (товары, произведенные внутри страны, а также весь импорт и экспорт). Функциональной, современной и независимой судебной системы не существует. Взяточничество является повсеместным, и коррупция представлена на всех уровнях государства и экономики. Правящая рабочая партия, Корейская народная армия и члены кабинета управляют компаниями, которые конкурируют за получение иностранной валюты. Деловая активность частного сектора остается практически невозможной в Северной Корее. Государство определяет заработную плату, но руководители предприятий имеют ограниченную автономию, чтобы предлагать стимулы для работников. Северная Корея получает обширные продовольственные и энергетические субсидии из Китая [90].

Впрочем, «нынешнему периоду северокорейского «наступления» предшествовал период спокойствия, в течение которого экономика КНДР переживала подъём, вызванный реформами, реализуемыми правительством Ким Чен Ына с 2012 года. Они включают перевод сельского хозяйства на семейный подряд, что способствовало значительному улучшению продовольственной ситуации в стране. Сельское хозяйство смогло достаточно быстро восстановиться после засухи 2015 года и к настоящему времени, по некоторым данным, Северная Корея почти достигла уровня самообеспечения продовольствием. В 2015 году в КНДР была активизирована реформа промышленности с предоставлением большей самостоятельности государственным предприятиям. Одновременно прекратились гонения на частный бизнес. Благодаря всему этому в 2016 году экономика Северной Кореи продемонстрировала самые высокие за последние 17 лет темпы роста. Номинальный её ВВП увеличился в 2016 году на 3,9 %, достигнув 28,6 млрд. долл. Экономический рост в пределах 4 % продолжился и в 2017 году. Быстрыми темпами росли производство электроэнергии и внешняя торговля, 93 % которой приходилось на Китай. В 2015 году номинальный ВВП КНДР на душу населения впервые с конца 1980-х

годов превысил уровень в 1 тыс. долл. Всё это способствует повышению популярности нынешнего правительства страны и открывает дополнительные возможности для увеличения объёма ресурсов, вкладываемых в милитаризацию, в частности в разработку новых видов вооружений [50].

5 августа 2017 года Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию, расширяющую санкции против КНДР. Решение принято после проведения Пхеньяном двух запусков межконтинентальных баллистических ракет. Резолюция предусматривает запрет на импорт из КНДР железной руды, свинца, угля и морепродуктов, заморозку счетов Банка внешней торговли КНДР, а также запрет для северокорейских морских судов входить в порты. После одобрения ограничительных мер президент США Дональд Трамп поблагодарил за сотрудничество Россию и Китай, которые являются постоянными членами Совбеза [62].

Руководство КНДР не прислушалось к членам Совбеза ООН и в сентябре 2017 года в КНДР было произведено испытание ядерного устройства. В ответ на это была принята очередная резолюция ООН. Резолюция ООН, принятая по инициативе Вашингтона, предусматривает полный запрет на экспорт текстильной продукции, ограничение на закупку Пхеньяном нефтепродуктов и ограничение импорта сырой нефти. Санкции ударяют по текстильной промышленности - второй по величине статье экспорта КНДР после угля - в 2016 году экспорт текстиля принес экономике КНДР 752,5 млн. долларов. Почти весь текстиль - 80 процентов - КНДР продает Китаю. Северная Корея отныне сможет закупать не более 2 млн. баррелей нефтепродуктов в год - против сегодняшних 4,5 млн. баррелей в год. [61].

Под воздействием санкций ВВП в Северной Корее в прошлом году сократился на 3,5 процента по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о самом большом снижении с 6,5 процента в 1997 году, когда изолированная страна пострадала от разрушительного голода. Китай, крупнейший торговый партнер, приостановил закупки угля в прошлом году, что привело к сокращению основного экспортного источника Северной Кореи, в то время как продажи приостановленного топлива в страну вызвали резкий рост цен на бензин и дизельное топливо. С тех пор, однако, цены на топливо стабилизировались и даже снизились за последние недели, говорится в отчете, опубликованном на веб-сайте North Korea Economy Watch. «Мое лучшее предположение заключается в том, что это сочетание увеличения контрабанды, возможно, благодаря сниженной бдительности Китая в обеспечении соблюдения санкций и ограничений в отношении незаконной торговли через границу», - писал аналитик Бенджамин Катзефф

Сильберштейн в отчете. По данным Института корейской интеграции общества, черный рынок Северной Кореи вырос до 60 процентов экономики [93].

Северная Корея находится в ожидании большой войны с 1953 г., а на протяжении 1950–1953 гг. была зоной боевых действий. Это и все вышеперечисленное определяет подходы Пхеньяна к военному строительству и в наши дни, и на ближнюю перспективу [24].

Практически лишенная возможности закупать современное вооружение и военную технику за рубежом (серьезный импорт прекратился еще четверть века назад), КНДР опирается на собственный ВПК. А учитывая возможности экономики страны в плане, как материальных ресурсов, так и технологического капитала, сосредоточивает усилия в первую очередь на асимметричных решениях.

Государство имеет слабую экономику, оно изолировано от всего мира. Однако армия Северной Кореи до сих пор считается одной из самых сильных в мире. Называется она Корейская народная армия. Главными лозунгами идеологии КНДР являются «чучхе», который означает «опора на собственные силы», а также «сонгун», то есть «все для армии»[2].

Численность Корейской народной армии оценивается от 690 тыс. (по данным Global Firepower) до 1 млн. 190 тыс. человек (по данным Международного института стратегических исследований). Еще 4 млн. человек находятся в непосредственном резерве, всего же к воинской службе пригодны 10 млн. человек. Население КНДР – 24,7 млн. человек. То есть, в северокорейских вооруженных силах (ВС) проходит службу 4-5% населения, что аналитики называют настоящим мировым рекордом [5].

Армия Северной Кореи имеет небольшой бюджет. Например, в 2013 году он составлял всего 5 миллиардов долларов. По сравнению с ведущими государствами, этот показатель ничтожно мал. Однако она входит в пятерку сильнейших. Армия Северной Кореи, численность которой может в любой момент дополниться 8 миллионами резервистов, также обладает 10 ядерными боеголовками. Первые испытания по их запуску были проведены в 2006 году[2].

Все мужчины в КНДР обязаны пройти срочную службу. Срок службы в армии Северной Кореи составляет 5-12 лет. При этом до 2003 года этот срок был 13 лет. Призывной возраст начинается с 17 лет. Обойти службу в вооруженных силах практически невозможно. В стране женщины давно могли служить в качестве добровольцев. Срок их службы до 2003 года составлял 10 лет, а после – 7 лет. Однако в источниках появляется информация о том, что с 2015 года все женщины обязаны проходить срочную воинскую службу. Набор будет осуществляться сразу же после

получения школьного аттестата. Женщины будут служить в армии до 23 лет. Многие эксперты считают такие меры властей вынужденными из-за голода 1994-1998 годов, в результате которого была низкая рождаемость, что в результате привело к нехватке мужского населения призывного возраста [2].

Общее руководство всей силовой и оборонной сферой Северной Кореи по конституции этой страны осуществляет Государственный комитет обороны (ГКО), главой которого является лидер страны Ким Чен Ын. ГКО контролирует работу Министерства народных вооруженных сил, а также других силовых ведомств. Именно Комитет обороны может объявлять в стране военное положение, проводить мобилизацию и демобилизацию, управлять резервами и военно-промышленным комплексом. В состав военного министерства входят несколько отделов: Политический, Оперативный и отдел, который занимается тыловым обеспечением войск. Непосредственное оперативное управление ВС КНДР осуществляет Генеральный штаб.

Вооруженные силы КНДР состоят из:

- Сухопутных сил;
- Военно-морского флота;
- Военно-воздушных сил;
- Ракетные войска;
- Сил специальных операций.

Кроме того, свои войска имеются у Министерства охраны госбезопасности и Министерства общественной безопасности. Существует также и другие военизированное формирование: Рабоче-крестьянская Красная гвардия, Молодежная красная гвардия, различные народные дружины [9].

Северная Корея хорошо помнит опыт войны 1950–1953 гг., поэтому потратила десятилетия, чтобы сделать свою территорию практически крепостью. Ключевые принципы, на которых эта крепость строится, следующие:

Во-первых, невероятная плотность обороны по всем угрожаемым направлениям. Довольно небольшую полосу вдоль Демилитаризованной зоны (ДМЗ) (240 км) на глубину 15-20 км защищают не менее 200–250 тыс. солдат. Вблизи есть еще примерно 100-150 тысяч. То есть на крохотной территории сосредоточено 300–400 тыс. военнослужащих. При этом побережья прикрываются группировками, каждая из которых насчитывает более 100 тыс. солдат. Все эти силы эшелонированы в глубину, прикрывают десант - опасные направления, имеют не одну линию обороны и выделенные мобильные резервы, которые могут быть переброшены на угрожаемые направления. Поэтому наступающие будут, по крайней мере, первое время, вязнуть в порядках обороняющихся. При этом ни через ДМЗ,

ни по берегу просто объехать противника (как это было в двух иракских войнах) нельзя – местность пересеченная.

Второй принцип строительства обороны – огромная огневая мощь артиллерии на единицу протяженности. Точная численность артиллерии КНДР неизвестна, но большинство источников указывает, что только артиллерия береговой обороны и только на западном побережье имеет более 1000 единиц техники. Однако и вторые эшелоны, и резервы также располагают значительными силами артиллерии. Даже разные ополченческие формирования имеют собственные системы залпового огня и гаубицы (вплоть до 152-мм), пусть в основном буксируемые и морально устаревшие, но мест, не простреливаемых артиллерией, на территории страны нет.

На спутниковых снимках вдоль ДМЗ только в ближней полосе обнаружены позиции не менее чем для 500 артиллерийских батарей. То есть минимум для 2000 артиллерийских стволов, хотя более взвешенные оценки говорят о 3000-3500 стволов. Чтобы подавить артиллерию требует очень много самолетных вылетов и долгая работа артиллерии [24].

Но настоящие проблемы создает третий столп оборонительной стратегии КНДР – инженерное оборудование театра военных действий. У Северной Кореи еще с Корейской войны имеется успешный опыт позиционной обороны, где важная роль отводилась подземным сооружениям. Именно северокорейские военные инженеры помогали союзникам во Вьетнаме еще в 1954 г., а потом уже прямо консультировали армию Северного Вьетнама в использовании подземных сооружений в борьбе с технологически превосходящим противником. Строительство разнообразных бункеров идет в КНДР с 1960-х годов. Точные размер и параметры подземной инфраструктуры КНДР неизвестны.. Так, вначале 2000-х гг. в открытой печати указывалось, что, по оценкам иностранных специалистов, построено более 8 тыс. подземных бункеров, а также 527 км подземных туннелей. Есть оценки, дающие цифру в 12 тыс. бункеров. Глубина залегания многих укрытий для личного состава составляет 40-70 м, а командных центров — 300 м. [24].

Все военные предприятия, танковые, ракетные и артиллерийские части, авиация, флот, наземный транспорт имеют не только основные защитные сооружения, но и запасные. При этом уже в 2000-е гг. помимо настоящих подземных сооружений, входов и выходов, стали возводиться в большом количестве и ложные, причем все это на местности, которая и так не способствует эффективной разведке. То есть большую часть времени сухопутные силы просто могут находиться под землей, вообще не появляясь в зоне действия разведки и оружия противника. При этом, по оценкам многих специалистов, существует даже возможность маневра по подземным коммуникациям, что фактически нивелирует преимущества врага с сильной авиацией [24].

Сухопутные войска. Сухопутные войска Северной Кореи составляют несколько эшелонов обороны. Первый из них расположен на границе с Южной Кореей. В него входят пехотные и артиллерийские соединения. В случае возможной войны они должны прорвать южнокорейские приграничные укрепления либо не позволить войскам противника пройти вглубь государства. Второй эшелон располагается за первым. Он состоит из сухопутных войск, танковых и механизированных соединений. Его действия также зависят от того, кто первым начнет войну. Если КНДР, то второй эшелон будет продвигаться вглубь южнокорейской обороны, включая захват Сеула. Если же КНДР атакуют, то второй эшелон должен будет ликвидировать прорывы противника. Задача третьего эшелона - в обороне Пхеньяна. Также он является учебной и резервной базой для первых двух эшелонов. Четвертый эшелон расположен на границе с Китаем и Россией. Он относится к учебно-резервным соединениям. Его принято называть «эшелоном последней надежды»[1].

Военно-морской флот Северной Кореи имеет численность примерно 60 тыс. человек (данные на 2012 год – Н.П.). Он разделен на две составные части: Флот восточного моря (действует в Японском море) и Флот западного моря (предназначен для решения боевых задач в Корейском заливе и Желтом море). На сегодняшний день в состав ВМС Северной Кореи входит примерно 650 кораблей, их водоизмещение превышает 100 тыс. тонн. КНДР имеет весьма мощный подводный флот [9].

Большая часть корабельного состава ВМС КНДР представлена катерами различных видов, ракетными, торпедными, артиллерийскими и десантными. Однако есть и крупные суда: пять корветов УРО, почти два десятка малых противолодочных кораблей. В состав подводного флота страны входит около ста субмарин разного типа и водоизмещения. Основная задача военно-морских сил Северной Кореи – это прикрытие побережья и прибрежной зоны. Подводный флот КНДР способен нести баллистические ракеты с ядерной боевой частью. [9]

Авиация — вспомогательный род войск. ВВС КНДР имеют на вооружении от 600 до 700 боевых самолетов. Ударная авиация ВВС КНА включает от 40 до 80 крайне устаревших китайских бомбардировщиков Н-5 (копия советского Ил-28), от 18 до 30 почти таких же старых советских штурмовиков Су-7, 34-36 относительно новых штурмовиков Су-25 и до 40 «промежуточных» по возрасту китайских штурмовиков Q-5.

Истребители — 107 крайне устаревших китайских J-5 (копия МиГ-17), от 98 до 215 не намного более новых китайских же J-6 (копия МиГ-19), 25—0 советских МиГ-21бис (самая новая модификация старого МиГ-21), до 120 более старых МиГ-21ПФМ и их китайских копий J-7, 40 модернизированных китайских J-7М, 30 учебно-боевых МиГ-

21УМ, 56 МиГ-23 (46 МЛ, 10 П), от 18 до 40 относительно современных МиГ-29 (в т.ч. до 5 учебно-боевых МиГ-29УБ).

Имеется от 20 до 24 боевых вертолетов Ми-24Д и около 300 транспортных и многоцелевых вертолетов. Среди последних следует особо отметить 87 американских MD-500, которые КНДР сумела приобрести в конце 80-х через нескольких посредников. Они активно используются в интересах ССО.

Вся наземная ПВО включена в состав ВВС. В ее составе — 2 полка (6 дивизионов) ЗРС С-200 (36 ПУ), 41 дивизион ЗРС С-75 (246 ПУ), 6 дивизионов ЗРК С-125 (24 ПУ), не менее 1 дивизиона ЗРС КН-06 (не менее 8 ПУ). КН-06 представляет собой местный вариант советской ЗРС С-300ПТ/ПС, либо китайской HQ-9. На вооружении состоят до 6 тысяч ПЗРК (4,5 тысячи «Стрела-2» и их китайских копий HN-5, 1,5 тысячи «Игла-1») и до 11 тысяч ЗСУ и зенитных орудий. Почти вся техника ВВС и ПВО КНА крайне устарела, даже Су-25, МиГ-29 и КН-06 можно считать новыми лишь очень относительно. До определенной степени это компенсируется их большим количеством, но в данном случае фактор количества имеет гораздо меньшее значение, чем для сухопутных войск. Впрочем, действия авиации любого противника над КНДР на малых высотах будет крайне затруднено горной местностью и огромным количеством ПЗРК и зенитных орудий в северокорейской ПВО. Старые самолеты вполне могут быть использованы в роли камикадзе, в том числе и с ядерным оружием [1].

Войска специального назначения (тактические войска). Подготовка частей спецназа ведется в Корейской народной армии уже давно, но 17 апреля 2017 года было объявлено о сведении их в один вид вооруженных сил. Их численность, по западным оценкам, составляет около 100 тысяч человек. Главной задачей этих войск военные эксперты называют диверсионно-разведывательные рейды во время наступательных операций северокорейской армии. "Это очень хорошо физически подготовленные, а также в тактическом и огневом отношении натренированные бойцы. Для этого не нужно было тратить дефицитное топливо. Это просто подготовка на местности. Они хорошо мотивированы, они имеют большое количество переносных зенитно-ракетных комплексов, противотанковых комплексов, современные гранатометы", - так описывает один из экспертов тактические войска КНДР [42]. По мнению эксперта В. Шурыгина: «Продвинутые страны давно создали либо войска специального назначения, либо силы специальных операций. Это более крупные объединения, которые позволяют проводить не отдельные, точечные удары, а небольшие войны. Наверное, нечто подобное создали и в Северной Корее». Является ли спецназ отдельным видом ВС КНДР, либо это силы для специальных операций – вопрос дискуссионный[65].

Эксперты предполагают, что численность сил специального назначения Северной Кореи составляет порядка 90 тыс. человек: 9 лёгких пехотных бригад, 6 бригад снайперов, 17 разведывательных батальонов, 8 батальонов пехотинцев. Примечательно, что в КНДР число спецназа – это 13% от общего состава вооруженных сил. При этом вооружение спецназа КНДР соответствует образцам 1960-70-х годов прошлого века, к недостаткам можно отнести и отсутствие реального опыта боевых действий. К преимуществам этих сил относятся, по мнению экспертов, следующие: «Во-первых, северокорейский спецназ будет с большой вероятностью воевать на своей территории. Во-вторых, спецназ КНДР отличают высокий уровень физической подготовки, железная дисциплина и фанатичная преданность командованию»[65].

Средства ответа и сдерживания на короткой и длинной дистанции. Многомиллионный Сеул, столица Южной Кореи, находится на расстоянии в 24-60 км от демилитаризованной зоны, где Северная Корея сосредоточила большую часть своей ствольной и реактивной артиллерии, а также склады с боеприпасами для нее. Эксперты считают, что в случае начала военного конфликта с США или Южной Кореей артиллерийские установки и РСЗО сразу же выдвинутся на позиции и нанесут мощный артиллерийский удар по Сеулу. Оценить масштабы этого удара сложно, поскольку достоверных данных о том, сколько и каких северокорейских систем размещено у границы, почти нет. Неизвестно также, какие цели выберут артиллеристы - будут ли они стрелять по жилым кварталам, ключевым объектам инфраструктуры или военным целям. Как бы то ни было, в том, что именно артиллерийский удар станет первым шагом со стороны Северной Кореи в случае войны, не сомневается большинство военных аналитиков [42].

Далеко не все артиллерийские орудия КНДР способны стрелять на такое расстояние, но у Пхеньяна точно имеются 170-миллиметровые дальнобойные гаубицы М1978 и М1989 Koksan (название не оригинальное - его присвоили на Западе), которые при использовании снарядов с реактивным ускорителем способны стрелять на 60 километров, а также 240-миллиметровые реактивные системы залпового огня, дальность действия которых гораздо больше. По приблизительным оценкам сайта *Globalsecurity*, только один залп РСЗО может составлять около четырех тысяч выстрелов, а в течение первого часа ствольная артиллерия может выпустить, по разным оценкам, до 500 тысяч снарядов. Эти цифры невозможно проверить, они скорее отражают мнение западных военных аналитиков, чем реальную оценку военного потенциала приграничной артиллерии КНДР - Северная Корея является одной из самых закрытых стран в мире, а информация о вооружениях охраняется там самым строгим образом. Кроме артиллерийских и

реактивных систем, в Северной Корее есть баллистические ракеты малой и средней дальности, в зоне поражения которых - вся территория Южной Кореи, и прежде всего это касается ядерных реакторов и инфраструктуры. Согласно данным Всемирной ядерной ассоциации, атомная энергетика Южной Кореи - одна из самых развитых в мире. В стране построены 25 ядерных реакторов, сконцентрированных в четырех центрах. Все они расположены в центральной и южной частях страны, но в зоне поражения баллистических ракет КНДР. Кроме атомных электростанций, ударам могут подвергнуться и другие объекты промышленности, транспортные магистрали, узлы связи, энергетические линии и многое другое [42].

Средства сдерживания на длинной дистанции. КНДР располагает развернутыми баллистическими ракетами средней дальности. Это «Хвасон-7» (чаще принято обозначение «Нодон») и «Хвасон-9» (чаще известны под индексом «SCUD-ER»). И та и другая достают и до городов Японии, и до американских авиабаз в Японии. В мае 2017 г. было объявлено о запуске в серийное производство ракеты средней дальности «Пуккыксон-2» – твердотопливной БР с более коротким временем предстартовой подготовки на гусеничном шасси повышенной проходимости и с усиленными возможностями преодоления ПРО [24].

В 2017 г. были также испытаны «Хвасон-12» и «Хвасон-14». О начале их серийного производства не сообщалось, но эти ракеты серьезно изменили досягаемость целей. Ракета «Хвасон-12» свободно достает до американских баз на острове Гуам, а «Хвасон-14» – до Аляски. И хотя пока в активе у этих ракет всего по одному успешному пуску, это означает теоретическую возможность ядерного удара по американской территории, а не только по базам в государствах-союзниках и по самим союзникам. Американцы могут попытаться выбить первым ударом с воздуха ракетные установки, дезорганизовать систему управления и т.п. А ослабленный ответный удар отразить ПРО. Однако, во-первых, в КНДР методично работают над разными способами преодоления ПРО. Одним из теоретических способов нейтрализации или хотя бы снижения эффективности ПРО является стрельба по цели не одиночными ракетами, а группой ракет. Групповые запуски ракет «Хвасон-9» успешно отрабатывались на учениях 2016 и 2017 гг. Другой способ преодоления ПРО – стрельба по «условно навесным» траекториям, когда ракета запускается на аномально малую дальность, но с очень большим апогеем. Это также снижает вероятность перехвата. Подобные пуски северяне проводят и во время учений, и во время испытаний ракет. Так, в Японии считают очень большой опасностью пуск ракет «Хвасон-10» и «Хвасон-12» именно по такой траектории. Развиваемые скорости и углы

выхода к цели либо сильно снижают вероятность успешного перехвата, либо делают его невозможным [24].

Также новое поколение ракет получило головные части, уже оснащенные своими двигательными системами. Причем у ракеты «Пуккыксон-2» прямо заявлялась возможность выполнения маневров на среднем участке траектории – это также усложняет перехват. В мае испытана и некая новая система из семейства «Хвасон», напоминающая «Хвасон-6», но с аэродинамическими поверхностями. Это не только повышает точность, но и может быть использовано для создания системы маневрирования на конечном участке для преодоления соответствующих систем ПРО [24].

Армия Северной Кореи, обозрение которой проводят чаще всего без достоверной информации, способна внушить опасение многим странам. При этом у нее существует множество недостатков.

Слабые стороны КНА:

- ограниченные ресурсы горючего позволяют проводить развернутые боевые действия не больше месяца;

- невозможность проведения Пхеньяном длительной обороны из-за недостаточного количества продовольствия;

- отсутствуют средства современной технической разведки, что снижает эффективность ведения артиллерийского огня;

- оборона с берегов осуществляется при помощи устаревших ракет, а флот в целом не отличается автономностью и скрытностью;

- отсутствуют современные ВВС, системы ПВО, а имеющиеся средства позволяют противодействовать силам противника лишь несколько дней.

При этом всем КНА остается одной из сильнейших армий мира. В основном за счет того, что более одного миллиона человек готовы встать на ее защиту, а другие несколько миллионов могут за короткое время быть призваны из резерва. Проверить результативность армии Северной Кореи возможно только в состоянии настоящей войны. Однако этого опасаются во всем мире. Ни одно государство, включая США, пока не желает развязывать конфликт с Пхеньяном [2].

Таким образом, КНДР, несмотря на свою технико-экономическую отсталость, обладает сильной и боеспособной армией, а главное – ракетно-ядерным оружием, испытания которого регулярно проводятся, поэтому процессы милитаризации для КНДР – такая же очевидная тенденция, как и для их ближайших соседей по региону и для их главного врага - США.

1.5. Современный военно-экономический потенциал США

АТР - регион мира, где концентрация геополитических интересов ведущих мировых держав приводит к серьезным противоречиям, характеризующимся стремлением Соединенных Штатов сохранить свое влияние в этом регионе, в том числе за счет наращивания в нем военного присутствия. Подтверждением тому являются новые доктринальные документы 2018 года - "Стратегия национальной безопасности", "Стратегия национальной обороны" и "Обзор ядерной политики", в которых Россию и Китай обозначают в качестве геополитических противников.

Придя к власти, Д. Трамп последовательно начал реализовывать свою геэкономическую стратегию в регионе, которая выражалась в лозунге — "Америка — превыше всего" [77]. Одним из первых распоряжений Трампа на посту президента США стал указ о выходе страны из международного торгового соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Выход из ТТП был предвыборным обещанием Трампа, который считает, что членство в договоре может привести к сокращению рабочих мест в США.

К 2015 году соглашение о Транстихоокеанском партнерстве было подписано 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В торговый пакт кроме США вошли Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Перу, Чили, Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам. Эти же страны 4 февраля 2016 года подписали соглашение о создании партнёрства. Оно должно было вступить в силу после ратификации всеми странами-участницами [69]. ТТП предполагает создание зоны свободной торговли между этими странами, сокращение торговых тарифов в регионе, и в перспективе - создание в Тихоокеанском регионе единого рынка наподобие европейского. По оценке Института международной экономики Питерсона, членство США в пакте могло увеличить реальный доход американцев в сумме на 131 млрд долларов, или на 0,5% от ВВП.

В торговле с подавляющим большинством азиатско-тихоокеанских государств у Соединенных Штатов стабильно наблюдался значительный дефицит (в товарообороте с АТЭС в 2013 – 2016 гг. он суммарно составил свыше 2382 млрд. долл.). Особенно неблагоприятно для Вашингтона складывался товарообмен с Китаем: в 2010 – 2016 гг. при общем объеме товарооборота в 3175 млрд. долл. отрицательное сальдо для США превысило 2390 млрд. долл., или более 60%. Именно колоссальный дисбаланс в американо-китайской торговле послужил для Д. Трампа одним из самых сильных аргументов в пользу отстаивания политики протекционизма.

Политический курс США в АТР опирается на традиционные для страны военно-политические инструменты по нескольким направлениям. Нынешняя стратегия США в

АТР реализуется по линии расширения американского военного присутствия в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и интенсификации политического диалога со странами данного региона. Их интерес здесь обусловлен поиском новых партнеров и желанием привлечь к сотрудничеству даже те государства, которые прежде не имели отношений с США в военной сфере, но в настоящее время обеспокоены жесткой позицией Китая по вопросу спорных территорий в Южно-Китайском море.

Поэтому несмотря на обострение в последний год ситуации в Европе и на Ближнем Востоке, отсутствуют какие-либо признаки возможного отказа или хотя бы внесения сколько-нибудь существенных коррективов в процесс “разворота” в сторону АТР ключевых американских интересов, заявленного руководством США в конце 2011 г.[70]. Главный мотив “разворота” в сторону АТР американской внешней политики обусловлен превращением Китая в державу глобального значения, что воспринимается в качестве основного вызова американским интересам. Укреплению позиций Китая на мировой арене и повышению его самооценки несомненно способствует недавний прогноз МВФ, согласно которому по объёму ВВП (в пересчёте по паритету покупательной способности) КНР в конце 2014 г. выйдет на первое место в мире.

Усиливается тенденция к выстраиванию Китаем финансово-экономических интеграционных структур, фактически параллельных тем, которые возглавляются США, ЕС и Японией (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский банк развития). В частности, настороженную и политически окрашенную реакцию в Вашингтоне вызвало подписание в Пекине 24 октября 2014 г. акта об учреждении Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ) с первоначальным капиталом в 50 млрд дол., который, по мнению экспертов, “в основном или даже целиком” будет наполнен Китаем [70].

Продолжающийся экономический прогресс наряду с ростом военного потенциала Китая способствуют в последние годы более отчётливому проявлению феномена китайской внешней политики, определяемый зарубежными экспертами термином “напористость” (assertiveness). Эта “напористость” проявляется прежде всего в бескомпромиссности претензий КНР на владение не только Тайванем, но и рядом островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Как правило, указанные острова либо находятся под управлением стран-соседей Китая, либо эти последние тоже претендуют на их владение. Страны, находящиеся в состоянии территориальных споров с КНР, как правило, являются американскими союзниками де-юре или де-факто [70].

Стратегия “офшорного балансирования” соответствует попыткам США по внесению определённого “конструктива” в политику на китайском направлении, которые стали

отмечаться с началом второго президентского срока Барака Обамы. В частности, свидетельством подобного тренда стало приглашение Китая принять участие в международных военно-морских учениях RIMPAC-2014, которые раз в два года проводятся под эгидой США. Не менее важное символическое значение имело и заявление о возможности присоединения КНР к патронируемому США проекту создания Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), которое осенью 2013 г. было сделано советником президента США по национальной безопасности Сьюзен Райс. Однако с тех пор тема возможного участия КНР в ТТП на официальном уровне не поднималась [70].

В настоящее время Соединенные Штаты проводят курс на усиление своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе за счет наращивания военного присутствия, которое обеспечивают формирования всех видов американских вооруженных сил. Их общая численность составляет около 100 тыс. военнослужащих [45].

В частности, находит подтверждение неизменность курса на перераспределение американской военной мощи в целях усиления Тихоокеанского командования США (USPACOM). Так, в конце июля 2014 г., то есть в разгар кризисов на Украине и в Ираке, руководитель USPACOM адмирал Сэмюэль Локлир заявил о неизменности принятых ранее планов по сосредоточению к 2020 г. в акватории Тихого океана до 60% американских боевых кораблей. К настоящему времени эта цифра уже доведена до 52% [70].

Для обеспечения функционирования структур вооруженных сил США в АТР Пентагоном создана сеть военных баз на территории Японии и Республики Корея, состоящая из 240 объектов различного назначения, более 180 из которых являются собственностью США [46]. Стоит учесть, что бюджет Пентагона на 2018 год составил около 700 млрд. долларов [75]. Закон о бюджете Пентагона на 2018 г. направлен на повышение жалования военнослужащих и увеличение контингента во всех видах войск. 4,4 млрд. долларов выделяются на противоракетную оборону, размещение дополнительных ракет-перехватчиков на западе страны для защиты от угрозы со стороны КНДР. "Сегодня с подписанием оборонного бюджета мы ускоряем процесс полного восстановления военной мощи США, - отметил американский президент, - закон повысит нашу боеготовность, усилит меры по модернизации наших сил и поможет предоставить нашим военнослужащим средства, необходимые для борьбы и победы" [75].

Опираясь на колоссальный бюджет, Пентагон расширяет масштабы своего присутствия. В частности, на Филиппинах на временной основе находится более 800 американских военнослужащих, а в перспективе здесь возможно создание постоянной американской военной базы. С Сингапуром подписано соглашение о размещении в пункте

базирования Сембаванг четырех американских кораблей класса "корвет", с Вьетнамом прорабатывается возможность задействования кораблями 7-го оперативного флота США пункта базирования Камрань. Важным моментом в стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе является активизация военного сотрудничества с Австралией в целях получения доступа к военной инфраструктуре континента. В ближайшей перспективе Пентагон планирует увеличить численность подразделений морской пехоты США, находящихся в Австралии, с 1000 до 2 500 военнослужащих [12].

В "Стратегии национальной безопасности" США выступают за сохранение их лидерства в системе региональной безопасности в АТР, основанной на "территориальной целостности и независимости стран" [68]. В то же время для США, согласно документу, приоритетными направлениями в этой сфере деятельности являются: "сохранение передового военного присутствия, позволяющего сдерживать любого противника, а в случае необходимости - нанести ему решительное поражение"; "развитие сотрудничества с Японией и Республикой Корея по созданию региональной системы противоракетной обороны"; "сохранение готовности к силовым действиям в ответ на агрессию со стороны КНДР, а также наращивание возможностей для "принудительной денуклеаризации" Корейского п-ова"; "активизация сотрудничества в области безопасности с Индией, получившей статус основного партнера США в оборонной сфере"; "укрепление союзов с Филиппинами и Таиландом, а также развитие партнерских отношений с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Сингапуром".

В настоящее время администрация Д. Трампа сосредоточивает усилия на создании в АТР группировки численностью свыше 400 тыс. военнослужащих, более 50 крупных военных баз (всего здесь насчитывается свыше 200 американских военных объектов). В роли одного из главных инструментов проведения внешней политики Вашингтона выступают авианосные ударные группы. Одна из них постоянно базируется в Японии. Кроме того, с 2016 года Пентагон практикует периодическое развертывание в западной части Тихого океана еще до двух авианосных ударных групп. Эффективным средством демонстрации силы командование ВС США также считает стратегическую бомбардировочную авиацию. На авиабазе Андерсен (о. Гуам, Марианские о-ва) постоянно находятся не менее шести самолетов В-52Н, В-1В или В-2А, а в отдельных случаях группировка достигает 15 стратегических бомбардировщиков, которые регулярно патрулируют воздушное пространство над акваторией Тихого океана [57].

Пентагон также активно наращивает в АТР группировку противоракетных сил и средств, провоцируя тем самым гонку вооружений в регионе. В настоящее время она насчитывает в своем составе 20 кораблей, способных решать задачи противоракетной

обороны, две противоракетные батареи ТХААД (Terminal High Altitude Area Defense), три зенитных ракетных дивизиона "Пэтриот" ПАК-3, пять мобильных РЛС.

США в Австралии располагают 13 объектами, из которых только два используются американскими ВС в режиме ограниченного доступа для австралийской стороны. Вместе с тем Австралия, отдаленная от Китая 3 тыс. км, представляет для США безусловный интерес, так как на ее территории находится крупный военный центр Пайн-Гэп, с помощью которого Вашингтон может отслеживать пуски ракет со стороны КНДР, КНР, России, Индии, Пакистана и Южной Кореи. То есть для США важность присутствия на территории Австралии связана не столько с дислокацией там американских военнослужащих или использованием военных баз, сколько с функционированием центров перехвата и анализа разведданных. В последнее время уровень присутствия Соединенных Штатов в данном сегменте значительно вырос, что было достигнуто не за счет открытия новых объектов, а посредством модернизации имеющихся и расширения их возможностей. При этом американские ВВС получают доступ к аэродромам в северной части страны, обсуждается возможность создания для совместного с Австралией использования военно-воздушной базы на Кокосовых островах (территория в Индийском океане, принадлежащая Австралии).

В настоящее время на Филиппинах на временной основе находится более 800 американских военнослужащих, а в перспективе - возможно создание постоянной американской военной базы. В апреле 2014 года между двумя государствами было подписано соглашение "О расширенном военном сотрудничестве", позволяющее США строить сооружения, размещать оружие и боеприпасы, военный и гражданский обслуживающий персонал на филиппинских базах. Вероятно, одной из АвБ станет Субик-Бэй - главная база Тихоокеанского флота США до 1991 года. Американским кораблям разрешается заходить в порты, а воинским контингентам - проводить совместные военные учения на Филиппинах, в том числе в Тихом океане.

Таким образом, мощный военно-экономический потенциал США, поддерживающий безусловное лидерство государства на мировой арене, в АТР работает на решение главной стратегической задачи – сдерживание растущего военного и экономического влияния КНР. Одним из способов решения данной задачи является закрепление и наращивание военного присутствия США вокруг Китайской Народной Республики, иными словами – присутствия в АТР.

Исследование военно-экономического потенциала ведущих стран АТР позволяет выявить несомненных и соперничающих лидеров – США и КНР; страны-сателлиты США (Япония и Южная Корея), оставаясь в основном в фарватере американской политики и в

рамках военно-политической стратегии США, тем не менее, всё отчетливее демонстрируют склонность к самостоятельному решению региональных вопросов, что особенно проявляется в стремлении выстраивать добрососедские отношения друг с другом и с Российской Федерацией; особое место занимает в этой картине КНДР, обладающая меньшим военно-экономическим потенциалом, но несущая угрозу всем геополитическим игрокам региона, при этом ориентирующаяся на взаимодействие с КНР и Российской Федерацией.

2. ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ПРОЦЕССОВ МИЛИТАРИЗАЦИИ В СТРАНАХ АТР НА 2018 ГОД

2.1. Динамика процессов милитаризации в КНР на 2018 год

В начале XXI века Китай построил сильную экономику и достиг больших успехов в вооружении армии. Военный бюджет на 2017 год Китая составлял 13% государственного бюджета, уступая лишь США. За последние годы виден неуклонный рост военных расходов [27]. Так в 2017 году он составил около 200 млрд. долларов. Однако, часть военных расходов китайский Минфин имеет обыкновение прятать в другие статьи бюджета, поэтому дипломаты и эксперты считают, что точных расходов на оборону КНР мало кто знает даже в самом Китае [47].

Более десятилетия двузначного роста ежегодных расходов на оборону позволили Китаю выйти на второе место по военным расходам. Однако в последние годы вместе с резким снижением темпов развития китайской экономики снизились и расходы на оборону. Они, конечно, растут, но последние три года менее чем на 10%. Рост бюджета 2018 г. вновь не превысил 10-процентной отметки и составил 8,1% по сравнению с 2017 годом. Народно-освободительная армия Китая (НОАК), самая многочисленная армия на планете, получит 1,11 трлн. юаней (175 млрд. долларов). В прошлом году расходы на оборону впервые превысили триллионный рубеж. Они выросли на 7% до 1,044 трлн. юаней, а в 2016 г. рост был 7,6% (980 млрд. юаней). Специалисты обращают внимание на то, что рост расходов на оборону опережает рост темпов развития экономики. Так, экономика Китая в прошлом году прибавила 6,9%, а в этом должна вырасти на 6,5%. [47]. В 2018 году КНР располагает самой многочисленной человеческой военной силой в рейтинге армий мира. В ней служит 2 183 000 человек. На 1000 жителей Китая приходится 1,71 военнослужащих [58].

Рост военных расходов страны свидетельствует о военно-политических амбициях Китая. Конечно, китайский военный бюджет существенно уступает американскому – он меньше примерно в четыре раза. Однако, у Китая и США – совершенно разные методы и комплектования армии, и отношения к военной службе. В Китае армия комплектуется по призыву, что исключает необходимость значительного финансирования солдатской службы. Если убрать социальную составляющую и жалование контрактникам, то разрыв в военных расходах США и КНР уже не будет таким катастрофическим [53].

КНР проводит сейчас модернизацию вооруженных сил. Основное внимание уделяет военному флоту, авиации и ракетным войскам. В октябре 2017 г. Си Цзиньпин поставил задачу сделать Китай к 2050 году «первоклассной военно-морской державой». Сейчас

КНР строит третий авианосец. К 2025 году, по планам, у ВМФ НОАК должен появиться первый атомный авианосец, который будет пятым по счету. Всего же ВМФ КНР для защиты страны нужны не менее 6 авианосцев. Для сравнения: у США сейчас 10 авианосцев и еще два будут построены в ближайшие годы [47].

Причин наращивать военную мощь для Китая несколько. Во-первых, Китай беспокоится о самообороне, в том числе имея в виду территориальные претензии соседей и торговые маршруты. По словам экс-командующего сухопутными войсками США в Европе Бенджамин Ходжес, война США с Китаем может начаться через 15 лет. Жесткий нажим США, стартовавший примерно в 2012 году, шел не только против России. То же самое происходило и происходит с Китаем. И если ключевым рычагом для нажима на Россию служит Украина, то для Китая это спорные территории в Южно-Китайском море. Кстати, именно поэтому Пекин делает упор на создание авианосного флота и уже во вторую очередь работает с ядерными боеголовками. Сегодня между Китаем и странами АТР (Япония, Вьетнам, Филиппины) сохраняются разногласия по морским границам и зонам ответственности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Южно-Китайское море является весьма спорной областью, обладающей высоким содержанием природных ресурсов, также оно является одним из главных в мире судоходных коридоров. Поэтому так много стран претендуют на различные районы моря и острова. Согласно данным Reuters Китай имеет больше объектов в Южно-Китайском море (1,652), чем все остальные претенденты [26]. Соседи КНР каждый раз ждут объявления каждого бюджета Министерства обороны КНР с напряженным ожиданием. Миротлюбивые заявления китайского руководства их не успокаивают, потому что позиция Пекина в многочисленных территориальных спорах с соседями в Южно- и Восточно-Китайском морях с каждым годом становится все более жесткой. Не добавляет оптимизма странам Индо-Тихоокеанского региона и жесткая позиция Пекина по отношению к Тайваню, который в КНР считают своей временно отколовшейся провинцией.

США рассматривает растущее присутствие Китая в Южно-Китайском море является как вызов региональным интересам США. Пекин расширяя свое военное присутствие в Южно-Китайском море стремится к обеспечению безопасности морских коммуникации, путей транспортировки нефти и экспортных товаров. Милитаризации Китаем аванпостов в Южно-Китайском море послужит увеличению напряженности между странами, предъявляющими свои права на территорию.

Второй причиной является то, техническая оснащённость войск КНР пока оставляет желать лучшего. В Народно-освободительной армии Китая достаточно велика доля военной техники 1970-х и 1980-х годов, которая является не всегда удачной копией

советских и западных образцов. Помимо разработки своего вооружения, Китай тратит много денег на импорт оружия. По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI) за период с 2011 по 2015 доля мирового рынка Китая составила: 4,7% уступая лишь Индии и Саудовской Аравии [73]. По оценкам SIPRI, между 1991 и 2013 гг. более 80% импорта Китаем основных видов обычных вооружений приходилось на Россию. Китай покупал почти треть всего российского оружия, поставлявшегося на экспорт. Еще одним поставщиком вооружения в Китай является Украина. «Китай продолжает наращивать свои военные мощности как с помощью импорта оружия, так и путем внутреннего производства», — отмечает Симон Веземан, старший научный сотрудник в SIPRI Arms and Military Expenditure Programme. Помимо того, что Китай стал третьим в мире импортером оружия, он также вошел в тройку крупнейших в мире экспортеров, уступая США и России [73]. На закупку современного вооружения Минобороны КНР тратит огромные средства, так как Вооружённые силы Китая — крупнейшие в мире, а хорошее вооружение стоит довольно дорого [43]. По оценкам SIPRI, между 1991 и 2013 гг. более 80% импорта Китаем основных видов обычных вооружений приходилось на Россию. Китай покупал почти треть всего российского оружия, поставлявшегося на экспорт. Помимо того, что Китай стал третьим в мире импортером оружия, он также вошел в тройку крупнейших в мире экспортеров, уступая США и России, что означает что перевооружение армии Китая дало свои существенные плоды [40]. В тоже время несмотря на такое большое развитие вооружения и вкладывания огромных сумм денег, по словам министра обороны Китая Вэй Фэнхэ «Развитие Китая никогда не будет создавать угрозу ни одному государству мира. Независимо от уровня своего развития мы никогда не станем добиваться гегемонии». Таким образом если верить словам министра политика Поднебесной заметно отличается от той же политики США. Будет ли это в реальности покажет время, а пока кроме установления военной техники на спорных островах в Южно-китайском море Китай ничего существенного не предпринимает [53].

Третье причиной является то, что Китаю нужна качественная реформа армии, чтобы отвечать новым угрозам современности. Новая реформа подразумевает расформирование некоторых существующих структур и замену их новыми организациями. Кроме того, были предложены и уже реализованы некоторые изменения, связанные с видами вооруженных сил и родами войск. Все изменения структуры вооруженных сил «направлены на реализацию китайской мечты о строительстве сильной армии». Путем изменения структур управления и некоторых иных реорганизаций планируется построить современную военную систему с китайской спецификой [43]. По оценкам экспертов,

сейчас НОАК куда лучше вооружена, чем прежде, хотя по многим показателям все еще уступает российской и американской армиям [53].

Китай наращивает военную силу в космосе. Так по словам вице-президента США Майка Пенса «Россия и Китай проводят крайне сложные испытания на орбите, которые могут позволить им перемещать их спутники на близкое расстояние к нашим, что создает новую угрозу нашим космическим системам... Их действия ясно свидетельствуют о том, что наши противники уже превратили космос в место военных действий, и США не испугается этой угрозы», тем самым обвинив Россию и Китай в милитаризации космоса [48].

В 2016 году Китай создал новую службу — войска стратегической поддержки. Их главная миссия заключается в том, чтобы оказывать помощь НОАК во время военных операций. Войска стратегической поддержки должны дать преимущество НОАК в любой сфере, будь то космос или интернет, и гарантировать успешное проведение операций. Задачи войск стратегической поддержки включают в себя создание и поддержание инфраструктуры космической безопасности, космическую разведку и наблюдения, а также картографическое и навигационное обеспечение. Эти войска отвечают за экранирование магнитных полей и оборону киберпространства. Создание подобной службы подтверждает важность развития космических военных сил для Китая.

Помимо собственного вооружения, Китай смотрит и на другие страны, в особенности на Африку. Не так давно, Китай принял решение создать военную базу в Джибути, государстве в Восточной Африке в районе Африканского Рога. База будет располагаться рядом с африканским командованием Вооруженных сил США. Китай сможет использовать базу, чтобы улучшить свое управление миротворческими операциями в Африке, а также проведением региональных морских операций. Он пытается подчеркнуть, что он является мировой державой [40].

Еще более понятным, чем в Африке, выглядит расширение китайского военно-политического и экономического присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Южной Азии. На южноазиатском направлении главным китайским оппонентом остается Индия, в противостоянии с которой Пекин блокируется с Пакистаном. Сейчас Китай помогает Пакистану вооружать пакистанскую армию, проводит совместные военные учения [53]. Еще одно стратегическое направление, на котором расширяет свое влияние Пекин — Юго-Восточная Азия. Здесь у Китая есть несколько ключевых проблем. Во-первых, это взаимоотношения с Тайванем — фактически независимым государством, которое до сих пор не признают в Пекине. Тайвань существует исключительно благодаря заступничеству США и американских союзников в регионе, поскольку в Китае строго

придерживаются концепции неделимости страны и мечтают о том времени, когда остров вернется в состав Поднебесной. Во-вторых, Китай имеет нерешенные территориальные споры из-за островов Спратли и Парасельского архипелага в Южно-Китайском море. Пекин считает эти территории исторически своими, но претензии Китая оспаривает сразу несколько стран – Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней. Позиции этих государств поддерживают «тяжеловесы» - США, Япония, Австралия, которым совершенно не импонирует расширение китайского присутствия в регионе. Однако, Китай не просто выражает свои претензии на эти острова, он не скрывает готовности в случае обострения ситуации применить военную силу [53]. Международный суд в Гааге считает, что у Китая нет никаких оснований претендовать на острова Спратли и Парасельский архипелаг в Южно-Китайском море. Но в Пекине решением Международного суда не удовлетворены и признавать его не собираются.

Китай продолжает работы по искусственному укреплению рифов и созданию искусственных островов. На искусственных островах Китай создает объекты транспортно-коммуникационной инфраструктуры – аэродромы и узлы связи, которые в случае обострения ситуации вполне могут быть использованы в военных целях – для нужд НОАК [53]. Собственно, для упрочения своих военно-стратегических позиций Китаю и нужны искусственные острова, которые, согласно мировому праву, не обладают собственными территориальными водами и бессмысленны с точки зрения приращения территории государства, но зато вполне могут быть использованы для нужд авиации и военно-морского флота. У США есть авианосцы, а у Китая – искусственные острова, которые, по сути, выполняют в Южно-Китайском море ту же самую функцию, что и авианесущие корабли – используются в качестве базы для самолетов морской авиации. Участки моря, где создаются китайские искусственные острова, в Пекине называют китайской зоной ответственности и довольно жестко требуют от иностранных государств не вторгаться в воздушное пространство над этими островами. Соседние страны ничего сделать не могут, поскольку собственных сил для конфронтации с Китаем у них, разумеется, а Соединенные Штаты при всем том не будут начинать масштабный конфликт с КНР из-за искусственных островов в Южно-Китайском море [53].

Пекин активно использует и такой современный механизм военного присутствия как частные военные компании, которые действуют в интересах китайских компаний в «опасных регионах» вроде Африки или Среднего Востока. Поскольку китайские частные военные компании комплектуются исключительно бывшими спецназовцами НОАК или полиции, то они находятся под полным контролем китайских спецслужб [53].

Сейчас Китай ориентируется прежде всего на экономическую экспансию, которая осуществляется, во-первых, тотальным освоением мировых рынков дешевыми китайскими товарами, а во-вторых – масштабными инвестициями в экономики очень многих стран мира. Китай все активнее заявляет о своих амбициях, стремясь к расширению не только экономического, но и политического, и даже военного влияния в современном мире. Недавно председатель КНР Си Цзиньпин сказал, что страна «готова к кровавым битвам со своими врагами». При этом, Пекин вроде как демонстрирует полное миролюбие и даже после введения президентом США Дональдом Трампом высоких пошлин на китайские товары, долгое время выжидал и не решался на радикальные ответные меры. Впрочем, в том, что огромная страна с населением более 1,3 млрд. человек, конкурирующая с США за статус ведущей экономики мира, имеет и военно-политические амбиции, нет ничего удивительного [53].

Наиболее высокие уровни напряженности у Китая, который эксперты относят к «умеренным» державам региона, с КНДР и США. Первое связано с нарастанием на протяжении всего 2017 г. конфликта вокруг Корейского полуострова, в котором «Китай стремился минимизировать свою вовлеченность в него, ограничиваясь присоединением к санкционным мерам, вводимым Советом Безопасности ООН с выражением общего неодобрения ракетно-ядерных испытаний Северной Кореи. Одновременно с этим китайские официальные лица указывали на взаимную ответственность КНДР и США за ухудшение ситуации, подчеркивая необходимость поиска решения проблемы на основе взаимных уступок». Действия КНДР вызывали недовольство КНР не только опасностью социальных и техногенных последствий обострения ситуации в его непосредственном соседстве и непредсказуемостью ситуации, но и тем, что, предоставляли США основания для обвинения КНР в «пособничестве» режиму, угрожающему региональной безопасности – в 2017 году США активно использовали этот тезис, наносящий урон региональной и международной репутации КНР [50].

Отношения США и Китая, вступившие, благодаря жестким «антикитайским» заявлениям в ходе предвыборной кампании Д.Трампа. в период значительных флуктуаций, переживали с 2017 г. ряд спадов и подъемов. Так, в феврале 2017 г. администрация США сделала важное для КНР заявление о поддержке ею политики «одного Китая», а в июне официальный представитель МИД КНР Лу Кан выразил официальный протест США в связи с намерением поставить Тайваню оружие на 1,4 млрд. долл. и введением экономических санкций против китайских компаний. Месяц спустя глава американской разведки и высокопоставленный представитель вооруженных сил США называют Китай главной угрозой миру и сообщают о готовности нанести ядерный

удар по китайской территории, что вызывает весьма острую реакцию Пекина. В декабре Китай выступил с резкой критикой новой Стратегии национальной безопасности США, которая определяет КНР и Российскую Федерацию в качестве государств, стремящихся подорвать влияние США в мире [50].

Источниками напряженности отношений Китая с ближайшим союзником США в регионе, Японией исследователи называют «крайне твердую позицию администрации Синдзо Абэ в отношении давления на Северную Корею и её планы укрепления собственных вооруженных сил, а также утеревший свою остроту, но не погасший территориальный спор вокруг о. Сенкаку (Дяоюйдао)» [50]. Отношения Китая с Южной Кореей в целом достаточно ровные, несколько осложнились с 2017 года в связи размещением на территории РК комплексов системы заатмосферного перехвата THAAD, способных сбивать баллистические ракеты в верхних слоях атмосферы. Китай на это ответил протестом, считая, что эта система может изменить баланс сил в регионе, поскольку её радары способны отслеживать ракетные пуски КНР. К этому протесту присоединилась и Россия, которая к 2018 году оставалась самым последовательным его региональным союзником [50].

В целом, несмотря на то, что Китай избрал преимущественно экономические методы покорения мирового пространства, на сегодняшний день налицо не только активная милитаризация, но и ряд неразрешенных проблем и противоречий международных отношений в регионе, где главным актором выступает КНР. Не случайно все пять точек потенциальной опасности, связанной с возникновением мирового военного конфликта, о которых говорят шведские конфликтологи (Уппсальский университет) расположены в непосредственной близости от китайской границы и, так или иначе, затрагивают интересы Китая, и АТР в целом:

1. Корейский полуостров. Очевидно, что сейчас «Корейский вопрос» нагнетается Вашингтоном не из идеологических, а из практических целей – ослабить Китай, а заодно и ослабить таких экономических конкурентов как Республика Корея и Япония (именно на них придется удар КНДР в случае начала войны). Китай не сможет остаться в стороне от конфликта, разворачивающегося прямо на его границе. Для идеологического оправдания США будут опять эксплуатировать миф о борьбе с жестоким диктатором Ким Чен Ыном, а в случае «пушечного мяса» могут использовать вооруженные силы многочисленных союзников, например – той же Республики Корея и Японии

2. Южно-Китайское море. Как известно, в последние годы (и это особенно заметно стало при руководстве Си Цзиньпина) Китай все более активно стремится к установлению полной гегемонии в Южно-Китайском море, подчеркивая свои исключительные

исторические права. Расширение влияния на Южно-Китайское море – стратегическая цель Китая, которая прекрасно укладывается в планы Пекина по дальнейшему продвижению на Восток – до американских владений в Тихом океане и на Запад – до восточного побережья Африки. Китай претендует на контроль в зоне, где проходит 40% мирового морского грузопотока. Естественно, что это обстоятельство не может не беспокоить ближайших соседей Китая. Япония, Республика Корея, Тайвань, Вьетнам – вот те государства, которые в наибольшей степени могут пострадать от гегемонистских планов КНР. Интересно, что Вьетнам даже готов заручиться поддержкой принесших столько зла вьетнамскому народу Соединенных Штатов, только бы не допустить помех развитию своей экономики.

3. Архипелаг Спратли. Архипелаг Спратли и Парасельские острова в Юго-Восточной Азии – еще одна «головная боль» современного мира. Китай также претендует на эти острова, считая их своей территорией. Крошечный архипелаг Спратли обладает большим стратегическим значением, что и объясняет территориальные претензии сразу шести государств — Вьетнама, Китая, Тайваня, Малайзии, Филиппин и Брунея. На 45 островах присутствуют небольшие военные контингенты Вьетнама, КНР, Тайваня, Малайзии и Филиппин, тогда как Бруней, очевидно понимая бесперспективность своих претензий, ограничивается лишь рыбной ловлей на южном рифе. В 1988 году корабли ВМС Китая и Вьетнама уже вступали в сражение у островов Спратли, однако затем конфликт был «потушен». Сейчас он разгорается вновь – и не без заинтересованности со стороны Вашингтона, рассчитывающего ослабить Китай и другие азиатские государства.

4. Индо-китайская граница. Отношения между Китаем и Индией всегда были напряженными. Наличие прямой границы между двумя державами лишь осложняет ситуацию. Индия традиционно заступалась за тибетских буддистов, стремилась не пустить Китай в Непал и Бутан, а КНР оказывала поддержку традиционному заклятому врагу Индии – Пакистану. Не без участия Пекина десятилетиями действуют вооруженные повстанческие группировки маоистов в целом ряде индийских штатов и, в первую очередь, на севере и северо-востоке Индии. Китай, разумеется, контролирует и непальских маоистов. У Индии есть свои претензии к Китаю, а главное – стремление также серьезно изменить свое положение в мировой политике. Это обстоятельство и будут использовать США, которые уже демонстрируют всяческую поддержку Дели. Для столкновения с Китаем Индия подходит идеально – у нее практически сопоставимые человеческие ресурсы, но в экономическом плане конкуренцию США Индия пока составлять не может. Конфликт может начаться из-за Силигури – «Куриного горлышка», узенькой прослойки земли на стыке границ Индии, Китая и Бутана. В июне 2017 г. КНР начала строить дорогу

на плато Доклам через спорную территорию, на которую претендуют и Китай, и Бутан. Естественно, Бутан обратился за покровительством к Индии

5. Граница Индии и Пакистана. Пакистан – страна с огромной численностью населения и сильной армией, но со слабой экономикой. С конца 1940-х гг. Пакистан находится в ситуации перманентного конфликта с Индией, который уже несколько раз перерастал в индо-пакистанские войны. При этом долгое время Пакистан оставался важным и надежным союзником США в Южной Азии. Однако традиционно развиты и китайско-пакистанские связи. Провокация конфликта между Индией и Пакистаном также может быть выгодна Соединенным Штатам для того, чтобы ослабить соседний Китай. Игнорировать войну между двумя крупнейшими соседними странами Китай не сможет, тем более, что за индо-пакистанской границей США постараются разжечь пожар и в нестабильном Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, где проживает многочисленное мусульманское население, этнически и культурно связанное не с Китаем, а со среднеазиатским регионом [54].

Возможность существенного ухудшения взаимоотношений Китая с региональными игроками в целом оценивается экспертами как незначительная. «Пессимистические ожидания в наибольшей и почти равной степени связаны с возможным охлаждением отношений между КНР и США и КНР и КНДР. Что связано с кризисом вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы»[50]. «Позиция Северной Кореи вызывает растущее недовольство Китая... В первую очередь это связано с тем, что очевидный вклад КНДР в рост региональной напряженности увеличивает региональную опасность дезорганизации экономических взаимодействий в регионе, создавая дополнительные препятствия для поддержания экономического роста Китая как одной из главных целей его нынешнего руководства. Этот также ставит Китай в неудобное положение в отношениях с США, конкурировать с которыми он предпочитает экономически, политически и идеологически, избегая, однако, при этом открытых столкновений и конфликтов. Наконец, напряженность, связанная с Корейским полуостровом, создает реальную угрозу... приграничным с КНДР территориям Китая в связи с растущей вероятностью её перерастания в открытое столкновение с использованием (сознательным и/или непреднамеренным) ядерного оружия» [50].

Кроме того, полагают эксперты, «существует, хотя и на более низком уровне, вероятность некоторого ухудшения отношений Китая с Японией. Что касается взаимоотношений Китая и Южной Кореи, которые в последние годы демонстрируют очевидный прогресс, то в ближайшем будущем с почти равной вероятностью они могут как укрепиться, так и ухудшиться» [50].

Итак, Китай, выступая за экономическую экспансию, тем не менее, в 2018 году проводит очевидную политику милитаризации, охватившую и экономическую и военную сферы. Усугубляет ситуации. Наличие комплекса потенциально конфликтных ситуаций с рядом стран региона. США выступают главным конкурентом КНР в АТР, несомненный взаимный интерес нормализации китайско-американских отношений осложняется наличием множества крупных и мелких противоречий между двумя странами: проблемой Тайваня, морскими спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, торгово-экономическими войнами, статусным соперничеством.

2.2. Динамика процессов милитаризации в Японии на 2018 год

На сегодняшний день Япония наращивает свой военный потенциал. Так, если брать в сравнение 2009 и 2018 год, то количество военнослужащих осталось в районе 250.000 человек личного состава [79, 20], но был увеличен призывной возраст [86]. По состоянию на 2018 год японские вооружённые силы (Силы самообороны Японии) насчитывают свыше 247 тыс. человек. В пехотных частях служат 158,9 тыс. (включая 8 тыс. резервистов) человек, в Военно-воздушных силах – 46,9 тыс., на флоте – 45,3 тыс. [20].

Период нахождения у власти администрации премьер-министра Синдзо Абэ отмечается ежегодным ростом военных расходов. При этом необходимо иметь в виду, что законодательно Япония не может тратить на военные нужды более 1 % ВВП, а потенциал роста этого главного экономического показателя крайне незначителен [13]. Тем не менее, в 2017 г. по оценкам агентства Reuters Япония повысила расходы на оборону на 1,4 %, сформировав таким образом рекордный бюджет для военных нужд - 43,66 млрд. долларов. Столь больших затрат на эти цели Япония не несла за всю послевоенную историю [8]. На эти деньги планировалось усилить защиту цепи островов Рюкю в Восточно-Китайском море, тянущуюся на 1400 километров к юго-западу от Кюсю и до Тайваня, в частности – за счет переброски туда части Сил самообороны, размещенных в настоящее время на острове Хоккайдо на севере Японии в непосредственной близости к российской морской границе. Также предполагалось создание большего числа мобильных воинских подразделений Сил самообороны, включая авиацию, например американские военные самолеты нового поколения F-35, передвижные ракетные батареи, оснащенные транспортными средствами-амфибиями десантные части, эскадры ВМС. В частности, для защиты островов в настоящее время в Японии создается подразделение морской пехоты, которому США должны быть переданы 11 штурмовых машин-амфибий и четыре конвертоплана Osprey. Как амфибии, так и конвертопланы - американского производства.

Вместе с этим Япония намерена уменьшить количество танков, которые, согласно новой военной доктрине Токио, признаны не самым эффективным средством обороны. Еще одна задача японской стороны - усиление системы ПРО в ответ на расширение баллистической программы КНДР, о котором заявляет Пхеньян [87].

В 2018 году выросло количество денежных вливаний в Силы Самообороны Японии. Бюджет Министерства обороны Японии на 2018 год на 2,5% превысил бюджет на 2017 год и составил ¥5,25 трлн. (\$48,6 млрд.) [87]. С запросом на такую сумму японское оборонное ведомство обратилось в правительство страны. Об этом сообщает Reuters со ссылкой на соответствующий запрос. Увеличение военных расходов было обосновано обострением ситуации на Корейском полуострове и возросшей активностью в районе спорных островов Дяоюйдао (по-японски — Сенкаку) [8]. Оценка параметров бюджета Японии проходила на фоне ракетных запусков КНДР. Руководитель Северной Кореи Ким Чен Ын пообещал сделать испытания оружия более частыми, а запуск ракеты 29 августа – тогда снаряд перелетел через японский остров Хоккайдо – назвал «прелюдией» к обстрелу американской военной базы на острове Гуам [8]. Тем не менее, Министерство обороны, в 2018 году увеличило свой бюджет лишь до 4,94 трлн. иен (\$44,6 млрд.). Связано это с тем, что министерство собирается закупить сто самолетов F-35A, четыре конвертоплана Osprey. Часть средств должно было пойти на строительство новой японской подводной лодки. Кроме этого ведомство запросило ¥19,6 млрд (около \$178 млн) для разработки новых радиолокационных технологий, которые будут отслеживать самолеты-невидимки противника. На приобретение ракет противоракетной обороны с улучшенными характеристиками типа SM-3 Block 2A и PAC-3 MSE министерство просит выделить ¥67,7 млрд (\$1,52 млрд). В смету закупок входят патрульных самолета раннего предупреждения E-2D Hawkeye, построенных компанией Northrop Grumman. Японское оборонное ведомство также просит выделить ему ¥10 млрд (около \$90,5 млн) на исследования для создания средств поражения большой дальности. ¥7,7 млрд (\$69,7 млн) — на исследования по созданию новых противокорабельных ракет; ¥10,7 млрд (\$96,8 млн) — на модернизацию системы оперативного управления объектами ПВО. В 2018 году Минобороны Японии планировало также разместить наземные варианты американской системы ПРО Aegis. Однако запрашиваемая на это сумма не приводится. В 2017 году ПРО Японии обеспечивали корабли с американской системой Aegis вооруженными ракетами заатмосферного перехвата SM-3. Страна также располагала установками PAC-3 для поражения ракет в пределах атмосферы [8].

По оценкам аналитиков, в 2019 году расходы на вооружённые силы Японии могут достичь рекордного объёма за всю послевоенную историю этого государства. Как

сообщает агентство Kyodo, Минобороны страны запросило у правительства 5,29 трлн. иен (\$47,7 млрд.). Если этот бюджет будет одобрен, он станет рекордным за последние 70 лет. Рост расходов на вооружённые силы связан, в том числе, с планами по закупке американского оружия. По мнению экспертов, Япония всё больше вкладывается в армию, чтобы иметь возможность противостоять Китаю и КНДР. Рост расходов Минобороны Японии объяснило необходимостью приобретения у американских корпораций Raytheon и Lockheed Martin двух противоракетных комплексов Aegis Ashore за 250 млрд. иен (\$2,26 млрд.). Причём изначально японцы планировали потратить на каждую систему около 80 млрд. иен (\$720 млн.), но в итоге решили дополнительно закупить два мощных радара [20]. В 2023 году американские Aegis Ashore будут размещены в префектурах Акита (север страны) и Ямагути (юго-запад). В 2019 году на нужды ПРО Минобороны Японии рассчитывает потратить 424 млрд. иен (\$3,83 млрд.). В 2018 году на обеспечение противоракетной обороны было направлено 180 млрд. иен (\$1,62 млрд.) [20].

Поставка Aegis Ashore вызывает беспокойство в Москве и Пекине. Как неоднократно заявляли российские официальные лица, установки противоракетных комплексов могут использоваться и для пуска крылатых ракет семейства «Томагавк». Обсуждение этого вопроса стало центральной темой на прошедшей 31 июля 2018 года встрече глав внешнеполитических и оборонных ведомств Российской Федерации и Японии в формате «2+2». Министр обороны Японии Ицунори Онодэра заверил российских коллег, что Aegis Ashore не представляют угрозу безопасности России. Японские власти обосновывают приобретение американских систем необходимостью защиты от непредсказуемого поведения КНДР. Токио неоднократно выражал протест из-за пусков северокорейских баллистических ракет. Однако в 2018 году обстановка на Корейском полуострове заметно улучшилась. В апреле председатель Госсовета КНДР Ким Чен Ын провёл встречу с южнокорейским лидером Мун Чжэ Ином, а в июне — с президентом США Дональдом Трампом. Пхеньян согласился на денуклеаризацию и ликвидировал ядерный полигон. После встречи глава Белого дома заявил, что теперь КНДР не представляет ядерной угрозы. Аналитики предполагают, что Токио продолжает разыгрывать «северокорейскую карту». По его словам, Минобороны спекулирует на сохраняющихся страхах угрозы со стороны КНДР, чтобы увеличить военный бюджет и закупки оружия [20].

Таким образом, Япония проводит перевооружение армии и увеличение военно-технического потенциала преимущественно связанных с ВВС и ВМС. Такое наращивание военного потенциала, связано с рядом факторов. Первым, и самым главным, можно считать, это полноценный запуск собственной ядерной

программы Северной Кореи и успешное испытание баллистических ракет, которые смогли достичь и упасть в акватории японского моря, в непосредственной близости от береговой линии и зоне исключительного экономического влияния Японии.

В 2015 году в парламент Японии был внесено предложение о пересмотре 9 статьи Конституции, в 2017 году вновь был поднят этот вопрос, который был отложен до 2020 года. В это же время Силам Самообороны Японии было разрешено проводить военные операции за границей страны, если они были оправданы защитой государства, а не являются формой агрессии [89]. Теперь Япония сможет предоставлять материально-техническое обеспечение Южной Кореи в случае нападения на нее КНДР, хотя, по словам Абэ, непосредственная отправка японских войск в Корею будет считаться нарушением Конституции. Япония будет иметь право сбивать северокорейские ракеты, направляющиеся в США. Сейчас для этого обязательно наличие прямой угрозы Японии. Считается, что КНДР сможет поражать цели на материковой части США через несколько лет. Военные действия с целью защиты морских путей сообщения, например траление мин, даже в зоне активного конфликта могут быть разрешены только если ограничения на проход судов представляют угрозу существованию Японии. Также станет возможным военное вмешательство в случае операций по освобождению заложников. В январе 2013 года 11 японских заложников погибли на газовом месторождении Ин-Аменас в Алжире. Региональные ограничения на японскую военную поддержку для США и других иностранных вооруженных сил также будут отменены [89].

С 2015 г., по оценкам экспертов, «Япония получила легальную возможность оказывать военно-техническую помощь Республике Корея в случае нападения со стороны КНДР, сбивать северокорейские ракеты, которые направляются на США (до принятия закона японская ПРО могла сбивать ракеты только в том случае, если они были бы направлены собственно на Японию), участвовать в операциях по освобождению заложников — японских граждан за пределами страны, оказывать и пользоваться неограниченной военной поддержкой со стороны США и других союзников, вести боевые действия для защиты морских путей сообщения. Теперь же, насколько можно судить по словам министра обороны Инада, "силы самообороны" должны получить право наносить удары по "базам противника" по самостоятельному решению Токио. Министр подчеркнула, что вопрос о наделении сил самообороны возможностью нанесения удара по базам противника до того, как будет осуществлен ракетный пуск, не рассматривается.

Итак, Япония готовится отменить ограничения, "на вечные времена" предписывающие ей отказаться от права ведения войны [88].

Говоря о милитаризации Японии, эксперты отмечают: «Одним словом, в Северо-Восточной Азии начинается местная гонка вооружений. А значит, России следует очень серьезно и ответственно отнестись к проблемам обеспечения своей безопасности здесь. О том, что такое японская армия и каким разрушительным потенциалом обладают конфликты, тлеющие здесь со времен войны, мы знаем не понаслышке» [88].

Проблемы взаимоотношений с двумя региональными соседями – КНР и КНДР – являются на сегодня основными для японской дипломатии, толкая японское руководство зачастую на весьма противоречивые действия [35]. Процессы милитаризации, происходящие к 2018 году становятся очевидными и осложняют отношения в регионе. Так, с одной стороны, в 2018 году между Японией и Китаем наметился процесс улучшения отношений, серьезно пострадавших в период 2012–2016 годов из-за обострения территориального спора вокруг островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) [33]. Наметившемуся потеплению японо-китайских отношений в немалой степени поспособствовала политика президента США Д. Трампа, который усиленно приближает полномасштабную торговую войну против Пекина и оказывает существенное давление на Токио с целью создания двусторонней зоны свободной торговли [33]. Торговая война Д. Трампа толкает Китай и Японию друг к другу. Несмотря на весь груз исторических обид и претензий, стороны делают ставку на развитие экономических отношений.

Вместе с тем, последовавшее после визита объявление Японией о начале в 2018 году строительства на острове Исигаки, лежащем в непосредственной близости к спорным островам Сэнкаку, военного гарнизона Сил самообороны на 500–600 человек личного состава и размещения там ракетной батареи показывает, что, несмотря на попытки улучшения отношений, у сторон остается много нерешенных вопросов. Аналогичную инфраструктуру планируют развернуть весной 2019 года на соседнем острове Мияко [33].

В 2016 году размещение Японией радиолокационной станции на острове Ёнагуни уже вызывало негативную реакцию Китая. Решение о дислокации радиолокационной станции было принято еще в 2014 году в разгар охлаждения двусторонних отношений. Нынешний противоречивый шаг на фоне заверений о дружбе с Пекином демонстрирует, что Токио боится упустить ситуацию вокруг Сэнкаку из-под контроля в результате, к примеру, гибридных действий Китая. Концепцию «серых зон» (не прямой войны, но и не мира), появившуюся в японском политическом планировании именно применительно к ситуации в Восточно-Китайском море, японское руководство продолжает активно применять на практике [33].

Угроза со стороны КНДР является традиционным оправданием развития японской оборонной программы, позволяет укреплять отношения с США и Республикой Корея. [35]. Однако, подобные дипломатические манёвры Токио приводят ко всё большему расхождению позиций Японии и Южной Кореи – двух главных союзников США в АТР. Опасаясь раскола в треугольнике США–Япония–Республика Корея, С. Абэ на встрече с южнокорейским президентом Мун Чже Ином просил возобновить после окончания Олимпиады отложенные военно-морские учения с американскими военными, но не получил желаемого ответа. Проведение американо-южнокорейских учений неминуемо приведёт к очередному витку эскалации конфликта в регионе. Кроме того, эти учения могут косвенно повлиять и на отношения Сеула и Пекина, которые были и без того серьёзно испорчены из-за размещения на южнокорейской территории комплексов ТНААД американской системы ПРО и немного потеплели лишь в последнее время [35].

Ставка Японии на укрепление военно-политического союза с США и активное участие в развитии концепции Индо-Тихоокеанского региона, с одной стороны, как указывается на официальном уровне, призвано обеспечить защиту страны от северокорейской угрозы. С другой же стороны, фактически все последние региональные инициативы Токио и Вашингтона направлены на формирование коалиции по сдерживанию политических и экономических амбиций Китая [35].

Руководство Японии в настоящее время осуществляет курс, который можно охарактеризовать как военно-политическое усиление, основанное на развитии союзнических связей с США с одновременным повышением собственного потенциала. По мнению представителя Министерства обороны Австралии Д. Хэя, в ближайшее время Токио не откажется от альянса с Вашингтоном по нескольким причинам. Во-первых, США способны предоставить Японии большую степень безопасности, что высвобождает необходимые средства на развитие национальной экономики. Во-вторых, Токио не обладает возможностями умирения и сдерживания Пхеньяна, ядерное оружие которого потенциально способно поразить цели на японских островах. В-третьих, поддержка США помогает Японии развивать отношения со странами Восточной Азии [13].

При этом, налицо - движение к постепенному повышению собственных военных возможностей Японии, а также принятие новой национальной Конституции. Однако этот курс не означает прекращения союзных отношений с США. Японская "Белая книга" по вопросам обороны 2013 года называет японо-американские отношения "наиболее важными во всём мире". Однако, несмотря на длительную историю взаимоотношений, по большому счёту говорить о формировании полноценного альянса можно только после совместного коммюнике Д. Коидзуми и Дж. Буша от февраля 2002 г., впервые

обозначившего возможность действий Сил самообороны вдали от национальной территории. Эксперты отмечают, что детального описания процедуры по оказанию друг другу военной помощи, совместного реагирования на угрозы, а также предотвращения конфликтов Токио и Вашингтон не выработали до сих пор [13].

В июле 2014 г. кабинет С. Абэ заявил о новой интерпретации принципа коллективной самообороны. Согласно принятому решению, Токио оставляет за собой право оказать военную помощь какой-либо стране в следующих случаях:

- вооружённого нападения на государство, находящееся в "близких" отношениях с Японией, создавшего ситуацию, представляющую угрозу для национальной безопасности;
- истощения всех иных средств отражения нападения в целях обеспечения безопасности японских подданных;
- неизбежности минимального применения силы.

Фактически японские ССО, помимо логистических миссий, могут выполнять задачи боевого охранения американских подразделений и кораблей, разминирования территорий и акваторий [13].

Среди препятствий для расширения японо-американского партнёрства до уровня полноценного военно-политического альянса эксперты называют несколько: Во-первых, ограничения, которые накладываются ст. 9 Конституции страны. Несмотря на расширенные толкования, полноценных вооружённых сил страна иметь не может до полного изменения текста. Имеются планы кабинета С. Абэ представить новую редакцию к 2020 г., однако общественная поддержка данному проекту не гарантирована. Во-вторых, Япония испытывает определённые финансовые трудности, что затрудняет увеличение оборонного бюджета. В-третьих, в японском обществе идут бурные дискуссии относительно того, насколько далеко следует заходить Токио в военно-политических вопросах. Сторонников "мирного курса", основанного на действующей Конституции, по-прежнему большинство. В-четвёртых, "ремилитаризация" Японии негативно воспринимается Китаем, РК и странами АСЕАН, что негативно сказывается на торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве с ними [13].

К факторам сохранения тесных американо-японских связей в военной сфере прежде всего стоит отнести так называемое расширенное сдерживание (*extended deterrence*) – концепцию, согласно которой силы самообороны Японии, даже имея ограниченный потенциал, способны выполнять функции сдерживания агрессии не только в адрес Японии, но и американской военной инфраструктуры со стороны потенциальных противников. Часть этой стратегии – "ядерный зонтик", существующий в виде позитивных гарантий США о применении ядерного оружия против любого противника в

ответ на нападение на Японию даже с использованием обычных вооружений. Вашингтон в одностороннем порядке заявлял, что не применит ядерного оружия против государств, не обладающих им согласно Договору о нераспространении 1968 г., однако это не относится, например, к РФ, КНР и КНДР. Вторым элементом "расширенного сдерживания" – совместная американо-японская программа противоракетной обороны, фактически осуществляемая с 1980-х гг. В настоящее время Силы самообороны Японии обладают 17 комплексами Patriot PAC-3, имеющими возможности перехвата баллистических целей над защищаемым объектом, а также шестью ЭМ УРО с МСУО "Иджис", оснащёнными противоракетами "Стандарт-3" мод. 1А. Некоторое количество Patriot на территории Японии также находятся в ведении ВС США, противоракеты имеются и на американских кораблях, базирующихся в Японии, в стране для нужд ПРО развёрнуты два радара. Третий элемент "расширенного сдерживания" – ударное оружие в виде крылатых и баллистических ракет – Японии в настоящее время недоступен.

Вторым фактором сохранения американо-японского альянса в ближайшем будущем – налаженная система военно-технического сотрудничества. Силы самообороны оснащены преимущественно американским оружием, в том числе произведённым японскими компаниями самостоятельно. Боевые системы национальной разработки также имеют "американские корни" в целях упрощения производства и сохранения оперативного взаимодействия в возможных совместных миссиях. В последние годы Токио заключил контракты на приобретение 42 тактических истребителей F-35 на 10 млрд. дол., 3 стратегических БПЛА "Глобал хок" (1,2 млрд), 17 транспортных конвертопланов "Оспри" (3 млрд.), 3 самолётов-заправщиков "Пегас" (518 млн.), 4 самолётов ДРЛО "Хокай" (1,7 млрд.), а также модернизацию двух систем "Иджис" на японских эсминцах (1,5 млрд. дол.). Японское оборонное ведомство уже выразило заинтересованность в целях защиты от возможного ракетного нападения приобрести и развернуть на японской территории системы ПРО THAAD и "Береговой Иджис" (Aegis Ashore) [13].

Японский рынок вооружений практически закрыт для других государств – все позиции перекрываются американскими поставками или системами национальной разработки, поэтому использование инструментов военно-технического сотрудничества другими странами чрезвычайно затруднено. Расходы на содержание американской военной и прочей инфраструктуры на территории Японии в настоящее время достигают 2,1 млрд. дол. в год, и политическое руководство страны в обозримой перспективе будет изыскивать возможности для поддержания данного уровня [13].

Отношения Японии, которую аналитики относят, наряду с Китаем, к «умеренным» государствам региона, с государствами Северо-Восточной Азии, несмотря на наличие у

ней практически со всеми неразрешенных споров, характеризовались к 2018 году умеренными показателями напряженности за исключением отношений с КНДР, уровень напряженности которых достигал довольно высокого уровня. Данное обстоятельство эксперты объясняют тем что ракетные пуски КНДР в ходе которых северокорейские ракеты не только падали в территориальных водах Японии, но и пролетали над её территорией со всей очевидностью продемонстрировали растущую с каждым новым таким испытанием уязвимость страны. Не удивительно, что Япония в 2017 году не только безоговорочно заняла сторону США, усиливающих давление на Северную Корею, но и обеспокоилась повышением собственной обороноспособности» [50].

На заметном уровне сохранялась и напряженность во взаимоотношениях с Китаем «несколько отступившая в условиях обострения ситуации на Корейском полуострове». Здесь наиболее острой проблемой в отношениях остается спор по поводу о. Сенкаку (Дяюйдао) в Восточно-Китайском море. С начала 2017 года правительство Японии совместно с различными оборонными структурами приступило к рассмотрению различных методик обороны спорного архипелага в случае развития силового варианта разрешения спорного вопроса. Япония получила поддержку в этом вопросе из уст государственного секретаря Р. Тиллерсона, который подтвердил намерения США выполнять обязательства по защите Японии, в том числе и части оспариваемых Китаем островов архипелага Сенкаку. В июне 2017 года МИД Японии выступил с очередным протестом в связи с появлением около спорных островов кораблей под флагом КНР [50].

Аналогичные противоречия осложняют отношения Японии с Россией и Республикой Корея. В первом случае камнем преткновения остаются Курильские острова, по поводу которых между сторонами ведется продолжительная вялотекущая дискуссия. В случае с Южной Кореей, некторая напряженность, несмотря на объединяющую северокорейскую угрозу, сохраняется из-за спора по поводу островов Токто (Такэсима). По информации министра иностранных дел Японии Таро Коно, в октябре Токио вновь направил Сеулу протест в связи с планами южнокорейского правительства создать военный отряд для защиты спорных островов.

На минимальном уровне в 2017 году находилась напряженность в двусторонних отношениях между Японией и США. Две страны демонстрировали устойчивую солидарность в подходе к решению проблемы ракетных испытаний Северной Кореи. Более того, Япония, как сообщил министр обороны страны Исунори Онодэра, готова взять на себя яответственность за перехват северокорейских ракет в случае нанесения удара по американскому о. Гуам. [50]

Взаимоотношения Японии с региональными соседями в Северо-Восточной Азии, как полагает большинство экспертов, «отличает достаточно высокий уровень устойчивости и стабильности». Перспективы улучшения отношений между Японией и КНДР оцениваются экспертами как практически отсутствующие. Более вероятным сценарием им кажется дальнейшая деградация японско-северокорейских отношений. Сравнительно высокая оценка вероятности осложнения отношений в паре Япония-КНР. Очевидные экономические достижения Китая являются фундаментом его претензий на геополитическое доминирование в Восточной Азии, создавая очевидный вызов традиционному влиянию слабеющей Японии. В рамках возможных сценариев развития отношений между Японией и Россией, наиболее вероятным является их сохранение в неизменном виде[50].

Итак, процессы ремилитаризации, происходящие в Японии на сегодняшний день имеют два аспекта – тенденцию усиления Сил самообороны (Япония проводит перевооружение армии и увеличение военно-технического потенциала преимущественно связанных с ВВС и ВМС) и военно-стратегическое партнерство и включенность Японии в процессы милитаризации присутствия США в регионе. Главным внешним фактором, позволившим Японии оправдывать милитаризацию, стал запуск собственной ядерной программы Северной Кореей и успешное испытание баллистических ракет, которые смогли достичь и упасть в акватории Японского моря, в непосредственной близости от береговой линии и зоне исключительного экономического влияния Японии. Обостряет ситуацию наличие ряда потенциально конфликтных ситуаций у Японии с Китаем, Российской Федерацией и Южной Кореей.

2.3. Динамика процессов милитаризации в Республике Корея на 2018 год

Процессы милитаризации, происходящие на сегодняшний день в Южной Корее в значительной степени предопределены особенностями новейшей истории Корейского полуострова. Прежде всего, меньшая милитаризация Южной Кореи в сравнении с Северной предопределена наличием войск США на её территории после окончания войны (советские и китайские части покинули КНДР еще в 1950-х гг.), что значительно упрощало и удешевляло обеспечение военной безопасности страны. Одновременно, неуправляемость и непредсказуемость руководства КНДР для союзников стала той причиной, из-за которой КНДР не получала ни от Китая, ни от СССР достаточной военно-технической помощи для обеспечения гарантированного военного превосходства над Югом. В свою очередь, и США, и СССР своими поставками относительно современного

вооружения обеим сторонам поддерживали определенный паритет на полуострове, не допуская возникновения перевеса в пользу одной из сторон. Эта ситуация продолжалась до конца 1980-х гг.

Ситуация изменилась в начале 1990-х годов, с крушением биполярной модели мира. Пхеньян оказался в условиях экономической катастрофы после распада СССР и серии стихийных бедствий, Сеул же очутился в условиях «почти победителя» в традиционной борьбе двух Корей. За последние 20 лет в Южной Корее были созданы первоклассные вооруженные силы, которые в состоянии успешно противостоять армии практически любого государства. Практически по всем показателям вооруженные силы данной страны входят сегодня в десятку сильнейших армий мира, особенно с учетом очень высокого уровня боевой подготовки. Также вооруженные силы имеют крепкий тыл в виде мощной производственной базы. Сегодня в производстве находится огромное количество современных видов вооружений и боевой техники, которая находится на очень высоком уровне развития. Это и баллистические и крылатые ракеты «Хёнму», и танки K2, и БМП K21, и САУ K9, а также учебно-боевые реактивные самолеты Т-50, и боевые корабли различных классов. Совместно с Российской Федерацией ведется создание корейской ЗРС большой дальности.

Несмотря на это, к началу XXI века РК так и не обеспечила себе тотальное военное превосходство на полуострове. По оценкам экспертов, это объясняется тем, что с одной стороны, в 1990-х гг. сказывалось ошибочное ожидание руководством РК скорой гибели КНДР под грузом внутренних проблем. С другой стороны, конец 1990-х - начало 2000-х гг. - это и попытки проведения политики «мирного сосуществования» с продолжающейся ставкой на военную мощь США как союзника, что было связано с тем, что по прошествии десятилетий вопрос об объединении двух Корей потерял свою остроту, в эти годы всем окончательно стало ясно, что объединение как мирным, так и силовым путем для Южной Кореи - это новые расходы и теперь уже внутренние социальные проблемы [67]. К началу второго десятилетия XXI века серия инцидентов, связанных с очевидной неспособностью США и мирового сообщества остановить военную ядерную программу КНДР и на этом фоне – демонстрация недостаточной боеготовности Южной Кореи, привели к смене стратегии развития военного потенциала страны. Именно в последние годы сложился комплекс факторов, создающий, как и соответствующую мотивацию в Южной Корее, так и возможности по успешной реализации стратегии достижения тотального военного превосходства над КНДР

К этому времени РК осознала, что наличие относительно большего количества современного оружия оказалось легко компенсируемым при помощи ядерного оружия, а

также целого ряда асимметричных ходов (фортификация, маскировка, ставка на баллистические ракеты и т.п.). Выяснилось также, что если Север может нанести достаточно разрушительный первый или ответный удар по гражданскому населению Юга, то в общем уже не столь важно насколько КНДР формально уступает в целом и способна ли победить в войне. В этой ситуации просто иметь более сильную армию недостаточно. Требуется создание иного и по численности, и по составу набора силовых инструментов: новые системы ПВО и ПРО, технической разведки, высокоточное оружие, робототехника и т.д. Эти проблемы усугубляются еще тем, долгие годы полное перевооружение армии РК затягивалось и откладывалось по причинам экономии финансовых средств, поэтому назрела необходимость её перевооружения. Аналогичная ситуация, конечно же, характерна и для КНДР, и даже в большей степени. Впрочем, в отличие от периода «холодной» войны, у Южной Кореи уже накоплен достаточный финансовый потенциал, развитая гражданская промышленность, а также создан достаточно мощный военно-промышленный комплекс. Программа перевооружения сейчас уже не только средство решения военно-политических задач, но и способ наращивания промышленного и технологического потенциала страны. Кроме того, немаловажным фактором, стимулирующим милитаризацию РК на сегодняшний день является и то, что не только на Корейском полуострове, но во всей Северо-Восточной Азии происходит стремительное наращивание военной мощи, особенно это касается Японии и Китая [67].

Наиболее очевидным, по мнению экспертов, стал процесс милитаризации ВМС Южной Кореи, которые уже сейчас значительно превосходят аналогичные структуры КНДР и могут легко потопить практически весь надводный флот КНДР без особых проблем. Единственными реальными козырями Севера в современных условиях остаются лишь морские силы командования специальных сил КНДР, и подводный флот [67]. Сегодня, по оценкам экспертов продолжается стремительное наращивание численности собственного подводного флота РК: на вооружении уже стоят 12 современных неатомных подлодок и их число постоянно растет. Одновременно проводится глубокая модернизация и просто противолодочных возможностей флота в целом: устанавливаются новые сонары, средства обработки сигналов, внедряется подводная робототехника и т.п. Ввиду приоритетности задач по защите морских коммуникаций, Республика Корея на сегодняшний день обладает мощным военно-морским флотом. В феврале 2016 г. на корейском острове Чеджу была открыта новая военно-морская база для 7-й оперативной флотилии ВМФ РК, которая предназначена для экспедиционных миссий. В планах Сеула продолжить строительство крупных надводных кораблей, включая эсминцы с многофункциональной системой управляемого оружия (МСУО) "Иджис", амфибийные

корабли, возможно лёгкий авианосец, а также современные подводные лодки, в том числе с ударным оружием [13].

Одновременно, меняются и подходы к применению ВМС Республики Корея в целом:

Во-первых, наращиваются «мобильные силы», находящиеся на постоянном боевом дежурстве и способные начать боевые действия сразу из состояния мирного времени без относительно длительной предварительной подготовки. Под их нужды планируется ввод в строй до 2020 г. трех новых военно-морских баз [67].

Во-вторых, флот к 2020 г. будет выполнять не только традиционные военно-морские задачи, но и задачи прикрытия территории страны от ударов авиации и баллистических ракет. Именно в рамках решения подобных задач (в первую очередь ПРО) развиваются возможности современных эсминцев.

В-третьих, подводные лодки с 2018 г. начнут получать дальнобойное высокоточное оружие. В качестве такового называются, например, ракеты с дальностью стрельбы до 500 км, что в условиях Корейского полуострова делает их стратегическим оружием. Это фундаментально изменит расстановку сил в регионе: Сеул получит принципиально новое ударное средство, способное быстро и без заметной предварительной подготовки атаковать цели на всей территории КНДР из прилегающих морей [67].

К 2020 г., помимо тотального превосходства над противником в формате «флот против флота», ВМС Сеула обретут и возможность действовать в формате «флот против берега». Раньше в вероятном конфликте эту роль планировалось целиком и полностью возлагать на плечи ВМС США. При этом ударные возможности значительно вырастут не только у ВМС, но и у ВВС, и сухопутных сил.

Самый главный военный аргумент КНДР – это ее ядерное оружие. Стратегия противодействия ВВС и Ракетным силам КНДР включает в себя два компонента: наступательный и оборонительный. Самый эффективный способ борьбы с носителями ядерного оружия – это их уничтожение еще до старта. Помимо появления на вооружении крылатых ракет морского и наземного базирования, способных в первом опережающем ударе поразить аэродромы и ракетные базы, идет постоянное улучшение возможностей военной авиации по выполнению аналогичных задач. При помощи подобных систем возможно быстрое и эффективное выведение из строя взлетно-посадочных полос авиабаз, рулежных дорожек из подземных укрытий, разрушение выездных ворот. Ракетные базы, несмотря на развитую фортификацию, тоже могут быть выведены из строя: дистанционным минированием кассетными боеприпасами наземных площадок, разрушением выездов на поверхность прямым попаданием в них. И это может быть

сделано уже в первые часы войны на всей территории КНДР. Для перехвата же уже взлетевших ракет и самолетов будут действовать два эшелона ПВО и ПРО. Помимо просто плотной сети наземных противовоздушных и противоракетных комплексов (развертывается быстрыми темпами в настоящее время), увеличатся возможности по использованию истребительной авиации [67].

С одной стороны: ВВС Юга уже сейчас получают на вооружение самолеты дальнего радиолокационного обнаружения, что создает возможность заметить взлетающие самолеты и ракеты противника своевременно и с запасом по времени. С другой, помимо абсолютного превосходства истребительной авиации Юга в бортовых радарх и традиционном вооружении, высока вероятность размещения еще до 2020 г. на самолетах противоракет (в настоящее время в США ведутся активные разработка и испытания таких ракет и обеспечивающих их применение систем для истребительной авиации). Это позволит атаковать взлетающие баллистические ракеты сразу из режима дежурства в воздухе. Таким образом, практически весь ударный потенциал ВВС и Ракетных сил КНДР сможет быть, так или иначе, нейтрализован, причем без неприемлемых потерь уже в 2020 г. [67].

Последние годы также демонстрируют появление эффективных средств борьбы против артиллерии технологически отсталого противника. В 2000-х гг. появились первые технологические решения задачи перехвата малогабаритных артиллерийских боеприпасов еще в воздухе. В случае внезапного артиллерийского удара со стороны КНДР такие системы перехватят лишь малую долю летящих снарядов, однако если первый удар будет наносить Сеул с его ожидаемыми ударными возможностями на 2020 г., то ответный артиллерийский удар будет уже довольно слабым, и такие системы как ныне существующие «Железный купол» или С-RAM вполне смогут его отразить при адекватной численности развернутых на позициях комплексов. Сейчас Южная Корея активно изучает израильский опыт применения подобных систем, а также отслеживает работы по созданию их нового, более дешевого и эффективного поколения в США [67].

По оценкам экспертов, на сегодняшний день главная задача РК – модернизация сухопутных сил, по их мнению, «нынешний паритет (с КНДР – Н.П.) закончится довольно скоро просто потому, что большую часть устаревшего парка наземных и авиационных вооружений Юг заменит новыми танками, бронемашинами, ударными вертолетами» и т.п. [67].

За последние десять лет Республика Корея подписала 39 двусторонних соглашений в сфере безопасности, из них 14 – с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона²³. Только в 2014 г. страна экспортировала продукции военного назначения на сумму 3,6

млрд дол., наиболее крупные контракты – постройка шести корветов для Королевских военно-морских сил Малайзии и поставка Филиппинам 12 лёгких истребителей [13]. FA-50. По данным баланса мировой торговли IHS, к 2020 г. южнокорейский военный экспорт превзойдёт китайский. Военные обмены и учения производятся в форматах "Кобра голд", РИМПАК (RIMPAC) и "СМОА плюс" (ADMM-Plus).

Большое влияние на динамику процессов милитаризации оказывают события, характеризующие развитие внешнеполитических и дипломатических отношений. На сегодняшний день администрация президента Республики Корея Мун Чжэ Ина уделяет большое внимание развитию межкорейского диалога и сотрудничества. По оценкам экспертов, Стратегия урегулирования ситуации на Корейском полуострове нового лидера Южной Кореи, пришедшего к власти в мае 2017 года, ...включала три основных направления действий. Во-первых, приложение вместе с международным сообществом максимума усилий по ужесточению санкций и давления в отношении КНДР для возвращения её за стол переговоров. Во-вторых, осуществление решительных шагов по укреплению своей обороноспособности. И, в-третьих, продолжение поисков фундаментального и всеобъемлющего решения северокорейской ядерной проблемы» [50]. В течение 2017 г. Южная Корея пыталась делать акцент на укрепление своей обороноспособности. «Усилия в этом направлении включали размещение... на территории страны американского противоракетного комплекса высотного заатмосферного перехвата ракет THAAD, увеличение числа совместных с США (и Японией) военных учений и маневров, испытание собственных баллистических ракет, интенсификацию разработки высокотехнологичных (электромагнитное оружие, графитовая бомба) вооружений» [50].

При этом руководство Южной Кореи демонстрирует очевидную готовность к сотрудничеству с руководством КНДР. 2018 год ознаменовался развитием межкорейского диалога. Президент РК Мун Чжэ Ина в 2017 году, в преддверии зимних олимпийских игр 2018 года в Сеуле объявил начало «новой северной политики», предусматривающей сочетание переговоров, сотрудничества и давления по отношению КНДР. Одним из позитивных итогов предолимпийской «оттепели» стал визит в РК высокопоставленной делегации во главе с председателем президиума Верховного Народного Собрания КНДР Ким Ён Намом. Представители КНДР приняли участие в церемонии открытия игр зимней Олимпиады в Пхёнчхане, посетили матч единой женской сборной по хоккею и встретили весьма тёплый приём в резиденции президента РК «Чхонвадэ», где провели переговоры с президентом страны Мун Чжэ Ином. Основным результатом этой встречи стало официальное приглашение Ким Чен Ына президенту Южной Кореи посетить Пхеньян,

переданное Ким Ё Чжон. Таким образом, перед лидерами двух стран впервые за много лет появилась перспектива проведения межкорейского саммита [36].

5 марта 2018 г. произошло историческое событие - в Пхеньян впервые за долгие годы прибыла делегация Республики Корея «во главе со спецпосланником президента страны, секретаря Совета национальной безопасности РК Чон Ый Ёном. В составе делегации были: директор Национальной службы разведки Со Хун, заместитель министра объединения страны Чхон Хэ Сон. Во время визита члены делегации встретились с главой КНДР Ким Чен Ыном» [37].

Осуществлять межкорейскую кооперацию в нынешних международных условиях непросто. Причиной этого остаётся жесткий санкционный режим, введенный СБ ООН в отношении КНДР и политика Вашингтона по сохранению давления на Пхеньян до его полного ядерного разоружения. Показательным примером может послужить ситуация с организацией работы межкорейского офиса связи в Кэсоне (КНДР) [38]. Решение об открытии офиса связи для оперативных консультаций по межкорейским вопросам содержится в Пханмунчжомской декларации, принятой 27 апреля 2018 года. С тех пор Севером и Югом велась активная организационная работа по подготовке офиса на территории Кэсонского промышленного комплекса. Финансовые затраты по запуску узла связи взяла на себя южнокорейская сторона. В августе 2018 года правительство РК одобрило выделение для этих целей 3 млн. 100 тысяч долларов из Фонда межкорейского сотрудничества [38].

Открытие пункта оперативной связи между Севером и Югом планировалось 23 августа. Но впоследствии дата его запуска была перенесена на месяц. Незадолго до предполагаемого дня его открытия, официальный представитель Госдепартамента США Х. Нойерт заявила о необходимости проверки этого проекта на предмет нарушения международных санкций. Электроэнергия, необходимая для работы офиса связи, поступает из РК. И это дало основание американской стороне утверждать о возможном нарушении рестрикций в отношении КНДР. Открытие офиса связи стало возможным только после южнокорейско-американских консультаций, где Сеул приложил немалые усилия, чтобы убедить Вашингтон, что организация данного стратегически важного канала связи не является нарушением санкционного режима в отношении Пхеньяна. После преодоления «политических капризов» Белого дома, 14 сентября в Кэсоне состоялась церемония открытия офиса связи между Севером и Югом [38]. Организация узла оперативной связи стало своего рода «подарком» Сеула, приуроченным к визиту президента РК Мун Чжэ Ина в Пхеньян (18-20 сентября). Такой шаг нельзя недооценивать, поскольку он обеспечивает сохранение межкорейского диалога. В этом

процесс РК демонстрирует свою заинтересованность в дальнейшей кооперации между КНДР и РК в условиях крайней ограниченности пространства для манёвра. Важно, что одной из целей «новой северной политики» Мун Чжэ Ина является закрепление роли Сеула в качестве посредника в американо-северокорейском диалоге по денуклеаризации полуострова. И в этом смысле значение открытого офиса является немалым. На Юге пока сохраняют уверенность, что развитие межкорейских отношений создает все условия для сохранения его посреднической роли в диалоге между США и КНДР [38].

Итак, новая администрация Мун Чжэ Инна осознала необходимость реставрации межкорейского диалога, так как проводимая ранее консерваторами линия по усилению экономического и военного давления на КНДР дала противоположные желаемым результаты. Однако, несмотря на положительную динамику, сегодня только КНДР представляет собой явную военную опасность для Республики Корея. Соответственно, вопросы милитаризации с повестки дня не снимаются. Даже не имея намерений атаковать Сеул, Пхеньян своими действиями по проведению ракетных и ядерных испытаний существенно дестабилизировал ситуацию в субрегионе, влияя на безопасность РК и нарастание американо-китайской конкуренции в Восточной Азии [13].

США в этой ситуации предлагает РК ряд путей по повышению своего авторитета в Восточной Азии и одновременному решению некоторых общих проблем. Во-первых, рекомендуется поддержать американскую позицию в арбитражах и прочих инстанциях по мирному решению споров. Главным образом это касается Южно-Китайского моря, где Китай продолжает игнорировать как принятое в 2016 г. третейское решение, так и Конвенцию ООН по морскому праву. РК могла бы непосредственно участвовать в выработке новых норм и принципов для мирного сосуществования стран Восточной Азии, в частности обязывающих соглашений по поведению на море и в воздухе в спорных районах. Во-вторых, ВМС РК могут быть задействованы в миссиях по обеспечению свободы навигации (FONOP) в Южно-Китайском море вместе с ВМС Индии, Австралии и МССО Японии. Кроме того, Сеулу стоит чаще участвовать в крупных военно-морских учениях в рамках Индо-Тихоокеанского региона. В-третьих, РК следует развивать многостороннее партнёрство со странами ЮВА, включая военно-техническое сотрудничество, военные обмены, совместные операции до уровня построения единой сетевой структуры, свободной от нежелательного (т.е. китайского) влияния. Американо-южнокорейский альянс не направлен против Китая, вместе с тем как часть системы "ступицы и спиц" он служит и для напоминания о том, что именно США остаются главным игроком в Северо-Восточной Азии, а также гарантом мира и стабильности²⁶. Подобное "широкое" толкование альянса не слишком распространено в южнокорейском

политическом истеблишменте в силу нежелания раздражать "великого соседа". Американские силы в Корее могут выполнять задачи за пределами полуострова в рамках концепции "стратегической гибкости" (strategic flexibility), включая ликвидацию последствий стихийных бедствий и гуманитарные миссии. Однако РК крайне чувствительна к любым предположениям о том, что американские военные могут с её территории участвовать, например, в очередном кризисе в Тайваньском проливе. Кроме того, американские военные объекты периодически оказываются в центре скандалов, связанных с охраной окружающей среды либо неуставным поведением военнослужащих, что усиливает споры в южнокорейском обществе относительно снижения роли ВС США в обеспечении безопасности страны [13].

Китай занимает значительное место во внешней политике Республики Корея как крупнейший торговый партнёр и единственный *de jure* союзник КНДР. В последние годы Сеул прилагал значительные усилия для развития комплексного партнёрства с Пекином, равно как и для поиска вариантов совместного решения северокорейской ракетно-ядерной проблемы. Одна из главных задач южнокорейского руководства – убедить китайскую элиту, что новая, единая Корея под эгидой РК будет гораздо более выгодным для Китая партнёром, а ситуация станет устойчивее, нежели существующий *status quo*. Сеул крайне осторожно критикует Пекин и воздерживается от замечаний относительно его гегемонистских устремлений в регионе. РК как союзник США фактически поддерживает их позицию относительно положения дел в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, но открыто её не высказывает [13].

По мнению экспертов, очевидно, что на этом фоне корейские политики готовы выделять больше средств на нужды национальной обороны, подразумевая финансирование независимых от США программ военного характера. Вашингтон пытается усилить нажим на новое южнокорейское руководство в целях увеличения объёмов закупок американской военной техники и вооружений, но постепенно уступает позиции европейским производителям. Нельзя исключать и закупок некоторых систем в Китае и России. По мнению американских военных экспертов, постепенное сокращение взаимодействия южнокорейских вооружённых сил с американскими войсками может привести к большей военной автономии РК, что затруднит проведение совместных операций.

Президент Мун Чжэ Ин и его сторонники возражают против дальнейшего развёртывания комплексов системы ПРО ТВД THAAD, делая ставку на Корейскую систему ПВО и ПРО (KAMD), а также собственное высокоточное ракетное оружие как элемент сдерживания КНДР. Голубой дом (администрация президента РК) не высказывает

готовности объединить собственную систему ПВО и ПРО с американо-японской архитектурой в Северо-Восточной Азии, поскольку она явно чрезмерна для сдерживания КНДР и направлена скорее против РФ и КНР, что не устраивает южнокорейские власти. Американские аналитики полагают, что в случае возобновления шестистороннего формата переговоров по северокорейской ракетно-ядерной проблеме Сеул будет более склоняться к позиции Пекина и, возможно, Москвы, нежели Вашингтона и Токио [13].

Эксперты относят Южную Корею к 2018 году к государствам-миротворцам региона, называя его «самым дружелюбным и бесконфликтным государством с минимальным общим средним уровнем напряженности в региональных взаимоотношениях..., несмотря на её непосредственную вовлеченность в «основной» конфликт» [50]. Экстремально высокий для неё уровень напряженности характеризовал взаимоотношения с КНДР, что связано с тем, что Северная Корея воспринимала РК в качестве второго по значимости, после США, оппонента и плацдарм для возможной агрессии против себя. Южная Корея в этом конфликте «выступает в качестве самого уязвимого участника, которому грозит наибольший ущерб в случае неблагоприятного развития ситуации» [50].

Отношения Южной Кореи и США, как и с Россией к 2018 году отличались минимальным уровнем напряженности [50]. Несколько более напряженными называют эксперты в этот период оставались отношения РК с Японией и Китаем, предполагая, что «в первом случае основными источниками напряженности оставались территориальные проблемы (спор по поводу о. Токто), хотя и отошедшие на второй план в условиях обострения общей угрозы со стороны КНДР, ...а также «исторический» вопрос.... В случае с КНР напряженность, вероятно, является отражением общего ухудшения в результате не вполне удачной международной политики бывшего руководителя Южной Кореи Пак Кын Хе. Ещё большее охлаждение отношений и масштабное сворачивание торгово-экономических взаимодействий вызвало развертывание на территории РК противоракетной системы ТНААД. Наконец, напряженность в отношениях между двумя странами усиливало мнение о предполагаемом нежелании КНР повлиять на северокорейское руководство с целью свертывания им ракетно-ядерной программы» [50].

Безусловно, самая болезненная и трудноразрешимая проблема в регионе для Южной Кореи – северокорейский вопрос: «сохранение северокорейского режима создаёт для неё реальную и трудно предотвращаемую военную угрозу... Объединение страны с этой точки зрения является не только средством радикального укрепления безопасности, но и возможностью преодоления национальной травмы» [50].

«Почти равной вероятностью негативных и позитивных перемен признают эксперты во взаимоотношениях Южной Кореи с Китаем... Возможность относительного

охлаждения присутствует в отношениях с основным союзником – Соединенными Штатами. Данное обстоятельство, вероятно, связано с возложением частичной ответственности за обострение кризисной ситуации на Корейском полуострове на администрацию Д. Трампа и отчасти вынужденной необходимостью размещения на своей территории американской системы противоракетной обороны. Однако, несмотря на некоторые трения, с большей долей вероятности эксперты ожидают укрепления отношений Южной Кореи с США, ценность которых повышается на фоне растущей угрозы с Севера. С аналогичной вероятностью, полагают эксперты, можно ожидать улучшения отношений Южной Кореи с Китаем и Японией... Наибольший потенциал развития отношений по сравнению с текущим уровнем, эксперты усматривают в двусторонних связях ЮК и России..., хотя и не с очень высокой вероятностью их радикального укрепления» [50].

В целом, несмотря на очевидные процессы милитаризации, по оценкам экспертов роль Республики Корея в регионе и мире значительна, прежде всего по так называемым мягким вопросам (soft agendas), таким как изменение климата, энергосберегающие и экологичные технологии, ликвидация последствий техногенных и природных катастроф. Безусловно ориентируясь на приоритетное сотрудничество с США в военной сфере, РК занимает крайне сдержанную позицию по основным вопросам региональной безопасности – спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. РК предпочитает не обострять ситуацию вокруг островов Токто/Такэсима (скалы Лианкур), а также чаще всего призывает к мирному решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы. Являясь первоочередным объектом потенциальной угрозы со стороны КНДР, РК демонстрирует готовность к невоенным способам решения вопросов.

2.4. Динамика процессов милитаризации в Северной Корее на 2018 год

Говоря о процессе милитаризации в Корейской Народной Демократической Республике важно понимать, что КНДР является одним из самых милитаризованных государств мира. Все семьдесят лет своего существования КНДР занималось укреплением обороны и развитием своих вооруженных сил. В начале двадцать первого века милитаризация Северной Кореи приобретает новую форму. Теперь главной целью Вооруженных Сил КНДР стало развитие ядерного потенциала и создание межконтинентальных баллистических ракет. Начало создания ядерного потенциала Северной Кореи было положено еще в середине 1950-х гг., однако агрессивный военный характер ядерная программа КНДР приобрела относительно недавно.

Первое испытание ядерного оружия в Северной Корее произошло в октябре 2006 года. Тогда многие эксперты предполагали, что это мог быть не ядерный взрыв, а взрыв нескольких сотен тонн тротила. Всего за 12 лет с момента первого испытания ядерного оружия Северная Корея провела 6 взрывов ядерных зарядов. При этом важно отметить, что 3 из этих взрывов произошли в период с января 2016 года по сентябрь 2017 года.[21]

Учитывая же технологический уровень ядерного комплекса КНДР, аналитики, использующие разные методики и допущения, видят следующие варианты существующих для Южной Кореи угроз на театре военных действий. Это различные ядерные фугасы (на собственной территории, либо доставляемые диверсионными группами в случае, если у КНДР будет достаточно обогащенного урана для изготовления аналогов американских ядерных мин конца 1950-х), ядерные морские мины и торпеды, авиабомбы, доставляемые пилотируемыми самолетами, баллистические ракеты малой дальности [67].

По оценкам США количество ядерных зарядов Северной Кореи уже достигло 60 единиц. Независимые же эксперты считают это число зарядов сильно завышенным. Руководство США также отмечает, что программа развития межконтинентальных баллистических ракет в КНДР проходит значительно быстрее, чем предполагали аналитики еще несколько лет назад. Аналитики утверждают, что в 2017 году Северная Корея преодолела важную веху в развитии ракетно-ядерной программы. Уже сейчас КНДР обладает ядерными боеголовками небольшого размера, которые могут доставляться до цели при помощи межконтинентальных баллистических ракет [92].

Действия властей КНДР по созданию собственного ракетно-ядерного оружия привели к резкому обострению обстановки в Северо-Восточной Азии. Естественно, что особое беспокойство при этом испытывали непосредственные соседи страны – Япония, Республика Корея, Россия, КНР. В ситуации перманентной угрозы соседи не оставляют надежд на мирное развитие отношений с КНДР. Так, «после первых двух ядерных испытаний (2006, 2009 г.), проведенных в КНДР, китайское руководство заняло нейтральную позицию и не стало прерывать весь комплекс связей с Пхеньяном, как, например, это сделала Япония. В Пекине посчитали, что вовлечение Северной Кореи в разносторонние экономические контакты с Китаем принесёт больше пользы для решения ядерной проблемы на Корейском полуострове. Подобные меры способны, как полагали китайские политики, постепенно снизить напряжённость на полуострове и побудить КНДР свернуть ядерную программу» [18]. Однако, действия других геополитических акторов региона способствовали усугублению напряженности, а значит – и росту милитаризации на Корейском полуострове.

Успехи КНДР в построении собственного «ядерного щита», отмеченные в 2016-2017 гг. привели к пересмотру политики ряда ведущих региональных и глобальных акторов в отношении корейской проблемы. Так, в минувшем году, впервые за многие годы в руководстве США стали открыто обсуждать варианты нанесения превентивного удара по целям в Северной Корее. Помимо этого, как Вашингтоном, так и его военно-политическими союзниками в регионе – Сеулом и Токио, были предприняты действия по формированию антипхеньянской коалиции и усилению всеобъемлющего давления на КНДР как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Наконец, в 2017 г. были проведены беспрецедентные по масштабу совместные американо-южнокорейские маневры. Все это, вкупе с агрессивной риторикой Пхеньяна и Вашингтона, усиливало напряженность на Корейском полуострове [36].

Тем не менее, именно к началу 2018 г. аналитики отметили потепление ситуации на Корейском полуострове. Причиной стало обнародование администрацией президента РК Мун Чжэ Ина «новой северной политики», предусматривающая диалог с КНДР. Усилия по приглашению КНДР к переговорам на фоне принятия достаточно жесткой санкционной резолюции Совета безопасности ООН в декабре 2017 г. привели к активизации межкорейских контактов.

Одним из позитивных итогов предоллимпийской «оттепели» стал визит в РК высокопоставленной делегации во главе с председателем президиума Верховного Народного Собрания КНДР Ким Ён Намом. Основным результатом этой встречи стало официальное приглашение Ким Чен Ына президенту Южной Кореи посетить Пхеньян. [36].

В этой ситуации вице-президент США Майкл Пенс, присутствовавший на открытии зимних Игр, заявил о том, что Вашингтон готов к переговорам с Пхеньяном. На встрече с президентом РК Мун Чжэ Ином он отметил, что выступает за сочетание максимального давления и взаимодействия. По его словам, внешнеполитическая линия на корейском направлении останется прежней до тех пор, пока в КНДР не пойдут на существенные шаги к отказу от ядерного оружия. При этом, как заявил М. Пенс, США готовы к диалогу с Северной Кореей без предварительных условий. Демонстрация готовности к диалогу стала важной новостью, касающейся политики США в отношении КНДР. В то же время, вице-президентом М. Пенсом было отмечено, что переговоры не повлекут за собой каких-либо мер, смягчающих давление на Пхеньян. Позиция Токио по ядерной проблеме Корейского полуострова также остается неизменной. Так, во время двусторонней встречи глав РК и Японии, премьер-министр Японии Синдзо Абэ отметил необходимость дальнейшего давления на Северную Корею, и, в частности, призвал к скорейшему

возобновлению военных учений. По его мнению, в сложившейся ситуации диалог не имеет смысла, а, следовательно, необходимо максимизировать давление. Впрочем, при анализе политики С. Абэ по отношению к Северной Корее необходимо учитывать, что отношение к этой стране в политических кругах и общественном мнении Японии остается весьма негативным. Нерешенная проблема похищенных северокорейскими спецслужбами граждан КНДР является главным препятствием на пути диалога между двумя странами [36].

Ведущие региональные и глобальные акторы не намерены признавать ядерный статус КНДР. Более того, ее непризнание в качестве таковой становится принципиальным моментом в контексте существующего миропорядка, в частности, – режима нераспространения ядерного оружия. По оценкам аналитиков, при всех разногласиях, имеющих место среди постоянных членов СБ ООН, общие контуры позиции по корейскому вопросу остаются неизменными, и, следовательно, в сложившихся условиях смягчение давления на Северную Корею, равно как и снижение напряженности на Корейском полуострове, маловероятно. Также не совсем понятно какие варианты решения этой проблемы могут быть предложены Югом и его союзниками. Северокорейское руководство вряд ли пожелает вести разговор об отказе от ядерной программы. При определенных условиях, темой для обсуждения мог бы стать мораторий на дальнейшие ракетные испытания, тем более, что южнокорейская сторона, похоже, склонна учитывать и российско-китайский план «двойного замораживания». Однако США не откажутся от совместных южнокорейско-американских учений, в период проведения которых время от времени на Корейском полуострове наблюдается эскалация напряженности. В этой связи экспертами высказывались опасения, что после окончания игр зимней Олимпиады, уровень нестабильности в регионе действительно может вернуться к прежнему состоянию [36]. Развитие событий в 2018 году, прочем, показало, что несмотря на то, что ситуация на Корейском полуострове принципиально не изменилась, прогнозируемого возможного ухудшения её не произошло и диалог двух Корей продолжается на протяжении всего года. Это, безусловно, порождает надежды на благоприятное развитие ситуации и в дальнейшем.

Тем не менее, КНДР, по оценкам исследователей, к 2018 году оставалась основным «драйвером напряженности» в регионе, а наиболее важным фактором, способствовавшим резкому охлаждению отношений КНДР с большинством ее соседей они называют устойчивый рост с 2014 года числа северокорейских ракетно-ядерных испытаний. При этом «самый высокий рост напряженности отличал отношения в паре КНДР-США... Этот показатель стал отражением не только беспрецедентной резкости риторики, доходившей

до взаимных оскорблений, но и демонстративных шагов, показывающих решимость сторон на силовое решение конфликта... С неизбежностью в этот конфликт, нараставший в течение всего года, оказались вовлеченными оба региональных союзника США – Япония и Южная Корея...». Эксперты отмечают также, что «ни Южная Корея, ни Япония, судя по всему, не рассматриваются руководством КНДР не только в качестве реальной угрозы своей безопасности, но и как самостоятельные игроки, с которыми может вестись отдельный диалог. Акцентирование внимания на опасности, которую, якобы, создаёт их альянс с США и совместные военные маневры, явно указывает на то, что непосредственные соседи воспринимаются КНДР, главным образом, как американский плацдарм вблизи её национальных границ». Похолодание в этой ситуации возникло и с Китаем, который руководство КНДР обвиняет в «соглашательстве с попытками США усилить давление на Пхеньян для прекращения северокорейских ядерных и ракетных программ» [50].

На современном этапе для того, чтобы уравновесить положение в стране, оказавшейся в санкционной блокаде, Ким Чен Ын принял политику «пёнчжин», или «синхронизированного развития военного и экономического секторов». По мнению экспертов «пока перевес находится на стороне военных», они полагают, что «в условиях северокорейских реалий единственное, на что может пойти Ким Чен Ын, это согласиться на некое «замораживание» отдельных элементов ракетно-ядерной программы» [41].

Оценивая перспективы развития военно-политической ситуации в регионе в 2018 году, эксперты сообщали: «С наименьшим оптимизмом эксперты смотрят на перспективы развития взаимоотношений Северной Кореи с её региональными соседями», отмечая, что с наибольшей вероятностью... отношения Северной Кореи в их нынешнем виде могут сохраниться с РФ и Китаем. Наименее стабильными они окажутся для пары КНДР-Южная Корея. Наиболее высокой вероятностью ухудшения отношений у пар КНДР-США и КНДР-Япония» [50].

Иными словами, «распределение экспертных мнений свидетельствует, о том что большинство из них уверены, что пик текущего конфликта, связанного с ракетно-ядерной программой КНДР ещё не достиг своего максимума. Стратегия, практикуемая нынешним руководством Северной Кореи не является оригинальной. Она заключается в периодической смене периодов «наступательных» действий, предполагающих демонстрацию военных возможностей и эскалацию напряженности, и отступлений (разрядки), позволяющих Северной Корее накопить необходимые ресурсы для очередного наступления, теперь уже на более прочной основе». В каждый новый виток наступления КНДР вступает с новыми системами вооружений, разрабатываемыми в рамках

предшествующего этапа «разрядки», что ведет к повышению ставок в торге, угроз непреднамеренной катастрофы и продолжительности сохранения напряженности. Некоторая вероятность позитивной динамики в двусторонних отношениях КНДР сохраняется в сфере взаимодействий с Россией и Китаем. Наибольшие позитивные перспективы ожидаются экспертами в сфере межкорейских отношений. Вероятность подвижек в сторону их улучшения прежде всего связывается со способностью пойти на компромисс со стороны действующего руководства Южной Кореи [50].

Таким образом, говоря о милитаризации Северной Кореи можно сделать следующие выводы. На протяжении всей своей истории власти КНДР ставили главной своей целью обеспечение обороноспособности своей страны. Однако именно в XXI веке Северная Корея совершила качественный рывок в своей милитаризации. Если в начале двухтысячных КНДР предпринимала первые шаги в освоении новых технологий, то уже к концу 2017 года Северная Корея стала государством с межконтинентальными баллистическими ракетами и значительным запасом ядерного оружия. Главной целью Вооруженных Сил КНДР стало развитие ядерного потенциала и создание межконтинентальных баллистических ракет. Негативную динамику отношений и конфликтный потенциал КНДР демонстрирует с США и Японией, в 2018 г. произошло потепление отношений с РК, хотя вероятный конфликт не снимается с повестки. Наиболее позитивные отношения – с Китаем и Российской Федерацией, так как эти страны не представляют угрозы для КНДР.

2.5. Динамика процессов милитаризации в США на 2018 год

Позиция США по отношению к делам Азиатско-Тихоокеанского региона с одной стороны, определяется общими внешнеполитическими приоритетами, с другой стороны, находится в зависимости от субъективных соображений правящей элиты. По мнению аналитиков, реакция США на стремительно меняющийся баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уже давно далека от реальности. Началось это задолго до прихода к власти Трампа. Так, все предыдущие администрации, находившиеся у власти после 1991 года, демонстрировали нежелание активизировать реформы мировой экономики и торговли, а также институтов, лежащих в основе современного экономического миропорядка [25]. В 2009 году Б. Обама заявил о своем намерении вернуть Азиатско-Тихоокеанский регион в число приоритетов США. Стратегия «восстановления равновесия» (rebalancestrategy) предполагала активизацию политики Соединенных Штатах в тех регионах мира, которые оказались в тени глобальной войны с терроризмом, начатой после 11 сентября 2001 года. Основной новацией Обамы явилось

фактическое признание Китая не просто «риском», который США нужно учитывать в своей политике, но прямой «угрозой» - конечно, не безопасности США, но уже американским интересам. В то же время «амбициозные планы» Обамы по укреплению позиций Соединенных Штатов в «самом динамичном регионе мира» остались по большей части не реализованы. Неопределенность американской политики позволила Китаю превратиться в одну из двух доминирующих держав АТР [25].

Будучи кандидатом в президенты, Д. Трамп последовательно играл на самых чувствительных для восточноазиатских союзников темах – гарантиях безопасности и экономических двусторонних отношениях. Его высказывания вызвали особенно болезненную реакцию у стран с низкими военными бюджетами и экспортоориентированными экономиками, которые активно пользовались предоставляемыми США гарантиями безопасности [23].

Обещания Дональда Трампа относительно АТР были связаны с тремя основными темами: перестройкой отношений с Китаем и другими странами со значительным профицитом во внешней торговле; отказом от опоры на многосторонние институционализированные механизмы; переоценкой военно-политических обязательств в отношении союзников [23]. Характеризуя КНР как экономического и политического конкурента США, Д. Трамп в то же время выступал с инициативами, предполагавшими дистанцирование от традиционных союзников, которые могли бы быть полезны при обострении отношений с Пекином. В своих предвыборных выступлениях он критиковал затраты, которые США несут на поддержание военно-политических альянсов, и требовал перераспределения издержек за счет увеличения вклада Японии и Южной Кореи в поддержание коллективной обороны. В частности, Д. Трамп обвинял Токио в том, что он остается «нахлебником» (freeloader), полагаясь в своей внешней и оборонной политике на 47 тыс. американских военнослужащих, которые базируются в стране. В этой связи республиканский кандидат заявлял о намерении закрыть в Японии некоторые из американских военных баз. Д. Трамп даже поставил под сомнение традиционное табу внешнеполитического дискурса США — приверженность принципу нераспространения оружия массового уничтожения, предложив заместить американские усилия по сдерживанию КНДР созданием ядерного потенциала у Японии и Южной Кореи (впоследствии ему пришлось от этого предложения отказаться) [23]. Иными словами, Трамп заявлял о противоречивом курсе, предполагающем сочетание демилитаризации американского участия в делах региона и милитаризации участия союзников – стран региона.

Несмотря на негативные прогнозы относительно перспектив развития отношений между США и странами АТР при Д. Трампе, в течение первого года работы новой администрации худший для контрагентов Соединенных Штатов сценарий реализован не был. Революции во внешней политике США не случилось. Если на других направлениях (прежде всего на российском) американский лидер мог бы пожаловаться на противодействие Конгресса и влиятельных элит, то в случае АТР сохранение приверженности конвенциональному курсу стало результатом в первую очередь его собственного отказа от прежней риторики, но также и реакции со стороны самих региональных игроков [23].

Как выяснилось, США по-прежнему придерживаются принципа «единого Китая», готовы развивать конструктивные связи с КНР (о чем свидетельствуют результаты встречи главы Государственного департамента США Р. Тиллерсона с лидером Китая Си Цзиньпином в марте 2017 г.) [23]. Впрочем, непоследовательность и нетерпеливость американского президента по отношению к КНР проявились при оценке воздействия политики Китая на действия Северной Кореи в контексте обсуждения ракетно-ядерной программы КНДР. Если в июне 2017 г. Д. Трамп высказал благодарность КНР за предпринятые усилия повлиять на действия Северной Кореи, то уже через месяц, когда Пхеньян осуществил два запуска межконтинентальных ракет, от американского лидера последовали обвинения Пекина в том, что он абсолютно бездействует, и намеки на то, что Вашингтон может ограничить Китаю доступ на свой рынок [23].

Д. Трамп также не предпринял попыток выработать собственную программу наращивания военного присутствия США в регионе в дополнение к заявленным еще Б. Обамой усилиям по «перебалансировке» американских вооруженных сил в АТР. По оценкам экспертов, несмотря на то, что планы американского президента по увеличению общего военного потенциала США и, прежде всего, военно-морской составляющей противоречат интересам Пекина, даже полная реализация бюджетных инициатив Д. Трампа в том виде, в каком они были предложены, может привести к изменению соотношения сил в регионе лишь в относительно отдаленной временной перспективе [23].

Предвыборная риторика новоизбранного президента ставила вопрос и о продолжении функционирования американо-японского союза в том виде, в каком он сохранялся со времен заключения Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. Активизация ракетно-ядерных испытаний Северной Кореей способствовала признанию новой администрацией Соединенных Штатов прежних договоренностей по обеспечению совместной безопасности от внешних угроз. Вашингтон

также подтвердил поддержку японских притязаний на острова Сэнкаку (Дяюйдао), что способствовало укреплению двустороннего альянса. Токио, в свою очередь, пообещал нарастить закупки американской военной техники [23].

В условиях продолжающихся ракетных пусков со стороны КНДР и разочарования администрации Д. Трампа в способности или готовности Пекина надавить на Пхеньян Вашингтон и Токио предприняли попытку активизации взаимодействия с новой южнокорейской администрацией Мун Чжэ Ина. Между союзниками также были достигнуты договоренности об активизации экономического сотрудничества,

Иными словами, несмотря на предшествующие заявления, Д. Трамп после прихода к власти в США продемонстрировал по большей части преемственную политику по отношению к американским союзникам в АТР, в частности, к Японии. В повестке американской политики в АТР доминирует один сюжет — развитие северокорейской ядерной программы. По оценкам экспертов «именно ракетно-ядерная программа Северной Кореи стала навязчивой идеей администрации Д. Трампа». Несмотря на отсутствие явных доказательств того, что у Пхеньяна в ближайшем будущем появятся надежные носители, способные достигнуть территории США, в американских СМИ развернулась истерия вокруг ядерной угрозы для Соединенных Штатов. В условиях регулярных ракетных пусков Пхеньяна и его прогресса в развитии межконтинентальных носителей Д. Трамп продолжил прежнюю линию на жесткое санкционное давление в отношении КНДР, а также спекулированием на возможности использовании военной силы. Последнее подкреплялось активизацией и ранее регулярно проводимых совместных учений США и Южной Кореи. В частности, в ноябре 2017 г. для подкрепления своих угроз в адрес Пхеньяна Вашингтон направил к берегам Корейского полуострова сразу три авианосца [23].

По мнению влиятельного американского аналитического центра Stratfor, в настоящее время в регионе Тихого океана складывается патовая ситуация. США не стремятся к прямой конфронтации с Китаем. Но в то же время, Вашингтон не желает допустить доминирования в регионе того же Китая или любой другой державы. КНР, в свою очередь, будет не способна бросить стратегический вызов военно-морскому доминированию США в АТР еще, по крайней мере, 10-15 лет. Поэтому «националистическая» риторика Пекина относительно «притязаний на контроль над Южно-Китайским морем» в большей степени преследует внутривнутриполитические цели. Тем не менее, Япония и другие государства Восточной Азии наблюдают за ростом КНР «с нарастающей подозрительностью» [25].

Потенциально, полагают американские эксперты, такая ситуация подталкивает большинство стран региона к более тесному союзу с Америкой. Однако, все ныне существующие в Большой Азии форматы межгосударственного диалога не позволяют эффективно решать вопросы мира и безопасности. Ни одна межгосударственная организация АТР не включает в себя все страны региона и весь комплекс региональных проблем. Ни одна, по мнению американских аналитиков, не способна привести к общему знаменателю «стремление Китая к региональному доминированию», роль США в качестве азиатской державы, экономические интересы Европы и желание многих стран региона избежать полной зависимости от Пекина [25].

Первый год Дональда Трампа в Белом доме ознаменовался явным увеличением напряженности в отношениях между США и Россией с Китаем. По мере ухудшения внутривосточной ситуации в США ухудшаются и отношения Америки с теми, кто считаются ее главными противниками.

У США сегодня самый высокий размер военных расходов в мире: они почти в три раза выше, чем у находящегося на втором месте Китая, и почти в девять раз выше, чем у России, занимающей третье место. Более того, США тратят на оборону больше, чем следующие за ними в этом рейтинге восемь стран, вместе взятые, и они обладают самым современным ядерным арсеналом в мире. Президент страны Дональд Трамп увеличил расходы на оборону в 2018 году на 9%, или на 54 млрд долларов. Конгресс США, планируя бюджет Пентагона, допустил возможность вывести из-под санкций некоторых союзников Америки, покупающих оружие у России. Представители профильных комитетов сената и палаты представителей США достигли соглашения о параметрах финансирования Пентагона в 2019 финансовом году.

Всего на военные расходы в следующем году конгресс попросил выделить \$717 млрд. – на \$17 млрд. больше, чем в 2018 году, и на \$111 млрд. больше, чем в 2017-м. Если законопроект будет утвержден в нынешнем виде, то с 2014-го ежегодные расходы на военные силы США вырастут на \$221 млрд., следует из данных Министерства обороны США [76]. Таким образом, Трамп выполняет свое предвыборное обещание — отменить секвестр бюджета Пентагона, который осуществил Барак Обама. По словам Трампа, попытки его предшественника сэкономить на военных силах привели к их истощению.

В проекте закона предусмотрены дополнительные затраты на технику и улучшение условий быта военнослужащих. В течение следующего финансового года США намерены построить 77 самолетов F-35 и 13 морских судов, включая две подводные лодки типа «Вирджиния» и авианосец типа «Джеральд Форд». Кроме того, планируется поднять уровень зарплат военнослужащих на 2,6% начиная с января следующего года. Вырастет и

численность войск: сухопутных — на 4 тыс. человек, военно-воздушных — на 4 тыс., флота — на 7,5 тыс., следует из текста меморандума законодателей.

Снижение ядерного порога повышает риск глобальной катастрофы. "Бюллетень ученых-атомщиков" оценивает сейчас уровень этого риска как самый высокий с 1953 г. Даже в том крайне маловероятном случае, когда после "ограниченного применения ядерного оружия" удастся избежать неконтролируемой эскалации, одного тактического заряда будет достаточно, чтобы спровоцировать взрыв, сравнимый с взрывами, уничтожившими Хиросиму и Нагасаки.

В "Стратегии национальной безопасности" США выступают за сохранение их лидерства в системе региональной безопасности в АТР, основанной на "территориальной целостности и независимости стран". В то же время для США, согласно документу, приоритетными направлениями в этой сфере деятельности являются: "сохранение передового военного присутствия, позволяющего сдерживать любого противника, а в случае необходимости - нанести ему решительное поражение"; "развитие сотрудничества с Японией и Республикой Корея по созданию региональной системы противоракетной обороны"; "сохранение готовности к силовым действиям в ответ на агрессию со стороны КНДР, а также наращивание возможностей для "принудительной денуклеаризации" Корейского п-ова"; "активизация сотрудничества в области безопасности с Индией, получившей статус основного партнера США в оборонной сфере"; "укрепление союзов с Филиппинами и Таиландом, а также развитие партнерских отношений с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Сингапуром. Таким образом, США на современном этапе своего развития усиливают своё военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Это обстоятельство противоречивым образом влияет на процесс формирования американской стратегии в регионе в целом. С одной стороны, в силу ряда причин (одна из основных связана с проблемами в американской экономике) в последние годы отчётливо проявляется тенденция к понижению уровня прямой американской вовлечённости в локальные вооружённые конфликты. Тем более в такие, которые возникают в зонах, расположенных за многие тысячи километров от американского материка [70]. В американской политике относительно отдалённых "горячих" зон проявляется ещё одна важная тенденция, дополняющая первую, которая заключается в стремлении повысить роль союзников в реагировании на локальные кризисы. По мнению одного из ведущих американских экспертов Кристофера Лейна, сегодня наблюдается дрейф стратегии американской внешней политики в целом от "глобального доминирования" к "офшорному балансированию". Из них вторая предусматривает масштабное военное вмешательство

США только в такие конфликты, которые непосредственно затрагивают американские жизненно важные интересы [70].

Нынешняя администрация США пока посылает противоречивые сигналы. С одной стороны, Трамп подтвердил, что Азия – один из трех регионов «жизненно важных интересов» Соединенных Штатов. В ходе саммита АТЭС, состоявшегося в начале ноября 2017 года, Трамп подчеркнул приверженность «свободе и открытости в Индо-Тихоокеанском регионе». С другой стороны, увлеченность Вашингтона концепцией «Америка прежде всего» (“Americafirst”) оставляет неясным вопрос о том, каким образом Белый дом собирается практически защищать «свободу и открытость» региона, одновременно отказавшись от традиционной для США после 1945 года линии на поддержку свободы торговли. Ведь сделав ставку на «грубый протекционизм», Трамп уже покинул проект Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) – краеугольный элемент стратегии усиления американского влияния в АТР, выработанной предыдущей администрацией [25]. При этом, «выступая в роли лидера, способного на решительные действия, Д. Трамп после отказа от тактики укрепления позиций страны в АТР экономически (выход из Транстихоокеанского партнерства) и в ситуации растущих сомнений в возможности добиться этого политически (эрозия союзнических отношений), остановил свой выбор на стратегии демонстрации силы и силового давления» [50].

По мнению некоторых экспертов, суть стратегии в Азии, контуры которой начинает обозначать нынешнее руководство США, в том, что Вашингтон не планирует проводить политику активного сдерживания, и, тем более, изоляции Китая, как главного своего конкурента в АТР – поскольку и то, и другое «невозможно и нежелательно» в нынешних условиях глобализации. Вместо этого, Америка намерена сохранять свое присутствие в регионе в качестве «могущественной силы», призванной сглаживать (ameliorate) «негативные последствия дестабилизирующего усиления» КНР [25].

Согласно имеющейся в открытых источниках информации, центральным элементом разрабатываемой стратегии должна стать идея, высказанная несколько лет назад премьер-министром Японии Синдзо Абэ, о «союзе тихоокеанских демократий». Япония, Австралия, Индия и Соединенные Штаты должны сформировать центральный элемент, «несущую конструкцию» нового формата региональной «безопасности и стабильности» в Азии. Будет ли «союз демократий» институализирован, и если да, то в какой степени, в настоящее время прогнозировать не берется никто. Сторонники этой амбициозной инициативы рассчитывают, что к «союзу демократий» присоединятся (по крайней мере, в формате диалога «четыре плюс») большинство тихоокеанских государств [25]. Особенно важная роль, что символизирует и смена наименования региона в выступлениях высших

американских должностных лиц с «Азиатско-» на «Индо-Тихоокеанский», отводится развитию стратегических связей с Индией. Действительно, по мнению американских наблюдателей, в последние годы обе страны находят все больше тем в двусторонних отношениях на базе «общей озабоченности стремлением КНР к региональной гегемонии» [25].

Иными словами, «ответом» на китайскую инициативу «Одного пояса, одного пути» может стать американская концепция, «аналогичного характера». Подобная инициатива была бы нацелена на придание новой динамики экономическим связям между максимально возможным числом нынешних союзников США в Азии, на Среднем и Ближнем Востоке. Примером развития отношений в таком направлении уже называют растущую кооперацию между Индией и Израилем. Наконец, важным инструментом «сдерживания» КНР должны стать как уже существующие национальные, так и заявленные на уровне планов совместные, механизмы контроля и ограничения потенциально «враждебных» иностранных инвестиций.

Стратегия национальной безопасности США 2017 г. определяет Китай как "ревизионистскую державу", цели которой заключаются в установлении миропорядка, основанного на ценностях и интересах, противоположных американским, смещении Соединённых Штатов с позиции лидера в Индо-Тихоокеанском регионе, перестройке форматов сотрудничества ради собственной выгоды³. Стратегия национальной обороны США 2018 г. усматривает в КНР главный вызов американскому лидерству, в ней отмечается, что Пекин использует "хищнические экономические методы" для оказания давления на страны ИТР и милитаризирует район Южно-Китайского моря. США предполагают защищать свои интересы с позиции силы, опираясь на военные инструменты и потенциал союзников [13].

Традиционно американо-южнокорейский альянс трактовался как направленный исключительно на сдерживание возможной агрессии со стороны КНДР. Несмотря на наличие Договора о сотрудничестве и дружбе 1961 г. между КНДР и КНР, Китай вплоть до недавнего времени не рассматривался как возможный военный противник сил США на полуострове. В Республике Корея размещено более 28 тыс. американских военнослужащих, в основном из состава 8-й армии ВС США, что делает её наиболее крупным плацдармом в сухопутной части Азии. Помимо оборонительных целей, военное присутствие США на юге Корейского полуострова, включая размещение комплексов ПРО ТВД ТНАAD, призвано укрепить мир во всей Восточной Азии. Американские и южнокорейские аналитики отмечают, что союзнические связи необходимы и для ликвидации так называемого островного комплекса РК, так как сухопутные

коммуникации не могут осуществляться ввиду наличия границы только с КНДР. Более того, на их взгляд, США способны ограничивать гегемонистские устремления Китая [13].

По оценкам ряда аналитиков, в «большой игре» Пекина и Вашингтона последний пытается разыграть «тайваньскую карту», используя 23,5 миллионов жителей Тайваня в качестве заложников при реализации собственных геополитических интересов, выставляя ответные действия Пекина как угрожающие безопасности всего АТР [14]. Американские эсминцы “Мастин” и “Бэнфорд” 7-8 июля 2018 года проследовали через Тайваньский пролив. В любом другом случае проход через пролив, срединная часть которого может быть использована для мирного прохода, согласно Конвенции ООН по морскому праву, явилось бы вполне рядовым событием, но ввиду особой геополитической важности Тайваньского пролива, подобные действия ВМС США нарушают хрупкий баланс сил в регионе. Министерство обороны США заявило, что проход двух эсминцев не противоречит нормам международного права. Более того, представитель Пентагона отметил, что американские корабли время от времени намерены пользоваться этим маршрутом, двигаясь из Восточно-Китайского моря в Южно-Китайское по “различным оперативным надобностям”. В ответ китайские СМИ предостерегли Вашингтон от нагнетания напряжённости в Тайваньском проливе. Директор Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Лю Цзеи расценил действия США как попытку “разыграть тайваньскую карту” в ущерб интересам Пекина. При этом китайский политик обратился, прежде всего, к жителям острова с призывом не поддаваться на провокации и осознать истинные причины американских действий [14].

Складывается впечатление, что американская администрация намеренно провоцирует Китай. В мае США аннулировали приглашение ВМС НОАК принять участие в крупнейших ежегодных военно-морских учениях “РИМПАК”, а в июне министр обороны Д. Мэттис подверг острой критике действия КНР по наращиванию военного потенциала в Южно-Китайском море. Не исключено, что недавний проход может послужить своеобразной проверкой реакции Пекина, за которой последуют и другие действия американских военных. Так, с тайбэйской администрацией достигнута договорённость о заходах американских боевых кораблей в порт Гаосюн на юге острова. Ранее мировые СМИ сообщали и о планах Вашингтона впервые с 2007 года направить авианосец через Тайваньский пролив [14].

На фоне неоднозначных шагов американской администрации, отношения между тремя восточноазиатскими государствами всегда были неоднозначными, а в последние годы и вовсе серьезно осложнились по причине территориальных споров (между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море, между Японией и Южной Кореей по вопросу

принадлежности островов Токто/Такэсима), разногласий в вопросах обеспечения региональной безопасности и усиления американской военной компоненты в АТР. Именно поэтому в графике трехстороннего саммита, ежегодно проводившегося с 2008 по 2012 год на регулярной основе, сначала произошел перерыв до 2015 года из-за обострения японо-китайских отношений, а затем аналогичный перерыв до 2018 года на фоне разногласий Пекина и Сеула по размещению американских систем ПРО THAAD на территории Южной Кореи [34].

Возможность проведения саммита 2018 года обеспечил ряд обстоятельств. Это и наметившееся в конце прошлого года потепление в отношениях Токио и Пекина, и, что более важно, снижение напряженности в китайско-южнокорейских отношениях и благоприятные оценки со стороны КНР активности Сеула по урегулированию ситуации на Корейском полуострове. Помимо снижения градуса напряженности в межгосударственных отношениях внутри восточноазиатского треугольника важным фактором, способствующим возрождению трехстороннего формата встреч на высшем уровне, является также неоднозначная политика американского президента Д.Трампа. С одной стороны, создается впечатление, что Вашингтон все чаще толкает своих главных азиатских союзников – Японию и Южную Корею к проведению диверсифицированной внешней политики. С другой стороны, эксперты отмечают, что вся дипломатическая активность Токио и Сеула является прямой поддержкой американской позиции по северокорейскому вопросу [34].

По итогам трехстороннего диалога глав государств была принята отдельная декларация, высоко оценивающая результаты межкорейского саммита и отражающая намерение КНР, Японии и РК добиваться полной денуклеаризации Корейского полуострова [34]. Кроме ситуации вокруг КНДР перед странами СВА стоит множество вопросов по упрощению торгового и финансового взаимодействия в треугольнике. Нынешний момент как нельзя лучше способствует обсуждению финансово-экономической проблематики. Япония понесла серьезные политические и экономические потери от выхода США из Транстихоокеанского партнерства, Южная Корея пострадала от требований Вашингтона пересмотреть условия двусторонней Зоны свободной торговли (ЗСТ). Администрация США, по сути, толкает своих главных азиатских союзников ближе к Китаю в вопросах свободной торговли. В результате в итоговой декларации главы КНР, Японии и РК подчеркнули свою решимость бороться со всеми видами протекционизма в мировой торговле и стремление развивать трехстороннюю ЗСТ. Примечательно, что в этом документе также выражена поддержка и стремление к дальнейшему развитию такого

формата как Всестороннее региональное экономическое партнерство, ВРЭП (RCEP), часто противопоставлявшегося Транстихоокеанскому партнерству [34].

Итак, на сегодняшний день очевидно: в конфигурация военно-политического пространства АТР происходят трансформации, связанные прежде всего с изменением роли США в мире. Традиционные американские союзники в СВА всё менее склонны нести дополнительные финансовые расходы, равно как и поддерживать американские политические взгляды по ряду ключевых вопросов. Заявления Д. Трампа о том, что Америка не в состоянии в одиночку обеспечивать мировую стабильность, а все её союзники – "безбилетники", повышает неопределённость даже ранее крепких связей, подобных американо-японским, американо-южнокорейским или американо-тайваньским. Важным фактором реформирования системы безопасности в Северо-Восточной Азии выступает изменение характера угроз для американских союзников. Тем не менее, по оценкам экспертов, США не собираются добровольно уступать центральное место в комплексе региональной безопасности. США с этой целью намерены поддерживать инициативы РК по проведению политики "средней державы", укреплению её авторитета как лидера "мягкой повестки" безопасности. Военно-политические амбиции Токио в обозримом будущем не могут быть реализованы без прямой поддержки Вашингтона, в том числе передачи передовых военных технологий. Status quo в Тайваньском проливе Соединённые Штаты сегодня выдают за необходимое условие отсутствия прямого конфликта и намерены сохранять как угодно долго, прежде всего несиловыми методами. Нагнетание напряжённости вокруг ракетно-ядерной программы КНДР инициируется США в целях сохранения существующих альянсов, а также стимулирования союзников на выделение дополнительного оборонного финансирования, а фактически для оплаты услуг Вашингтона [13]. Эта ситуация вынуждает экспертов констатировать, что именно США вместе с КНДР стали к 2018 году «основными акселераторами региональной напряженности в Северо-Восточной Азии» [50].

Отношения США с государствами региона в ближайшей перспективе, по мнению экспертов, могут, скорее, ухудшиться. Наиболее высокой вероятностью ухудшения отношений связывается экспертами с отношениями между США и КНДР. В этой паре отношения по-прежнему будут испытывать давление проблемы, связанной с ракетно-ядерной программой КНДР. Обе стороны в этом случае пока что заинтересованы в эскалации напряженности вокруг неё, извлекая из этого выгоду. КНДР, очевидно, повышает ставки, которыми она может оперировать в будущих переговорах, «продавая» собственные уступки по более высокой цене. США, наряду с традиционным использованием кризиса на Корейском полуострове для укрепления собственного

военного присутствия в регионе, намеревается использовать его для снятия претензий со стороны общественности Японии и Южной Кореи по этому поводу и возложения на своих азиатских союзников большей нагрузки в деле обеспечения коллективной безопасности [50].

Аналогичная тенденция характерна в 2018 и для пары США – Россия. Перспективы ухудшения отношений в этой паре «слабо связаны с региональными делами». Противоречия между ними носят более масштабный характер, а АТР является «просто ещё одним, не самым важным театром, где они могут продемонстрировать несовпадение своих позиции». Также парой с высоким уровнем опасности является США – Китай. Перспективы взаимоотношений в этой паре, напротив, связаны в первую очередь с их конкуренцией за влияние в регионе, разворачивающейся, прежде всего в экономической плоскости. Отношения в парах США – Япония и США – Южная Корея, считают эксперты, предположительно будут эволюционировать в противоположном направлении. Возможность их укрепления эксперты рассматривают как вполне реальную» [50].

Итак, налицо попытки США сохранить и укрепить своё военно-экономическое лидерство в регионе за счет изменения конфигурации международного пространства АТР, усиления своего военного присутствия в регионе, поддержку милитаризации в странах-партнерах (Япония, РК), сдерживание и нейтрализация стран-конкурентов (КНР, Россия), всемерное противодействие стране-врагу (КНДР).

3. ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ВЕРОЯТНЫХ УГРОЗ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТОРОНЫ СТРАН – ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВНИКОВ РОССИИ В АТР

3.1. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны КНР

Для того, чтобы выиграть противостояние с США, Китай стремится распространить свое влияние как можно на большее количество стран. Ресурсы российского Дальнего Востока и Сибири, не только сырьевые, но и территориальные, представляют очень большой интерес для Китая, которому надо куда-то расширять свое политическое и экономическое пространство. На сегодняшний день у Китая сложились особые отношения с Россией. По мнению экспертов, «у Москвы сегодня нет другого выхода, кроме как ориентироваться на дальнейшее развитие российско-китайских отношений» [54]. Эксперты отмечают, что, «даже такие традиционные фобии, как угроза китайской экспансии на российском Дальнем Востоке, которые ещё недавно будоражили сознание простых жителей и многих экспертов, сегодня уже не воспринимаются с прежней остротой» [51].

Действительно, многие годы российскую общественность пытаются убедить в так называемой «китайской угрозе». Идею о «желтой угрозе» в российской печати активно развивал в ещё в конце XIX века В.С. Соловьёв (а в начале XX века – ряд отечественных публицистов и геополитиков), ощущавший предчувствие мировой катастрофы, в которой решающую роль призваны были сыграть азиатские народы, и в первую очередь китайцы. По мнению Соловьёва, России предстояло в грядущей битве двух мировых полюсов, Китая и Европы, стать форпостом Запада в деле борьбы с “желтой опасностью” [3]. Сегодня заместитель руководителя Института военного и политического анализа А.А. Храмчихин [59] в своей книге «Дракон проснулся», отмечает, что из-за возникших проблем в Китае, такие как недостаток ресурсов, территории и др. Китай может начать войну с Россией с целью отвлечь внимание населения от внутренних проблем.

Но была ли «китайская угроза» в прошлом, существует ли она сейчас и будет ли в будущем? В прошлом, незначительные вооружённые стычки и территориальные споры между Китаем и Россией были, но этим дело и ограничивалось. Ожесточенной битвы или войны на уничтожение не было. Не было жестокого противостояния, так как не было серьезной почвы для этого. Обе страны не угрожали своим присутствием друг другу, как например, в случае с Францией и Германией в начале XX века. В настоящем у России и Китая также нет причин ни для войн, ни для противостояния. 14 октября 2004 года —

Владимир Путин и Ху Цзиньтао подписали соглашение, согласно которому территория спорных островов (380 км²) делилась поровну между сторонами. И хотя у данного договора нашлось немало критиков, тем не менее главным итогом стало то, что была полностью урегулирована граница России и Китая на Дальнем Востоке [15]. Как заявил Л. Драчевский, бывший тогда полномочным представителем Президента РФ в Сибирском федеральном округе, «передача островов Китаю уберет последний спорный момент в наших отношениях» [16].

Если говорить о перенаселении китайцев в России, то по результатам всероссийской переписи населения 2002 года их было 34 577 человек, а по данным переписи 2010 г - 28 943 человек, что даже для малонаселенного Дальнего Востока это меньше процента. Однако вряд ли это так на самом деле, так по оценкам, на которые ссылался историк В. Дятлов, численность китайцев составляла от нескольких сот тысяч до двух миллионов человек [17]. Причиной такой разницы в цифрах может быть вызвано имеющимися большими возможностями для нелегальной миграции; и низкой эффективностью контроля за этим процессом. Есть мнение о том, что переселение (трудовая миграция, прежде всего) китайцев в Россию вследствие перенаселения в Китае может привести в будущем оккупацией Китаем российского Дальнего Востока. Однако, стоит учесть, что территории Дальнего Востока для китайцев не являются особо привлекательными так как заснеженный Дальний Восток слишком холоден для традиционного китайского образа жизни. Не нужно китайцам и российское побережье Дальнего Востока. У них своя огромная береговая линия и множество более удобных, незамерзающих портов.

Если допустить что Китаю нужны ресурсы и для этого он будет готов даже оккупировать Сибирь и Дальний Восток, то и это выглядит не очень обоснованно. Российская Федерация – ядерная держава, к тому же имеет довольно серьезную армию, и попытка захватить территорию нашей страны встретится с жестоким противодействием, даже несмотря на то, что армия Китая за последние годы усилилась. По данным официального рейтинга армий мира Китай находится на 3 месте в мире, а Россия – на 2 месте [58]. Россия превосходит КНР в количестве самолетов, танков, бронированных машин, в запасах стратегических ресурсов. Да и любой сколько-нибудь масштабный военный конфликт между ядерными державами исключен в принципе. Следует учесть и ещё один момент, подмеченный аналитиками: «Солдаты Поднебесной уже 60 лет ни с кем масштабно не воевали. На последней неудачной войне в Корее в 1950-1953 гг. погибли 400 000 китайцев, на острове Даманском Народно-освободительная армия потерпела поражение, а в 1979 г. Китай увяз в боях во Вьетнаме: за месяц тяжёлых боёв, потеряв десятки тысяч убитыми, китайцы смогли взять лишь один пограничный городок. У

военных КНР отсутствует боевой опыт» [52]. Некоторые исследователи, которые преувеличивают военную мощь Китая и принижают военные силы РФ заставляя думать, что Китай представляет огромную опасность для нашей страны [29]. Тем не менее, война с Россией может означать серьезные последствия для Китая, в то время как он противостоит другому более серьезному противнику – США. Пока существует это противостояние, шанс военной агрессии КНР в сторону Российской Федерации минимален.

В Китае, очевидно преобладающей сейчас является точка зрения, что в современном мире воюют не военные, а бизнесмены, проще подчинить себе экономику России, чем завоёвывать её территорию [52]. Стоит отметить что Китай являясь экономической сверхдержавой проводит экономическую экспансию практически во всех регионах мира, ставя под угрозу целые отрасли национальных экономик. Так что в этом случае стоит быть настороже, тем не менее для противостояния этому стоит развиваться и уметь защищать свою экономику.

Российские ресурсы КНР покупает в России по низким ценам, а потом продает переработанные ей же дороже. Россия при этом всегда готова рассмотреть предложения о совместных проектах по добыче, переработке и транспортировке ресурсов. Кроме этого, в отличие от Японии Китай имеет все-таки хоть какой-то запас ресурсов, особенно такие как каменный уголь и водные ресурсы. Страна также считается мировым лидером по выпуску олова, свинца. Еще одной причиной того что Китай вряд ли будет завоёвывать нашу страну ради ресурсов является то что китайцы уже и так нелегально вырубают леса в Приморье и пользуются другими ресурсами. Такая хозяйственная деятельность китайцев наносит большой экономический и природный ущерб Российской Федерации. Одновременно, нехватка земли стимулирует китайских земледельцев искать её за пределами КНР, и это стремление поддерживается государством. Разработана правительственная программа, поощряющая тех фермеров, которые покупают пашни за границей, и Российская Федерация занимает первое место в этих планах. При этом они используют такие химические вещества, которые (в сочетании с неправильным орошением) наносят серьёзный и невосполнимый ущерб почве и природе, приводит к экологическим бедствиям [81].

Сегодня и Россия, и Китай следуют многополярной концепции мира - концепции международного политического равноправия. Нашими врагами на мировой арене, а таковыми следует считать государства, проводящие в отношении России и Китая политику, направленную на подчинение, ослабление, возможное расчленение и ограничение их влияния в мире, являются одни и те же государства - страны Запада,

особенно США. Взаимодействия между двумя странами усилились особенно после политического кризиса на Украине 2013 – 2014 гг. и последующих санкций Запада в отношении России. Увеличился товарооборот между странами [71].

Также обе страны укрепляют военное партнерство. По оценкам экспертов учения «Восток-2018» стали кульминацией сдвига в российском стратегическом мышлении в отношении Китая, который набрал силу после 2014 года. Однако, еще до этого у Москвы были очевидные причины для более глубокого взаимодействия с Пекином. Во-первых, Россия, как и Китай, очень озабочена сохранением мира и спокойствия вдоль их общей границы протяженностью около 4300 километров. После кровопролитного двухдневного вооруженного столкновения в 1969 году обе страны инвестировали огромные ресурсы в дорогостоящее укрепление охраны своих границ. В восьмидесятые годы они предприняли демилитаризацию приграничных регионов и в конечном итоге урегулировали давний территориальный спор в 2004 году. В настоящее время обе страны видят основные проблемы безопасности не друг в друге, а в других странах, и их общее стремление избежать еще одного источника напряженности является стабилизирующим фактором для двусторонних отношений. Кремль направляет все усилия на войну в Сирии и на Украине, а также на противодействие наращиванию военного присутствия США и НАТО на западной границе России. В свою очередь Китай сталкивается с растущей напряженностью в отношениях с США в сфере безопасности и торговли. Кроме того, различные территориальные споры обостряют отношения с Японией, Филиппинами, Вьетнамом и другими соседними странами. Между тем, КНР продолжает преследовать свою давнюю цель – восстановление контроля над Тайванем.

Второй фактор, способствующий сближению между Россией и Китаем – их экономическая взаимозависимость. Россия является, прежде всего, экспортером сырьевых товаров и испытывает недостаток доступа к современным промышленным технологиям и капиталу. Китай, со своей стороны, является одним из крупнейших в мире потребителей сырья, в частности нефти и газа, и в то же время за последние годы он стремительно вошел в список технологически развитых стран, обладающих избытком капитала для инвестиций за рубежом. Китай выглядит идеальным торговым партнером для России и с 2010 года возглавляет список торговых партнеров России.

Общие политические цели также скрепляют тандем КНР – Российская Федерация. Оба режима ценят стабильность, предсказуемость, обе страны, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, разделяют стремление сформировать новый международный порядок, в основе которого лежало бы уважение суверенитета и ограничение иностранного вмешательства во внутренние дела. Об этом свидетельствуют

дебаты по различным проблемам глобального управления, таким как регулирование деятельности в киберпространстве и контроль над интернетом, где Москва и Пекин регулярно выступают с общих позиций [55].

Новая стратегия национальной безопасности США объединила Китай и Россию в качестве противников, «пытающихся подрвать американскую безопасность и процветание». Растущая обеспокоенность США в отношении Китая и России имела место еще до прихода к власти администрации Трампа, но она подталкивала лидеров обеих стран искать общий язык. Иными словами, политика США подталкивает КНР и Россию к сближению. Одним из результатов этого процесса стали масштабные китайско-российские учения «Восток-2018». Безусловно, у китайско-российского военного партнерства есть свои пределы. Москва и Пекин не стремятся к заключению формального альянса, по крайней мере, пока. Пекин не хочет оказаться втянутым в военную конфронтацию с США в результате российских действий на Ближнем Востоке или в Европе. Точно так же Москва не хочет, чтобы ее принуждали делать болезненный выбор, если Китай столкнется с другими стратегическими экономическими партнерами России, такими как Вьетнам или Индия.

Впрочем, учения, такие как «Восток-2018», улучшают взаимодействие между российскими и китайскими вооруженными силами, которое может пригодиться в региональных горячих точках, таких как Центральная Азия или Корейский полуостров. Укрепление взаимного доверия между российскими и китайскими военными может привести к расширению сотрудничества и координации действий в киберпространстве, особенно в связи с поиском уязвимых мест в военных и гражданских системах связи США. Считается, что российские и китайские разведслужбы уже обмениваются конфиденциальной информацией об операциях ЦРУ, которые проводятся против обеих стран.

Однако, на данный момент самое главное для КНР – непрерывный поток российского оружия, которое в краткосрочной перспективе радикально повысит боевую мощь НОАК. Современная зенитно-ракетная система С-400, приобретенная Китаем у России в 2014 году, позволила КНР контролировать все воздушное пространство Тайваня, что делает оборону острова все более сложной задачей для военно-воздушных сил Тайваня и американских военных стратегов. С-400 также помогут Китаю достичь своей цели и создать в небе над спорными районами Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей опознавательную зону ПВО, в пределах которой китайские военные будут иметь возможность контролировать все иностранные гражданские самолеты. Той же цели будет служить покупка Китаем Су-35, самого совершенного истребителя России [55].

Тем не менее, существуют реальные проблемы и угрозы в отношениях России и Китая:

Во-первых, реальной угрозой является вероятность установления контроля над дальневосточным бизнесом и недвижимостью, учитывая чрезвычайную деловую агрессивность, трудолюбие и целеустремленность китайцев, что делает их чрезмерно сильными конкурентами отечественным предпринимателям и в целом населению.

Во-вторых, весьма реальной является угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент общекитайского рынка, а точнее, превращение экономики Дальнего Востока в сырьевую базу. При этом каких-либо кооперационных выгод не будет.

В-третьих, очень сложной задачей является парирование угрозы длительной консервации отсталой экономической структуры Дальнего Востока на фоне быстрого экономического роста Китая.

В-четвертых, активно реализуемая финансируемая китайским государством программа развития экономики северо-восточных провинций Китая уже привела к ощутимому росту экономики трех сопредельных с Россией провинций КНР. В результате, ряд регионов России вынуждены строить взаимоотношения основанные на интересе собственного экономического выживания.

В целом же, по оценкам экспертов, в последнее время «отношения КНР с РФ являлись практически безоблачными с уровнем напряженности, находящимся на минимальном уровне». При этом отмечается, что «демонстративно близкие отношения с Россией несомненно важны для КНР по нескольким причинам. Дружба с ней повышает его общий региональный вес, вызывая нервозность и обеспокоенность, как у Японии, так и у Южной Кореи. Китай не может не быть удовлетворенным отсутствием у России амбиций самостоятельного игрока на Корейском полуострове и её полной солидарностью с его предложениями по решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы. Наконец, Китай с удовольствием делегирует РФ право если не открытой защиты, то частичного оправдания действий Северной Кореи наряду с обвинениями США и их союзников в нагнетании напряженности в регионе». 2018 год также дал экспертам основания заявлять о том, что «наибольший оптимизм ...демонстрируют ...оценки перспектив развития отношений в паре КНР_РФ» [50].

Аналитики считают, что «в военной сфере со стороны Китайской Народной Республики для Тихоокеанской России нет видимых угроз», впрочем, отмечая ряд рисков для России. С началом реформы Народно-освободительной армии Китая китайскими властями стало уделяться пристальное внимание модернизации вооружённых сил, военные округа превращаются в зоны боевого командования, осуществляется

реструктуризация военного командования, государственного управления и т.д., что свидетельствует о том, что Пекин намерен отстаивать свои региональные политические интересы, опираясь на мощь вооружённых сил и тщательно контролируя морские и сухопутные границы. Вышеназванные тенденции приобретают особое значение в контексте неопределённости на Корейском полуострове. Недавний приезд Ким Чен Ына в Китай показал, что китайское руководство намерено стать медиатором в переговорах КНДР и США. Для Тихоокеанской России невключение в данные процессы может грозить в будущем геополитическими и геоэкономическими потерями, так как в случае нормализации обстановки на Корейском полуострове Китай, вероятно, будет предпринимать попытки [56].

Аналитики, сообщая, что в последнее время самые низкие показатели напряженности в двусторонних взаимоотношений России с государствами региона характеризовали её отношения с Китаем, объясняют это «официально культивируемой близостью и теплотой российско-китайских отношений в качестве альтернативы охлаждению взаимоотношений с Западом в целом и нарастанию особой неприязни в отношениях с США... Россию и Китай объединяет достаточно продолжительная и весьма противоречивая история взаимоотношений, варьирующая от «братской дружбы» до открытых вооруженных столкновений. Территориальные претензии, осложнявшие отношения между ними, в основном были урегулированы после передачи Китаю в 2005 году российских территорий общей площадью 337 кв. километров. Тем не менее, разногласия между сторонами продолжают возникать. Как, например, в 2012 году при решении вопроса о прохождении границы между ними по территории Горного Алтая. Сохраняются, несмотря на позитивную риторику на официальном уровне, также взаимные подозрения и фобии в отношении друг друга на уровне общественного сознания» [50].

Итак, в военном плане Китай является серьезным противником для России, впрочем, как и Россия для него. А это значит война для двух стран мало вероятна, тем более, что их объединяет общий враг – США. Избрав путь не военной, а экономической экспансии, Китай действует «напористо» и России стоит принять серьезные меры для противостояния.

3.2. Динамика вероятных угроз для РФ со стороны Японии

Для Российской Федерации актуальность проблематики территориальных противоречий между государствами региона обусловлена не только необходимостью своевременного вскрытия потенциальных очагов напряженности, но и наличием притязаний на острова Курильской гряды со стороны Японии. При этом следует

учитывать, что подходы Токио к пограничному размежеванию между нашими странами по-прежнему носят неприемлемый для России характер. Выдвигаемые японцами требования по "возврату" островов Итуруп, Кунашир и Малой Курильской гряды ставят под угрозу территориальную целостность Российской Федерации, закрепленную по итогам Второй мировой войны на основании международного права, включая Устав ООН.

Победа России над Японией во Второй мировой войне укрепила символическое значение Курильских островов, которые стали олицетворять необратимость результатов Второй мировой войны и статус СССР/России как великой державы. С этой точки зрения, передача территории рассматривается как пересмотр итогов войны. В то же время, вопрос о возвращении Курильских островов непосредственно связан с национальной идентичностью Японии, а сами эти территории воспринимаются как последний символ поражения во Второй мировой войне. Российское наступление и захват «неотъемлемой территории» Японии способствовали укреплению ментальности жертвы, что стало преобладающим нарративом после окончания войны. Одновременно, сегодня японское правительство должно также учитывать давление общественности, которая требует решения вопросов с Северной Кореей относительно похищения людей и ядерного оружия, что Абэ несколько раз обещал сделать. В результате вопрос о Курилах часто отодвигается на второй план [66].

Правящие круги Японии в лице премьер-министра С. Абэ проводят в отношении Тихоокеанской России умеренную политику, С. Абэ на внутривнутриполитической арене придерживается традиционной японской линии: возвращение четырёх островов и потом – подписание мирного договора. С. Абэ не идёт на уступки России, хотя постоянно говорит о дружбе с российским президентом. При этом, часть оппозиции недовольна политикой Абэ, считая, что он уступает России, и требует от него проведения более жёсткой позиции. Например, ультраправые настаивают на возвращении всех Курил и Южного Сахалина [31]. Территориальные претензии со стороны Японии актуализируют втягивание России при определённых условиях в конфликт на Тихом океане. В этой ситуации мощь ТОФа вызывает вопросы. Некоторые аналитики уже сегодня публикуют алармистские прогнозы. В «Новых известиях» опубликована статья, в которой говорится: «В настоящее время японский флот сильнее Тихоокеанского флота примерно в два-три раза по ударной мощи». Другие эксперты склонны ставить под сомнение объективность такого вывода, но, в любом случае, следует учитывать, что Япония и США связаны договором о военной помощи, и, поскольку потенциал японского флота недостаточен для ведения самостоятельных успешных действий против России, надо полагать, что российскому ТОФу будет противостоять коалиционная японо-американская группировка

ВМС. А против Тихоокеанского Флота РФ США и Япония могут выставить, по оценке д.воен.н. К. Сивкова, 5 авианосцев и 40 крейсеров [31].

С одной стороны, сотрудничество между Россией и Японией в области безопасности активизировалось. В декабре 2017 г. Японию посетил глава российского Генштаба генерал армии Валерий Герасимов, который встретился со своим коллегой из Сил Самообороны Кавано и министром обороны Онодэра. Они договорились провести в 2018 г. 27 совместных мероприятий, включая заходы кораблей, образовательные обмены и т.п. И такие визиты были не единичными. Кроме того, в марте 2017 г. была проведена вторая (после 2013 г.) встреча в формате «два плюс два» [31]. Но, строго говоря, для Японии это явное отступление от традиционного внешнеполитического курса. Япония всегда строго координировала своё поведение с главным союзником – США, и сближение с Россией расходится с позицией Вашингтона. Почему Япония оказалась готова развивать более тесные отношения с Россией в области безопасности? Очевидно, что японские стратеги надеются, что Россия сможет помочь Японии справиться с КНДР и КНР [31].

Наблюдающееся потепление в двусторонних отношениях Российской Федерации и Японии фактически делает невозможным использование Вашингтоном Токио в качестве инструмента антироссийской политики в Азии. Более того, Япония, выступая за повышение своего политического статуса и сохранение диалога с Россией в формате "2+2", может решиться на заключение договора, исключающего взаимные враждебные действия сторон. Так, стремление Японии и Республики Корея снизить степень глубокой зависимости от США видно на примере развития ими отношений с Россией. Торгово-экономическая и инвестиционная повестки наконец отделены Сеулом и Токио от политических вопросов, что создаёт дополнительное пространство для диалога и сотрудничества [13].

Не смотря на то, что главная цель Японии в отношениях с Россией – это решение территориальной проблемы, в военной области в настоящее время стали просматриваться шероховатости. Япония в марте выразила протест Российской Федерации в связи с проведением учений в районе Курил. Министр иностранных дел Японии Таро Коно, выступая перед нижней палатой японского парламента, заявил, что российские военные учения на российской же земле «приводят к усилению российского военного присутствия на северных территориях, что не совпадает с позицией нашей страны по поводу этих островов». В свою очередь, Япония согласилась разместить американские комплексы ПРО Aegis Ashore и многие в японском руководстве удивились, когда официальный представитель МИД РФ Мария Захарова сделала жёсткие заявления по поводу Aegis Ashore. Лавров в интервью японским СМИ прямо заявил, что сотрудничество Токио и

Вашингтона в военной сфере «напрямую затрагивает вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Фактически позиция Японии по отношению к Российской Федерации сводится к выводу, который был опубликован в правой газете «Санкэй» и, на наш взгляд, не отличается от официальной позиции правительства Японии. «Японии следует стремиться к возврату четырёх северных островов. Если этот вопрос будет игнорироваться, а в центре внимания окажется только экономическое сотрудничество, это поставит под угрозу интересы Японии. Совершенно естественно, что эгоистичные действия России вызывают недоверие у японцев. Аннексия Крыма и «северные территории» – это однокоренные проблемы. Нельзя ни в коем случае забывать о том, что Россия – это страна, которая меняет статус-кво при помощи военной силы». В такой позиции Японии и кроются все основные угрозы для России [31].

Аналитики полагают, что рост японской военной мощи противоречит интересам Москвы, хотя на текущем этапе Силы самообороны не представляют угрозы для России. Напряженность во взаимоотношениях России с Японией к настоящему времени находится на достаточно низком уровне, несмотря на противоположность позиций по Курильским островам («вялое соперничество»). Тем не менее, эта проблема уже вошла в категорию «привычных», а лидеры двух стран предпочитают, скорее, демонстрировать риторическую готовность к её решению, нежели обострять ситуацию» [50].

Итак, в отношениях России с Японией существует единственная явная угроза, связанная с претензиями Японии по «северным территориям», впрочем, аналогичные притязания с её стороны существуют и по отношению и к другим соседям. Наличие этой проблемы, а также военно-политическая ориентация Японии на США и возможное проецирование через неё на вопросы региональной безопасности проблемы глобального соперничества США и России являются угрозами для последней, которые необходимо учитывать при анализе геополитической и военно-стратегической ситуации в регионе.

3.3. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны Республики Корея

Республика Корея для Российской Федерации – страна с благоприятным геополитическим профилем. Тем не менее, следует учитывать и некоторые потенциально опасные моменты в отношениях.

Активное подключение России, как и КНР к процессу межкорейского урегулирования в качестве влиятельных посредников, в республике Корея оценивается неоднозначно. С одной стороны, администрация президента Мун Чжэ Инна приветствует любые внешние усилия, подталкивающие Пхеньян к развитию диалога с Южной Кореей,

но «раскол во мнениях политической элиты требует разноречивых действий южнокорейского руководства, которое опасается выглядеть слишком слабым или «мягкотелым» в диалоге с Пхеньяном, а усилить собственные позиции можно только одним способом: традиционной опорой на Вашингтон. Отсюда вбросы в печать информации о готовности отказаться от шестистороннего формата переговоров по корейской проблеме, выдавив из него Россию и Японию. Или только Россию...» [72].

По мнению аналитиков, здесь можно «усмотреть и некий антироссийский контекст, инспирированный не без участия США». Главный вопрос здесь вновь – том, что выгодное главному глобальному геополитическому сопернику России США вытеснение России из участия в процессе межкорейском урегулирования ослабляют её геополитические, да и военно-стратегическое положение в регионе. «И это самый главный вызов для нашей страны, исходящий с юга Корейского полуострова, способный обернуться не только региональными, но и новыми глобальными угрозами». Иными словами, существующая «тесная привязка внешней политики Южной Кореи к внешнеполитическому курсу США» постоянно действующим вызовом для Тихоокеанской России, поскольку Вашингтон со всей очевидностью намерен решать корейский вопрос на своих условиях, «вызовом, который на наших глазах перерастает в угрозу». По мнению экспертов, «Единственный вариант, в котором Россия действительно заинтересована, – это сохранение статус-кво на Корейском полуострове с максимально возможным поддержанием режима межкорейского взаимодействия. Последнее возможно только при самостоятельных усилиях двух корейских государств, американское вмешательство только вредит» [72]. Иными словами, попытка вывести Россию из процесса решения важнейших военно-политических вопросов региона со стороны РК может быть расценена как попытка ослабить Россию в этом пространстве и в данном случае РК напрямую реализует интересы США. Очевидно, что в такой ситуации для южнокорейской администрации наиболее приоритетными являются двухсторонние саммиты и встречи региональных лидеров без участия соперничающих России и США.

План по размещению систем ПРО на Корейском полуострове был утвержден в 2014 году, в период президентства Барака Обамы. Начало его реализации совпало с очередным испытанием баллистических ракет Северной Кореей. В ночь на 6 марта Министерство обороны Южной Кореи зафиксировало пуск четырех ракет с полигона на северо-западе КНДР. Пролетев весь Корейский полуостров в восточном направлении, они упали в Японском море, причем три из них — в исключительной экономической зоне Японии [39]. Как говорится в заявлении северокорейского государственного агентства ЦТАК, страна провела учения по запуску баллистических ракет «Хвасон», которыми руководил

лично глава государства Ким Чен Ын. Как подчеркивало агентство, это стало ответом на ежегодные военные маневры США и Южной Кореи, а также заявления президента США Дональда Трампа об увеличении бюджета Пентагона и о необходимости укреплять ядерные силы Америки. В 2017 году армия США начала в Южной Корее развертывание комплексов противоракетной обороны ТНААД. Две первые установки были доставлены на американскую авиабазу Осан недалеко от Сеула. В свою очередь, как говорится в заявлении Тихоокеанского командования армии США (USPACOM), ядерная и ракетная программы КНДР представляют угрозу международной безопасности и нарушают множество резолюций Совбеза ООН. «В этих условиях развертывание ТНААД укрепляет многоуровневую систему ПРО и вместе с тем — оборонный союз Вашингтона и Сеула против угроз КНДР», — объясняется в сообщении. По словам командующего USPACOM адмирала Гарри Харриса, приведенным в заявлении, действия Пхеньяна «лишь подтверждают целесообразность прошлогоднего решения о поставке ТНААД в Южную Корею». О том, что Сеул заинтересовался ТНААД и запросил у США характеристики комплекса, стало известно в октябре 2013 года. Еще через полгода Пентагон заявил, что изучает места для возможной установки ТНААД в Южной Корее. Наконец, в июле 2016 года Вашингтон и Сеул окончательно договорились о развертывании ТНААД в стране «исключительно для противодействия ядерным и ракетным угрозам КНДР». База Осан расположена в 100 км от межкорейской границы, и разворачиваемые сейчас комплексы оказываются наиболее близко к КНДР из всех американских ТНААД в Тихоокеанском регионе.

Региональные союзники США приветствовали размещение комплексов ПРО в Южной Корее. «Конкретные детали развертывания ТНААД обсуждаются между США и Южной Кореей. Но в любом случае такое развитие сотрудничества двух стран вносит вклад в мир и стабильность в регионе. Наша страна это поддерживает», — говорится в сообщении оборонного ведомства Японии (цитата по ТАСС). Правда, парламентская оппозиция Кореи осудила развертывание ТНААД, назвав ее «односторонним и поспешным решением» [39]. Наиболее резко на действия США отреагировал Пекин. На ежедневном брифинге представитель МИД Китая Гэн Шуан выразил «решительный протест» против размещения ТНААД и отметил, что Пекин «примет необходимые меры для защиты национальной безопасности», а возможные последствия лягут на плечи Вашингтона и Сеула.

Прямой угрозы России размещение американских систем ПРО на Корейском полуострове не несет, хотя косвенная так или иначе присутствует, полагают опрошенные РБК эксперты. Недовольство Москвы объясняется уверенностью российских военных

в том, что установка ТНААД в Южной Корее — это часть плана по созданию азиатской тихоокеанской системы ПРО, дополняющей европейскую, полагает Георгий Толорая. «Размещение американской ПРО направлено на стратегическое окружение Китая и России, и, таким образом, этим странам придется принять ответные меры», — уверен Толорая. На деле ТНААД не может перехватывать российские ракеты и носители ядерного оружия; для Москвы это дело принципа, тогда как для Пекина — реальная угроза, подчеркнул ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Василий Кашин [39].

Кроме того, ещё в 2013 г. депутаты Национального парламента РК выступили с предложением, о сохранении оперативного командования объединённых вооружённых сил РК и США и изучении возможности размещения в стране американского тактического ядерного оружия, что позволит нанести упреждающий ядерный удар в случае возможного нападения со стороны Севера. Дискуссия о возможности его размещения на территории страны продолжается до сих пор. В ответ на заявление в сентябре 2017 г. администрации президента Республики Корея Мун Чжэ Ина о том, что такая возможность не рассматривается, через месяц лидер оппозиционной Корейской партии свободы Хон Ён Пхё сообщил о своей поездке в США с целью убедить руководство страны разместить в Южной Корее тактическое ядерное оружие [49].

Тем не менее, отмечая, что к 2018 году двусторонние взаимоотношения России и РК, как и России с Китаем характеризовались самыми низкими показателями напряженности [50], эксперты причины этого усматривали в том, что в отношениях Южной Кореи с Россией отсутствует какой-либо серьёзный негативный исторический контекст, кроме того, «у нас нет соприкасающихся сухопутных границ и, соответственно, отсутствуют территориальные претензии. Со времени восстановления дипломатических отношений в 1991 году Россия и Южная Корея проявляли заинтересованность в развитии отношений, пытались использовать имеющиеся возможности для расширения экономического и политического сотрудничества. Россия надеялась на привлечение южнокорейских инвестиций и технологий для подъёма Дальнего Востока, а Южная Корея, в свою очередь, помимо доступа к сырьевым ресурсам и Российским рынкам, рассчитывала использовать возможности России для урегулирования ситуации на Корейском полуострове»[50].

Для Республики Корея главная опасность не ракетно-ядерная программа КНДР, а скорее действия США по наращиванию экономического и силового давления на Пхеньян. В связи с этим Сеул склонен к проведению независимой "северной" политики, а также более тесному взаимодействию с Пекином и Москвой по вопросам урегулирования кризиса на полуострове [13].

Итак, к угрозам для России со стороны РК, при общей благоприятной и неконфликтной ситуации между двумя странами, можно отнести: размещение на территории РК американских систем ПРО, военное присутствие США и его дальнейшее расширение, возможный отказ от посредничества России в вопросе межкорейского урегулирования, который ослабит позиции России в регионе и сыграет тем самым на руку главному глобальному конкуренту – США.

3.4. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны КНДР

Корейский полуостров формально находится в состоянии войны, поскольку Корейская война 1950-1953 годов закончилась подписанием перемирия, а не мирного договора. КНДР и Республика Корея не признали (и до сих пор не признают) друг друга, считая своей суверенной территорией весь Корейский полуостров. В конце XX — начале XXI в. на Корейском полуострове, с одной стороны, сохранялись атрибуты, жесткого биполярного противостояния, а с другой — проявлялись признаки определенной разрядки, возобновлялся межкорейский мирный диалог. Постоянно действующим фактором нестабильности на полуострове стала военная ядерная деятельность КНДР. Ядерные и ракетные программы Северной Кореи создали реальную угрозу международному режиму нераспространения. Усилия мирового сообщества по политическому урегулированию северокорейской ядерной проблемы пока не дают позитивных результатов [64].

Что касается КНДР, как «основного драйвера напряженности в регионе, то к 2018 году отношения её с Россией «характеризуются самым низким уровнем напряженности», и Россия «кажется ей довольно привлекательным союзником» [50]. Аналитики утверждают, что КНДР не воспринимает Тихоокеанскую Россию как проблемную приграничную территорию [41]. Для нас же Северная Корея с её ракетно-ядерной программой – это территория повышенных рисков и угроз. Достаточно вспомнить, что проблемный испытательный полигон в провинции Северный Хамгён находится в 200 километрах от границы с Приморским краем. Для Тихоокеанской России это прямая угроза. Нет сведений о том, что КНДР имеет собственную доктрину национальной безопасности. Вместо неё существует идеология «сонгун», носящая по содержанию форму военно-ориентированной политики. Таким образом, и в теории, и на практике мы видим, что у Северной Кореи отсутствуют инструменты межгосударственного регулирования и сдерживания конфликтного потенциала [41].

Даже в нынешней ситуации потепления межкорейских отношений «сложно предположить, что северокорейский лидер полностью откажется от разработок ядерного оружия, которое обеспечивает не только его собственную безопасность, но и легитимность правящего режима». Эксперты считают, что Ким Чен Ын «скорее всего... будет искать более долгие и обходные пути, позволяющие ему удерживать авторитет среди граждан страны и внутренних элит». И даже если северокорейский лидер решится на шаги в сторону денуклеаризации, «денуклеаризация – это процесс десятилетий», поэтому ждать моментального решения угрозы безопасности России в этом направлении не приходится [41].

Безусловно, текущие события влияют на региональную стабильность Тихоокеанской России. В этих условиях Россия может выполнить, наряду с Китаем важную функцию «переговорщика» [41]. Наряду с непрофессионализмом и непредсказуемостью действий в этом направлении США, у аналитиков вызывает беспокойство позиция Ким Чен Ына, акцентирующего внимание на переговорах по денуклеаризации с главным актором региона - США: «Не стал ли он разыгрывать сценарий отстранения Китая и России, как прямо заинтересованных посредников». «Вполне реально, что и американская сторона может выдвинуть такие условия сделки, которые бы ограничивали или даже перекрывали наиболее чувствительные каналы взаимодействия Пхеньяна с Китаем и Россией по линии дипломатии и спецслужб. И Ким Чен Ын в угоду призрачным возможностям заключения мирного договора или ослабления санкционного режима может по некоторым позициям пойти на уступки. А это для Тихоокеанской России и, в первую очередь, для Китая предполагает определённые риски, заключающиеся в том, что в перспективе при формировании архитектуры безопасности в СВА (в том числе, на Корейском полуострове) лидерство могут захватить США, что вполне устроит РК и в Японию [41].

Эксперты отмечали, что в 2018 году наиболее высокой была вероятность роста напряженности в паре Россия – КНДР, наряду с Россия-США. Эксперты убеждены, что кризисная ситуация на Корейском полуострове, основными противостоящими силами в которой являются США и КНДР, сохранит свою остроту в ближайшем будущем. Новых и сколько-нибудь реальных и эффективных стратегий её разрешения не просматривается. Формально не одобряя стремлений КНДР превратиться в действительную ядерную державу и поддерживая международные усилия по сдерживанию её ракетных амбиций, Россия открыто не может полностью встать на её сторону. Вместе с тем Российская Федерация, вероятно, будет пытаться укрепить отношения с Северной Кореей с целью повышения собственного регионального веса в качестве посредника» [50]. По оценкам экспертов, «довольно спокойно вела себя Россия в ситуации нараставшего практически

весь 2017 г. непосредственно на её границе кризиса вокруг ракетно-ядерной программы КНДР. «России ничего не угрожает, поскольку запускаемые КНДР ракеты не летят в сторону нашей страны, – заявил первый заместитель главы оборонного комитета Совета Федерации Российской Федерации Ф. Клишчевич, – если же какая-то угроза всё же возникнет, она будет локализована». Риск увеличения числа стран-обладателей ядерного оружия, выделенный в числе внешних угроз в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, не воспринимается как таковой применительно к ситуации на Корейском полуострове, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР прямо не направлена на Россию [51].

Итак, в смысле возможной дестабилизации военно-политической ситуации в АТР (а также в экологическом, социально-экономическом смысле), угрозой для России, как и для других стран региона, являются ракетно-ядерная программа и непредсказуемость действий руководства КНДР. При этом программа не направлена на Россию КНДР не рассматривается как возможный военный противник Российской Федерации. Для Тихоокеанской России также есть определённые риски, заключающиеся в том, что в перспективе при формировании архитектуры безопасности на Корейском полуострове, в случае исключения Российской Федерации из числа посредников в межкорейском урегулировании, лидерство в регионе могут захватить США.

3.5. Динамика вероятных угроз для Российской Федерации со стороны США

Потенциальным противником России в регионе является США. С США у России давние и, за редким исключением, напряженные отношения в глобальных масштабах. Отношения обострились вновь после заявления Президента США Дональда Трампа о выходе США из договора о запрете ракет малой и средней дальности. "Это угроза, <...> которая включает в себя и Китай, и Россию, и любого, кто хочет играть в эти игры", - отметил он. Также президент США заявил, что КНР должны также подписать Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности. "Китай не является частью этого соглашения (ДРСМД), но они должны быть включены в него", - сказал Трамп [74].

Как зафиксировано в стратегии национальной безопасности США, Россия наряду с КНР воспринимается американским правительством в качестве ведущей ревизионистской силы, подрывающей влияние Соединённых Штатов. На АТР проецируется военно-политический аспект эрозии проамериканского миропорядка ввиду военного сотрудничества России и Китая в регионе. При этом в правительстве склонны трактовать это сотрудничество как союзничество, которое необходимо ослабить с помощью

полезного для Вашингтона взаимодействия с каждой из сторон [6]. В США традиционно считают очень высокой киберугрозу со стороны Российской Федерации и Китая. Так, 30 ноября 2017 года Элейн Дьюк исполняющая обязанности главы министерства внутренней безопасности США во время своего выступления на слушаниях в палате представителей Конгресса высказала свое мнение об «исходящей от России и КНР киберугрозе». По ее словам, если считать по десятибалльной шкале, то она бы остановилась на оценке в 7-8 баллов. В начале 2017 года директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер, выступая в Конгрессе, отмечал, что Китай не прекращает кибершпионаж против США [44].

Итак, США выступают в роли главного противника Российской Федерации в регионе который видит в России «агрессора». В проекте бюджета США указаны приоритетные направления, на которых США намерены наращивать инвестиции, чтобы не стать уязвимой целью для России Речь идет в первую очередь об электромагнитном оружии и о защите от угроз в цифровом пространстве.

Негативное воздействие на развитие ситуации в регионе оказывает также высокая интенсивность совместной оперативной и боевой подготовки вооруженных сил Республики Корея и США. Данные мероприятия рассматриваются КНДР, впрочем, как и Россией и Китаем, как прямая угроза национальному суверенитету и традиционно ведут к обострению отношений в Северо-Восточной Азии. Так, в марте-апреле 2017 года на территории РК, в прилегающих акваториях Японского и Желтого морей, а также в воздушном пространстве над ними проведено американо-южнокорейское учение "Фоул игл-2017", которое стало наиболее масштабным за последние годы (привлекалось около 250 тыс. южнокорейских и 25 тыс. американских военнослужащих). На его фоне организовано более 20 частных учений и тренировок [83].

США при новой администрации по-прежнему не рассматривают Россию как значимого регионального игрока в АТР. За исключением вопросов урегулирования ситуации на Корейском полуострове, в рамках которого они признают участие Москвы (хотя оно и видится Вашингтоном менее значимым, чем участие Китая), США не считают необходимым выстраивать с ней взаимодействие. Подобное игнорирование с учетом современного состояния российско-американских отношений может оказаться даже полезным. В условиях крайне негативного отношения к российской внешней политике любые действия Москвы, оказывающиеся в поле внимания Вашингтона, становятся объектом критики. Пренебрежение США к действиям России в регионе снижает уровень противодействия со стороны Вашингтона активизации сотрудничества Москвы с другими игроками, в том числе Японией и Южной Кореей [32].

Вместе с тем характерное для администрации Д. Трампа стремление к выстраиванию привилегированных отношений с КНР может оказать неблагоприятное воздействие на реализацию российских интересов. Успешное сближение США и КНР в стратегическом плане не только снижает потребность США в нормализации отношений с Россией, но и может ослабить заинтересованность Китая в углублении кооперации с ней. В то же время в настоящее время условия для установления глубокого американо-китайского партнерства по типу выдвигавшейся ранее формулы «G2» и формирования их совместного кондоминиума в Азии в обозримой перспективе не просматриваются.

Еще одной негативной тенденцией для России становится стремление Соединенных Штатов к размыванию институциональных сдержек и акцентирование двусторонних договоренностей с ведущими партнерами. Подобный подход не будет способствовать реализации российских инициатив по выстраиванию архитектуры безопасности в АТР на внеблоковой основе. Наоборот, он уже сегодня приводит к активизации эксклюзивных союзов в регионе (в первую очередь американо-японского и американо-южнокорейского) [32].

Наконец, вызовом политики Д. Трампа для России становится и акцентирование силового инструментария, стремление нарастить военное присутствие в регионе и готовность поощрять дальнейшее расширение Токио функций и материальных возможностей его сил самообороны. С учетом сохраняющегося спора между Россией и Японией за Южные Курилы, а также неурегулированного вопроса о разграничении морских пространств между Россией и США в Беринговом проливе наращивание американо-японского силового потенциала может привести к возрастанию рисков его использования в качестве инструмента политического давления. Изменение соотношения материальных возможностей и дальнейшая милитаризация региона могут потребовать выделения дополнительных средств со стороны России на укрепление Тихоокеанского флота и потенциала воздушно-космических сил на Дальнем Востоке [23].

По мнению экспертов, Россия долгое время не уделяла значительного внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону. Только в рамках "новой восточной дипломатии" разворачиваются многомерные отношения с каждой из входящих в него стран в отдельности, однако по-прежнему Москва концентрируется на стратегическом партнёрстве с КНР. В итоге присутствие Соединённых Штатов по-прежнему остаётся системообразующим фактором комплекса региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. При этом Вашингтон занимает достаточно прямолинейную позицию по ключевым региональным вопросам, не сбрасывая со счетов применение военной силы и грубого политического и экономического давления [13].

Прогнозы экспертов по поводу возможностей выстраивания отношений с США в регионе не оптимистичны: «Если обратиться к ...исторической аналогии, то сотрудничество между Москвой и Вашингтоном станет возможным только в условиях экономического и политического ослабления РФ. Каковы риски и возможности для взаимодействия Тихоокеанской России и Соединённых Штатов в этих условиях [6].

В то же время, в связи с намерением Вашингтона спровоцировать автаркию российского хозяйства и его политического нажима на другие страны, существует высокий риск разрыва выгодных для региональной экономики внешних связей. Как следствие, интеграционное окно может сузиться до взаимодействия с Китаем. В перспективе единственным смягчающим фактором здесь может быть многостороннее взаимодействие в контексте «северной экономической политики» РК [6]. Ещё один риск связан с выполнением санкций СБ ООН в отношении КНДР, которые были приняты под давлением США. И хотя они преследуют полезную для Тихоокеанской России цель денуклеаризации Северной Кореи, экономике первой после введения полного запрета на использование северокорейской рабочей силы придётся решать проблему поиска дешёвых трудовых ресурсов, обладающих высокой трудовой дисциплиной. В контексте развивающихся тенденций на Корейском полуострове появляются и новые риски в сфере безопасности. Пока северокорейский режим не откажется от ядерного оружия и отношения США и КНДР будут находиться, как минимум, в состоянии неопределённости, режим КНДР будет трактоваться как режим-изгой, от которого исходит витальная угроза для США. В случае гипотетического улучшения американо- северокорейских отношений ключевыми региональными угрозами для Соединённых Штатов, требующими первоочередного реагирования, станут Китай и Россия. В отношении их курс американского правительства будет включать следующие элементы: негативная пропаганда с целью укрепления военно-политических союзов и снижения уровня отношений РК и Японии с Россией, а также интенсивная, в том числе внезапная военная активность у границ. Этим будет провоцироваться ответная реакция со стороны ВС РФ, подразумевающая дополнительные финансовые траты в ущерб другим статьям бюджета [6].

Перспектива появления «азиатской Антанты» или даже «азиатского НАТО» под эгидой США явилась бы, очевидно, весьма и весьма тревожной новостью для Москвы. Сейчас у России имеется потенциал, в том числе институциональный, для продвижения своего видения архитектуры безопасности если не для всей Большой Азии, то, по крайней мере, для её континентальной части. А число потенциальных партнеров России в АТР едва ли уступает таковому у США. Однако практическая проработка и реализация

полномасштабной российской стратегии для Азии потребует долгосрочного «интеллектуального лидерства» и дипломатии высочайшего класса [25].

Эксперты отмечают, что «заметную напряженность в региональном контексте между США и Россией создаёт... их более широкое «внерегиональное» соперничество. Именно им, во многом, обуславливается предрасположенность обеих сторон занимать противоположные позиции практически по любому региональному вопросу. Несколько меньший уровень напряженности во взаимоотношениях между ними в данном случае может быть объяснен тем, что каждая из сторон отдает себе отчет об опасности эскалации региональной проблемы до уровня реального «горячего» конфликта» [50].

По оценкам аналитиков, «наиболее высокий уровень напряженности в двусторонних региональных взаимодействиях отличал в 2017 году отношения России и США. В отсутствие сколько-нибудь серьёзных противоречий между ними, имеющих региональную «привязку», за исключением возлагаемой совместно с Китаем на США ответственности за кризис вокруг Корейского полуострова, это, скорее, является результатом «перенесенной» с глобального уровня... напряженности вследствие усугубляющегося между странами позиционного кризиса. В региональном контексте позиция РФ в отношении США обуславливается также предположениями о растущем соперничестве между США и Китаем и демонстрацией РФ своей антиамериканской позиции» [50]. 2018 год характеризуется ростом напряженности прогнозировалась в паре Россия-США. Эксперты судя по всему убеждены, что кризисная ситуация на Корейском полуострове, основными противостоящими силами в которой являются США и КНДР, сохранит свою остроту в ближайшем будущем. Новых и сколько-нибудь реальных и эффективных стратегий её разрешения не просматривается. Формально не одобряя стремлений КНДР превратиться в действительную ядерную державу и поддерживая международные усилия по сдерживанию её ракетных амбиций, Россия открыто не может полностью встать на её сторону. Вместе с тем РФ, вероятно, будет пытаться укрепить отношения с Северной Кореей с целью повышения собственного регионального веса в качестве посредника» [50].

Принципиальное соперничество РФ с США также, скорее всего, не потеряет своей остроты в краткосрочной перспективе, а конфликт вокруг северокорейской ядерной программы будет также рассматриваться Россией через призму перспектив ограничения и сдерживания региональной активности соперника [50].

Итак, наращивание военного присутствия США в регионе, стремление втянуть в орбиту своего влияния Китай, ослабив его отношения с Россией, акцентирование двусторонних договоренностей с ведущими партнерами в регионе – Японией и РК при

игнорировании назревшей необходимости создания системы региональной безопасности, угроза создания международной системы безопасности в регионе под эгидой США, акселерация конфликта с КНДР и одновременно – стремление США стать главным арбитром, выдавив из процесса урегулирования Россию – эти угрозы со стороны США в АТР не имеют собственно региональной конфликтной составляющей, а отражают глобальную конфронтацию России и США.

3.6. Общая характеристика военно-политической ситуации в АТР и положения в регионе России

Военно-политическая ситуация в АТР в последние годы становится все более напряженной. Сейчас в мире – три основных «центра силы» - США, Китай и Евросоюз. И первые два из них находятся в АТР. Продолжаются взрывоопасные споры, затрагивающие территориальную целостность и суверенитет крупных стран, — например, Южно-Китайское море постепенно приобретает статус одной из наиболее острых и значимых горячих точек мира. Во взаимоотношениях стран региона все отчетливее виден отпечаток американо-китайского соперничества, которое постепенно смещается из политической и экономической сфер в военную и влияет на поведение менее крупных региональных держав. Обострение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях уже привело к разворачиванию локальной гонки вооружений между Китаем с одной стороны и США, Японией, Вьетнамом и Филиппинами с другой. Тайвань после прихода к власти Демократической прогрессивной партии в результате выборов 2016 года может вернуть себе роль ключевого раздражителя в китайско-американских отношениях и самой потенциально опасной горячей точки в западной части Тихого океана. На фоне этих событий в 2016 году обострилась и давнишняя проблема ядерной программы КНДР.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия занимает важное, но далеко не ведущее место. Борьба за лидерство в регионе между США и Китаем, историческое противостояние КНДР и Южной Кореи являются наиболее острыми в регионе, и в этих противостояниях Россия занимает роль стороннего наблюдателя. Главными же противниками России в регионе являются Япония и США. С точки зрения возможностей обеспечения национальной безопасности ситуация для России в Азиатско-Тихоокеанском регионе складывается благоприятно. Цель российской внешней политики — сохранить эти уникальные преимущества и использовать их для продвижения проектов экономической интеграции со странами региона.

России не участвует ни в одном из упомянутых конфликтов. Российская политика в регионе в постсоветский период развивается практически с чистого листа. Она свободна от проблем болезненной исторической памяти, нечетких границ и запутанной системы взаимных претензий и обязательств, отравляющих отношения России со странами Европы и республиками бывшего СССР. Конфликты, которые происходили у России с Китаем и Японией в прошлом, были болезненными, но глубоко второстепенными для всех вовлеченных сторон. Территориальные споры с Китаем к настоящему времени разрешены, а территориальный спор с Японией, несомненно негативно влияющий на российско-японские отношения, тем не менее уже не является значимым для безопасности России. Ни российские, ни японские специалисты не рассматривают вооруженный конфликт из-за островов на оспариваемых Японией Южных Курилах как сколько-нибудь вероятное событие. Что касается отношений с другими региональными игроками, то в них Москва может опираться либо на весьма значительный положительный багаж, унаследованный от СССР (например, с Вьетнамом и Индией), либо по крайней мере на отсутствие негативного влияния исторического прошлого.

Оценивая динамику вероятных угроз для РФ со стороны противников в АТР можно утверждать, что угроза невысока. И это связано с несколькими факторами. Для России главным фактором является удаленность от АТР основных политических, экономических, технических и военных центров, а также проживание большей части населения в западной части страны. Поэтому даже размещение американской ПРО в Южной Корее не вызывает серьезного ответа, в отличие от размещения ПРО в Румынии и Польше [60]. Для главных противников России в АТР – Японии и США – есть более серьезный раздражитель Китай. Именно на сдерживание Китая направлено расширение американского военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одновременно, в АТР современные тенденции изменения роли США в поддержании их доминирования накладывают отпечаток на внутрирегиональные процессы. Рост влияния Китая в АТР более не воспринимается соседними государствами как прямая и явная угроза вопреки тому, как это преподносят США. Повышаются как уровень политической самостоятельности стран региона, так и степень их экономической зависимости от КНР. Несмотря на углубление кризиса американоцентричного формата партнёрства в регионе, Китай оказался не в состоянии предложить универсальной структуры, сделав акцент на экономические аспекты взаимодействия. Видение КНР вопросов безопасности в АТР и в полной мере не разделяется ни одним государством субрегиона [13].

Говоря о возможных варианты развития военно-политической ситуации в Азии, эксперты отмечают, что масштабный военный конфликт в регионе, «представляется маловероятным, полностью исключить его возможность нельзя» [32]: И сценарии здесь связаны с очевидной биполярностью региона, где конкурирующими центрами силы сегодня являются США и Китай. Эксперты призывают «учитывать как минимум три варианта масштабной войны в регионе. Речь идет о войне на Корейском полуострове с вовлечением США и КНР; военно-морских столкновениях между Китаем и США или сухопутных между Китаем и Индией; очередном пограничном индо-пакистанском конфликте, перерастающий в полноценную региональную войну. Эти конфликты будут по-разному воздействовать на китайско-американские отношения и на ситуацию в Азии, но все они, так или иначе, будут подталкивать регион в сторону конфликтности, биполярности и ограничивать возможности его экономического объединения. При сохранении нынешних тенденций Япония будет и дальше двигаться в общем фарватере политики США в АТР, а Россия — в фарватере азиатской политики Китая [32].

Общий уровень напряженности во взаимоотношениях между Российской Федерацией и государствами региона оценивается экспертами как самый низкий. Это, отчасти объясняется весьма сдержанным поведением и демонстративным желанием остаться над многочисленными противоречиями, разделяющими региональных участников. В то же время такое её поведение во многом связано с общей слабостью политических и экономических позиций РФ в регионе, отсутствием действенных рычагов, способных влиять на региональное положение дел, а также очевидным нежеланием каким-то образом осложнить для себя ситуацию на восточных рубежах вдобавок к внешнеполитическим трудностям на западе [50].

По мнению аналитиков, к 2018 г. в АТР сформировался комплекс рисков, угроз и вызовов безопасности Тихоокеанской России. Отмечено, также, что «главные угрозы безопасности и устойчивому развитию Тихоокеанской России имеют объективный и долговременный характер». Одной из значимых угроз безопасности Тихоокеанской России эксперты назвали в 2018 году «проблемы Корейского полуострова, которые связаны с ракетно-ядерной программой КНДР и процессом дипломатического урегулирования. Ввиду того, что государства, вовлечённые в процесс денуклеаризации Северной Кореи, придерживаются разных политических и дипломатических стратегий, сохраняется риск негативных для Тихоокеанской России сценариев событий на полуострове [80].

Одной из отличительных особенностей региона, сохраняющейся до настоящего времени, является отсутствие значимых общерегиональных договорённостей по

обеспечению безопасности в их традиционном виде. Относительная стабильность в регионе обеспечивается сочетанием системы двусторонних договоров о безопасности США с их союзниками в регионе: Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом, Тайванем и ряда разных по формату свободных форумов по сотрудничеству в области безопасности. В стратегических построениях США этот формат получил название «системы оси и спиц»: осью являются сами Соединённые Штаты, договоры которых со стратегическими союзниками в регионе уподоблены «спицам». Изменение ситуации, сопровождаемое модификацией подходов отдельных стран-союзников к военно-стратегическому партнёрству с США, не нарушает общей устойчивости ситуации в регионе, обеспечиваемой за счёт «многослойного» характера «системы оси и спиц».

Фактически, одна часть существующей ныне в регионе системы безопасности основывается на организационном фундаменте времён холодной войны, другая представляет собой новые, несовершенные и ограниченные по составу и компетенциям, устройства. Основная причина отсутствия в регионе надёжной институциональной системы обеспечения безопасности, как правило, связывается с противодействием реализации таких идей со стороны США, а также, не в меньшей степени, с опасениями большинства азиатских стран относительно возможного ущемления их суверенитета. На противоположном полюсе таким же наследием периода холодной войны выступает Договор о взаимопомощи и сотрудничестве между КНР и КНДР 1961 г.. Коллективные (групповые) механизмы безопасности в большинстве своем представлены в регионе соглашениями и институтами, инициированными АСЕАН [49].

Парадоксом ситуации в АТР эксперты называют то, что на фоне отсутствия эффективной системы безопасности и сотрудничества в регионе, ни российские дипломаты, ни военные, ни большая часть академического сообщества не усматривают наличия каких-либо очевидных и серьёзных угроз для РФ на её восточных рубежах [51].

«С точки зрения возможностей обеспечения национальной безопасности, – убеждены российские специалисты, – ситуация для России в Азиатско-Тихоокеанском регионе складывается благоприятно. Цель российской внешней политики – сохранить эти уникальные преимущества и использовать их для продвижения проектов экономической интеграции со странами региона». Единственная угроза Тихоокеанской России, которая чётко локализована в Стратегии национальной безопасности РФ и вызывает сегодня озабоченность у российских официальных лиц, это размещение в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США. Как недавно заявили в Генштабе Вооружённых сил РФ, проблема в этом

случае связана с тем, что американская система противоракетной обороны, может перехватывать российские, а также китайские баллистические ракеты [51].

Возможность улучшения отношений РФ в регионе аналитики видят прежде всего в заметном потеплении взаимоотношений России с Японией и Южной Кореей, а также несколько меньшим ожидаемым прогрессом в паре РФ-КНР. Несколько меньший уровень позитивных ожиданий по поводу отношений в паре РФ-КНР, возможно, объясняется представлениями о том, что текущий их уровень является пиком и пространство для дальнейшего сближения двух стран, по сути, исчерпано. В то же время, какие –либо обстоятельства или факторы, угрожающие ухудшением взаимоотношений между ними, также отсутствуют и в ближайшей перспективе не просматриваются [51].

Поэтому аналитики отмечают, что «возможность возникновения вооружённого конфликта в зоне Тихого океана существует и в определённых условиях может нарастать. В отношении России опасность втягивания её в военный конфликт или даже войну сохраняется. Вряд ли России удастся остаться в стороне в случае возникновения конфликта на Корейском полуострове. Да и к самой России у других стран имеются претензии. Со стороны Японии – территориальные, а со стороны США могут последовать требования о пересмотре исключительных морских зон и распределения сфер влияния в Арктике. Для Тихоокеанской России это особенно актуально. В обоих случаях основным содержанием конфликта (войны) будет вооружённая борьба на море, а главным инструментом его ведения – флоты [31].

Напротив, ресурс улучшения отношений в парах РФ – Япония и РФ – РК выглядит далеко не исчерпанным. Ожидается, что эти региональные партнеры России с большей готовностью пойдут на сближение под воздействием как позитивных (выгоды экономического сотрудничества и участие в освоении Российского Дальнего Востока), так и негативных (опасность российско-китайского альянса, рост напряженности вокруг корейского полуострова) стимулов. Тем не менее, радикального снижения уровня напряженности в краткосрочной её перспективе в сравнении с текущим её уровнем ни в одном из случаев эксперты не ожидают [50].

Итак, несмотря на низкий уровень напряженности в отношениях между странами региона и Россией, угрозы и риски есть в каждом из рассмотренных случаев, тем более, что каждый из геополитических игроков в последние годы проводит политику милитаризации внутри своей страны. В значительной степени на ситуацию в регионе влияет внерегиональное, глобальное соперничество – России и США и Китая и США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом при относительной стабильности военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняются потенциальные предпосылки к ее обострению. В то же время для стран АТР характерно усиление значения экономической составляющей в структуре обеспечения национальной безопасности. Это соответствует общей тенденции формирования здесь экономического сообщества государств, безопасность которых будет обеспечиваться не только военными средствами, но в значительной мере заинтересованностью каждой страны в благополучии своих экономических партнеров и стабильной политической ситуации. В настоящее время в значительной степени на ситуацию в регионе влияет внерегиональное, глобальное соперничество – России и США и Китая и США, что само по себе подтверждает наличие мирного потенциал для разрешения собственно региональных проблем.

В ходе проведенного исследования, направленного на решение поставленных задач, нами сформулированы следующие выводы:

1. В процессе исследования выявлены основные страны-игроки на геополитическом пространстве региона – Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея, Корейская Народно-демократическая Республика и США. КНР на современном этапе, активно проводя реформы НОАК, модернизирует и необходимый для милитаризации экономический и научный потенциал, демонстрируя своим потенциальным соперникам качественный и количественный рост НОАК. Военно-экономический потенциал Японии в соответствии с её новыми стратегическими задачами, направленными на превращение Сил самообороны в полноценную армию и при поддержке американских поставок оружия, технологий пока ещё остаётся «оборонительным» по форме, но по сути даёт возможности активной милитаризации Японии. Для Республики Корея состояние постоянной военной угрозы со стороны ближайшего соседа и необходимости боевой готовности в комплексе с высокоразвитым научно-промышленным сектором и значительными финансовыми возможностями создают условия перманентной милитаризации, необходимой для поддержания обороноспособности. КНДР, несмотря на свою технико-экономическую отсталость, обладает сильной и боеспособной армией, а главное – ракетно-ядерным оружием, испытания которого регулярно проводятся, поэтому процессы милитаризации для КНДР – такая же очевидная тенденция, как и для их ближайших соседей по региону и для их главного врага - США. США в регионе – самый мощный игрок, военно-экономический потенциал которого работает на поддержание

глобального лидерства, главной стратегической задачей в АТР является сдерживание растущего военного и экономического влияния КНР. Исследование военно-экономического потенциала ведущих стран АТР позволило выявить несомненных и соперничающих лидеров – США и КНР, страны-сателлиты США (Япония и Южная Корея), особое место занимает в этой картине КНДР, обладающая меньшим военно-экономическим потенциалом, но несущая угрозу всем геополитическим игрокам региона, при этом ориентирующаяся на взаимодействие с КНР.

2. Рассмотрев динамику процессов милитаризации в ведущих странах АТР, констатируем, что за последний, 2018 год все страны, несмотря на то, что в регионе нет очевидных конфликтных ситуаций, и в приоритете – экономическое сотрудничество и мирное сосуществование, тем не менее, продемонстрировали наращивание военной мощи. Китай, заявляющий о том, что делает ставку не на военную, а на экономическую экспансию, проводит очевидную политику милитаризации, которая отражается прежде всего в военной реформе, проходящей в КНР. США выступают главным конкурентом КНР, несомненный взаимный интерес нормализации китайско-американских отношений осложняется наличием множества крупных и мелких противоречий между двумя странами: проблемой Тайваня, морскими спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, торгово-экономическими войнами и, наконец, статусным соперничеством. Процессы милитаризации, происходящие в Японии на сегодняшний день имеют два аспекта – тенденцию усиления Сил самообороны (Япония проводит перевооружение армии и увеличение военно-технического потенциала преимущественно связанных с ВВС и ВМС) и военно-стратегическое партнерство и включенность Японии в процессы милитаризации присутствия США в регионе. Главным фактором милитаризации стал запуск собственной ядерной программы Северной Кореи и успешное испытание баллистических ракет, которые смогли достичь и упасть в акватории японского моря, в непосредственной близости от береговой линии и зоне исключительного экономического влияния Японии. Безусловно ориентируясь на приоритетное сотрудничество с США в военной сфере, Республика Корея, где также налицо – усиление армии и военного присутствия США, занимает крайне сдержанную позицию по основным вопросам региональной безопасности – спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. РК предпочитает не обострять ситуацию, а также чаще всего призывает к мирному решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы. В XXI веке Северная Корея, являющаяся в настоящее время главным дестабилизирующим военно-политическую ситуацию региона фактором, совершила качественный рывок в своей милитаризации, к концу 2017 года Северная Корея стала

государством с межконтинентальными баллистическими ракетами и значительным запасом ядерного оружия. Очевидны попытки США сохранить и укрепить своё военно-экономическое лидерство в регионе за счет изменения конфигурации международного пространства ИТР, усиления своего военного присутствия в регионе, поддержку милитаризации в странах-партнерах (Япония, РК), сдерживание и нейтрализация стран-конкурентов (КНР, Россия), всемерное противодействие стране-врагу (КНДР).

3. Что касается угроз непосредственно для Российской Федерации, исходящих со стороны стран-игроков в АТР, то, несмотря на низкий уровень напряженности в отношениях между странами региона и Россией, угрозы и риски есть в каждом из рассмотренных случаев, тем более, что каждый из геополитических игроков в последние годы проводит активную политику милитаризации. В значительной степени на ситуацию в регионе влияет внерегиональное, глобальное соперничество – России и США и Китая и США. В военном плане конфликт Китая и России маловероятен, тем более, что их объединяет общий враг – США. Однако, избрав путь не военной, а экономической экспансии, Китай действует «напористо» и России стоит принять серьезные меры для противостояния. В отношениях России с Японией существует единственная явная угроза, связанная с претензиями Японии по «северным территориям», впрочем, аналогичные притязания с её стороны существуют и по отношению и к другим соседям. Наличие этой проблемы, а также военно-политическая ориентация Японии на США и возможное проецирование через неё на вопросы региональной безопасности проблемы глобального соперничества США и России являются угрозами для последней, которые необходимо учитывать при анализе геополитической и военно-стратегической ситуации в регионе. К угрозам для России со стороны РК можно отнести: размещение американских систем ПРО, военное присутствие США и его дальнейшее расширение, возможный отказ от посредничества России в вопросе межкорейского урегулирования, который ослабит её позиции в регионе и сыграет тем самым на руку главному глобальному конкуренту – США. В смысле возможной дестабилизации военно-политической ситуации в АТР (а также в экологическом, социально-экономическом смысле), угрозой для России, как и для других стран региона, являются ракетно-ядерная программа и непредсказуемость действий руководства КНДР. При этом программа не направлена на Россию КНДР не рассматривается как возможный военный противник Российской Федерации. Для Тихоокеанской России также есть определённые риски, заключающиеся в том, что в перспективе при формировании архитектуры безопасности на Корейском полуострове, в случае исключения Российской Федерации из числа посредников в межкорейском урегулировании, лидерство в регионе могут захватить США. Нарастивание военного

присутствия США в регионе, стремление втянуть в орбиту своего влияния Китай, ослабив его отношения с Россией, акцентирование двусторонних договоренностей с ведущими партнерами в регионе – Японией и РК при игнорировании назревшей необходимости создания системы региональной безопасности, угроза создания международной системы безопасности в регионе под эгидой США, акселерация конфликта с КНДР и одновременно – стремление США стать главным арбитром, выдавив из процесса урегулирования Россию – эти угрозы со стороны США в АТР не имеют собственно региональной конфликтной составляющей, а отражают глобальную конфронтацию России и США.

Итак, поставленные в задании задачи решены полностью. Результаты НИР могут использоваться для написания научных статей, монографий, учебных пособий и учебников, использоваться в преподавании дисциплин, связанных с актуальными вопросами международных отношений в АТР. Представленное исследование отличается новизной, предшествующие исследования по подобной проблематике представлены преимущественно в виде статей по отдельным вопросам темы, до настоящего исследования материалы, освещающие современные процессы милитаризации в странах АТР в комплексе не были исследованы и представлены в виде единой научно-исследовательской работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 2018 index of economic freedom [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/country/northkorea> (дата обращения 25.10.2018) (дата обращения 14.11.2018)
2. Chinese Naval Vessels [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://SinoDefence.com> (дата обращения 14.11.2018)
3. Вооруженные силы КНР. Народно-освободительная армия Китая от Гражданской войны до наших времен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armiya-china.tass.ru/vooruzhennyye-sily> (дата обращения 14.11.2018)
4. Вооруженные силы Китая: история, структура, вооружение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://militaryarms.ru/armii-mira/vooruzhennyye-sily-kitaya> (дата обращения 14.11.2018)
5. North Korea now making missile-ready nuclear weapons, U.S. analysts say [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/north-korea-now-making-missile-ready-nuclear-weapons-us-analysts-say/2017/08/08/e14b882a-7b6b-11e7-9d08-b79f191668ed_story.html?utm_term=.f00ceaa3055c (дата обращения 14.10.2018)
6. South Korea says sanctions shrank North Korean economy at sharpest rate in 20 years [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-economy-gdp/north-korea-economy-declines-at-sharpest-rate-in-20-years-in-2017-idUSKBN1KA085> (дата обращения 19.10.2018)
7. Trends in world military expenditure, 2015: SIPRI Fact Sheet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf> (дата обращения 14.11.2018)
8. Армия КНДР построена по заветам «чучхе» и «сонгун» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/38604-armiya-kndr-postroena-po-zavetam-chuchhe-i-songun.html> (дата обращения 12.10.2018)
9. Армия Северной Кореи: численность и вооружение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/175505/armiya-severnoy-korei-chislennost-i-voorujenie> (дата обращения 14.10.2018)
10. Арутюнян, А. Теория о “китайской угрозе” и понятие о “желтой опасности”/ А. Арутюнян // Depi Ararat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://depiararat.com/теория-о-китайской-угрозе-и-поняти/> (дата обращения 14.11.2018)
11. Беспрецедентный контракт: Китай покупает у России боевые Су- 35 // Телерадиокомпания «Звезда». 19.11.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201511190740-r6lp.htm(дата обращения 14.11.2018)
- 12.** Боевая готовность: военный потенциал КНДР и Республики Корея[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2198696> (дата обращения 14.10.2018)
- 13.** Болдырев, В.Е. Политика стран Северной Америки и безопасность Тихоокеанской России / В.Е. Болдырев // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С.49.
- 14.** В Китае официально сформированы пять зон боевого командования вместо прежних семи военных округов // Международное радио Китая. 02.02.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2016/02/02/1s573187.htm>. (дата обращения 14.11.2018)
- 15.** Военный бюджет Японии в 2018 году может увеличиться на 2,5% / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3397908> (дата обращения 24.10.2018)
- 16.** Вооруженные силы КНДР: история, структура и вооружение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://militaryarms.ru/armii-mira/vvooruzhennyye-sily-kndr/> (дата обращения 14.10.2018)
- 17.** Геополитические амбиции и интриги США в АТР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1371> (дата обращения 20.10.2018)
- 18.** Губин, В.А. Изменение роли США в Северо-восточной Азии: военно-политический аспект (комплекс региональной безопасности Северо-восточной Азии) / В.А. Болдырев // Международная политика. – 2018. – № 4 (49). – С. 81-103[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/#infinite-scroll>(дата обращения 14.11.2018)
- 19.** Губин, А.В. Действия ВМС США нарушают спокойствие у морских границ Китая / А.В. Губин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/52172/>(дата обращения 14.11.2018)
- 20.** Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части Электронный фонд. 31.05.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901945334>(дата обращения 14.11.2018)
- 21.** Драчевский, Л. Передача островов Китаю уберет последний спорный момент в наших отношениях / Л. Драчевский // REGNUM. 25.05.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://regnum.ru/news/459463.html>(дата обращения 14.11.2018)

22. Дятлов, В. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке - хорошо это или плохо для России? / В. Дятлов // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110525093937/http://alkir.narod.ru/ssc/ref-liter/aa2003-4-china.html>(дата обращения 14.11.2018)
23. Забровская, Л.В. Роль делового сотрудничества Китая в решении ядерной проблемы КНДР / Л.В. Забровская // Проблемы национальной стратегии. – 2018.– № 4 (49). – С. 104.
24. Затибян, Т.Т. Военный потенциал Китайской народной республики / Т.Т. Затибян // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – № 9. – С. 107-115[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyu-potentsial-kitayskoj-narodnoy-respubliki>(дата обращения 14.11.2018)
25. Зачем Япония увеличивает военный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/army/40690600-zachem-yaponiya-uvelichivaet-voennyu-byudzhet/?updated> (дата обращения 24.10.2018).
26. Землетрясение и протесты. КНДР заподозрили в проведении ядерного испытания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170903/1501647927.html>(дата обращения 14.10.2018).
27. Зотова, В.А. Приоритетные направления космической программы Китая / В.А. Зотова // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – С. 116-124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-kosmicheskoy-programmy-kitaya> (дата обращения 14.11.2018)
28. Истомин, И. Азиатско-Тихоокеанская проблематика в предвыборной риторике Д. Трампа /И. Истомин, К. Водопьянов, Н. Старостин, А. Ларионова. 20.12.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/>(дата обращения 15.11.2018)
29. К отпору готовы? Насколько сильна или слаба военная машина Северной Кореи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/K-otporu-gotovy-18892> (дата обращения 11.10.2018)
30. Кадомцев, А. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перемены назревают/ А. Кадомцев. 29.11.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dossierdip.interaffairs.ru/index.php/analitika/item/1937-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%B2-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BE%D0%BA%D0%B5%D0%B0%D0%BD%D1>

%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-

%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5-

%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8B-

%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%82(дата обращения 15.11.2018)

31. Китай закрепляется на Южно-Китайском море // ВЕСТИ ЭКОНОМИКА. 25.05.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vestifinance.ru/articles/101931(дата обращения 15.11.2018)

32. Китай нарастит военные расходы // РИА Новости. 05.03.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180305/1515726775.html>(дата обращения 15.11.2018)

33. Китай продемонстрировал истребитель собственной разработки J-20. 01.11.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinanews.com/mil/shipin/cns/2016/11/01/news674387.shtml>. (дата обращения 15.11.2018)

34. Китай против России: Победа будет не за нами // Популярная механика. 25.01.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.popmech.ru/weapon/9937-kitay-protiv-rossii-pobeda-budet-ne-za-nami/#part2>(дата обращения 15.11.2018)

35. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. – М.: Научный эксперт, 2016. –112 с.

36. Кожевников, В.В. Политика Японии и безопасность тихоокеанской России / В.В. Кожевников // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249).– С.56.

37. Картунов, А. Китай и США в Азии: четыре сценария на будущее / А. Картунов. 08.06.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-ssha-v-azii-chetyre-stsenariya-na-budushchee/>(дата обращения 15.11.2018)

38. Крячкина, Ю.А. Новая эра американо-китайских отношений? / Ю.А. Крячкина. 06.11.2018.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/55088/>(дата обращения 15.11.2018)

39. Крячкина, Ю.А. Саммит лидеров КНР, Японии и РК прошёл после трёх лет перерыва/ Ю.А. Крячкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/50403/>(дата обращения 15.11.2018)

40. Крячкина, Ю.А. Дипломатические игры Токио / Ю.А. Крячкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/48045/>(дата обращения 15.11.2018)

41. Лобов, Р. Н. Контакты Севера и Юга достигли пика впервые за 11 лет/ Р. Н. Лобов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/47870/>(дата обращения 15.11.2018)
42. Лобов, Р.Н. Исторический визит в Пхеньян – попытка продлить эффект «олимпийского потепления» / <https://riss.ru/analytics/48521/>(дата обращения 15.11.2018)
43. Лобов, Р.Н. Межкорейский диалог под прессом США / Р.Н. Лобов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/53546/>(дата обращения 15.11.2018)
44. Макаренко, Г. Угрожают ли России американские комплексы ПРО в Южной Корее / Г. Макаренко, И. Сидорова, А. Агапова // РБК Дальний Восток. 7 марта 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/07/03/2017/58be88409a794735e5411b3e> / (дата обращения 10.10.2018)
45. Милитаризация Африки: Китай усиливает роль в регионе // Международное радио Китая. – 04.08.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/89208>(дата обращения 15.11.2018)
46. Мишин, В.Ю. КНДР как зона напряженности на границе Тихоокеанской России в контексте специфики северокорейского конфликтного потенциала / В.Ю. Мишин // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С.42.
47. Можно ли вообще победить КНДР? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-39629919>(дата обращения 11.10.2018)
48. Начата реформа Народно-освободительной армии Китая // Военное обозрение 14.01.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/89189-nachata-reforma-narodno-osvoboditelnoy-armii-kitaya.html>(дата обращения 15.11.2018)
49. НОАК держит в тайне информацию о силах стратегической поддержки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/132683-narodno-osvoboditelnaya-armiya-kitaya-derzhit-v-tayne-informaciyu-o-silah-strategicheskoy-podderzhki.html> (дата обращения 15.11.2018)
50. Новый оборонный заказ. Стратегии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dfnc.ru/politica/pro-ssha-v-atr/> (дата обращения 11.10.2018)
51. Особенности военно-политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://factmil.com/publ/obshhee/geopolitika/osobennosti_voenno_politicheskoy_obstanovki_v_aziatско_tikhookeanskom_regionе_2017/119-1-0-1199(дата обращения 19.10.2018)

52. Пекин подключается к гонке вооружений // Эксперт. 05.03.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2018/03/5/pekin-podklyuchaetsya-k-gonke-vooruzhenij/> (дата обращения 15.11.2018)
53. Пенс обвинил Россию и Китай в милитаризации космоса // РИА Новости. 09.08.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20180809/1526275209.html> (дата обращения 15.11.2018)
54. Песцов, С.К. Северная Пацифика: институциональная система сдержек и противовесов и состояние региональной безопасности / С.К. Песцов // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С. 8.
55. Песцов, С.К. Индекс региональной напряженности. Северо-Восточная Азия 2017 / С.К. Песцов, А.Б. Волынчук. – Владивосток, ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 62.
56. Песцов, С.К. Россия: угрозы и вызовы на востоке / С.К. Песцов // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С.33.
57. Ползущий дракон. В чем сила армии Китая? // Аргументы и факты. 05.03.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/army/polzuschiy_drakon_v_chem_sila_armii_kitaya (дата обращения 15.11.2018)
58. Полонский, И. Кровавые битвы с врагами. Китай готов к войне за мировое господство. 04.04.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/139092-kitay-gotov-k-voynе-za-mirovοe-gospodstvo.html> (дата обращения 15.11.2018)
59. Полонский, И. Пять точек третьей мировой войны. Где может «выстрелить» новый глобальный конфликт? 7.12.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/131338-pyat-tochek-tretey-mirovoy-gde-mozhet-vystrelit-novyuy-globalnyy-konflikt.html> (дата обращения 12.11.2018)
60. ПОЧЕМУ РОССИЯ И КИТАЙ УКРЕПЛЯЮТ ВОЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО // Закон Времени. 26.09.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonvremeni.ru/analytics/7-3-/36653-pochemu-rossiya-i-kitaj-ukreplyayut-voennoe-partnerstvo.html> (дата обращения 15.11.2018)
61. Разумнов, Е.А. Китайская народная республика, как источник рисков, угроз и возможностей для тихоокеанской России / Е.А. Разумнов // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С.54.

62. Расширение военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pentagonus.ru/publ/rasshirenie_voennogo_prisutstvija_ssha_v_aziatsko_tikhookeanskom_regione_2018/113-1-0-2849(дата обращения 21.10.2018)
63. Рейтинг армий мира 2018, полный список самых сильных армий // BASETOP.RU. 18.04.2018[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://basetop.ru/rejting-armiy-mira/> (дата обращения 15.11.2018)
64. Российские эксперты отрицают китайскую военную угрозу ('Хуаньцю Шибao', Китай) // Военное обозрение. 19.08.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/1098-rossijskie-yeksperty-otricayut-kitajskuyu-voennuyu-ugrozu-xuancyu-shibao-kitaj.html>(дата обращения 20.11.2018)
65. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/06/17/ru-63832/j20j> (дата обращения 25.10.2018)
66. Россия и Китай поддержали санкции ООН против КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-41235191>(дата обращения 21.10.2018)
67. Совбез ООН расширил санкции против КНДР в связи с запусками ракет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-40839233>(дата обращения 21.10.2018)
68. Соотношение вооруженных сил на Корейском полуострове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20101129/302219945.html>(дата обращения 20.11.2018)
69. Сорокина, И. Международные отношения 2018 / И. Сорокина, М. Смекалова, А. Ларионова, Д. Пуминов, А. Тесля // Азиатско-Тихоокеанский регион и Россия: пространство для сотрудничества[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://russiancouncil.ru/2018/asiapacific.html> Дата посещения: 10.10.2018
70. Спецназ Северной Кореи. На что способен новый вид войск КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://politros.com/43958-specnaz-severnoj-korei-na-chto-sposoben-novuj-vid-vojsk-kndr> (дата обращения 12.10.2018)
71. Спор России и Японии по поводу островов вряд ли будет выведен из тупика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170126/238604804.html>(дата обращения 21.10.2018)
72. Сравнение сил армий Северной и Южной Кореи: Больше информации // Конт. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://cont.ws/@bezuhoff/113223> (Дата посещения: 06.11.2018).

73. Стратегии национальной безопасности США // Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4825512> (дата обращения 25.10.2018).
74. США вышли из Транстихоокеанского партнерства: что дальше? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-38729182> (дата обращения 21.10.2018).
75. Терехов, В.Ф. Некоторые особенности американской политики в АТР / В.Ф. Терехов. 28.10.2014 <https://riss.ru/analitics/6673/> (дата обращения 20.11.2018)
76. Товарооборот между Россией и Китаем по итогам 2017 года вырос до \$84 млрд // РИА Новости. 12.01.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180112/1512472678.html> (дата обращения 20.11.2018)
77. Толстокулаков, И.А. Политика Республики Корея: потенциальные угрозы и возможности для тихоокеанской России / И.А. Толстокулаков // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С.45.
78. Топ-10 крупнейших импортеров оружия в мире // Русская весна. 25.02.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusvesna.su/economy/1456401075> (дата обращения 20.11.2018)
79. Трамп заявил, что США будут наращивать ядерный арсенал для оказания давления на РФ и КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/634536> (дата обращения 25.10.2018)
80. Трамп подписал закон о бюджете Пентагона на 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4806934> (дата обращения 20.11.2018)
81. Трамп получил свободу санкционного маневра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/07/25/5b5731dd9a79479d4979221d> (дата обращения 25.10.2018)
82. Трамп-эффект: в первый год президентства экономика США набирает высоту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180119/1512923955.html> (дата обращения 15.10.2018)
83. Три новых рода войск созданы в китайской армии // РИА Новости. 01.01.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160101/1352804440.html> (дата обращения 20.11.2018)
84. Трухачев, В. Япония: армия, которой не должно было быть / В. Трухачев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/world/asia/fareast/10-05-2009/310131-japan-0/> (Дата обращения 24.11.2018)

85. У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – № 1 (249). – С. 1.
86. Фермеры из Поднебесной убивают российскую землю // Версия. 27.06.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://versia.ru/fermery-iz-podnebesnoj-ubivayut-rossijskuuyu-zemlyu> (дата обращения 24.11.2018)
87. Что стоит на вооружении армии Китая? // Аргументы и факты. 15.10.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/chto_stoit_na_vooruzhenii_armii_kitaya_infografika (дата обращения 24.10.2018)
88. Эксперт: военные учения США и Южной Кореи – "нехороший сигнал" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/radio_brief/20170821/1500766837.html (дата обращения 22.10.2018)
89. Эфендиев, Р. Япония в меняющемся Азиатско-Тихоокеанском регионе / Р. Эфендиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа.: <http://newtimes.az/ru/politics/3614/> (дата обращения 24.10.2018)
90. Юферев, С. Вооружённые силы Республики Корея / С. Юферев // Военное обозрение. 18 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/86317-vooruzhennyye-sily-respubliki-koreya.html> (дата обращения: 10.10.2018)
91. Япония поднимет призывной возраст для военнослужащих / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/08/12/iaponiia-podnimet-prizyvnoj-vozrast-dlia-voennosluzhashchih.html> (дата обращения 24.10.2018)
92. Япония приняла рекордный военный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа.: <https://rg.ru/2016/12/22/iaponiia-priniala-rekordnyj-voennyj-biudzheth.html> (дата обращения 24.10.2018)
93. Япония хочет возродить армию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/world/asia/fareast/09-03-2017/1326837-japan-0/> (дата обращения 24.10.2018)
94. Японский парламент разрешил армии воевать за границей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150919_japan_military_overseas (дата обращения 24.10.2018)